

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Б.Х.Тодаева

Язык монголов Внутренней Монголии

Очерк диалектов

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Ответственный редактор

Г.Д. САНЖЕЕВ

В работе дано описание трех диалектов Внутренней Монголии. Описание базируется на материалах, собранных автором в полевых условиях. Используются также данные других экспедиционных групп, работавших в различных местах поселения монголов.

Исследование является продолжением книги того же автора «Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь» (М., 1981).

Т $\frac{4602010000-137}{013(02) - 85}$ 154-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ВВЕДЕНИЕ

Объектом нашего исследования являются говоры и диалекты Внутренней Монголии, носители которых, монголы Автономного района Внутренняя Монголия, уже несколько веков проживают в пределах Китая.

Изучение говоров восточной части Внутренней Монголии связано с именем известного русского монголоведа А. Д. Руднева, опубликовавшего в 1911 г. «Материалы по говорам Восточной Монголии». Летом 1903 г. А. Д. Руднев по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии ездил в Восточную Монголию. Он писал: «Посещены Харбин, Цицикар, Куан-Чэн-дзы, Мукден... и совершена экскурсия из Фулярди в ставку Дурбут-бэйсэ и его монастырь и обратно на ст. Сяо-Хэ-дза. На обратном пути заехал в Гусино-озерский, Джидивский дацаны и в Ургу. Эта экскурсия дала мне главный, основной материал для настоящей работы» /7, с. ххii/. А. Д. Руднев писал, что о восточных монголах знают чрезвычайно мало. Известно лишь, что в их языке аффрикаты *ч* и *ц* употребляются в тех случаях, где письменным монгольским *ᠱ* и *ᠵ* соответствуют халха-ургинские *ч* и *ж*, и что имеются различия в лексике. И, наконец, что будто бы «восточные монголы все окитаены и забыли свой язык» /7, с. 229/. В связи с последним тезисом автор отмечает, что, несмотря на многовековую китайскую колонизацию, восточные монголы сохранили свой язык, поскольку лексический состав его остается монгольским, и что многие из них не понимают по-китайски.

А. Д. Руднев устанавливает две группы говоров: 1) дурбут-бэйсэ, северный горлос и джадайт, 2) все остальные восточные — джасту, уджумчин, ордос и др. По поводу последних А. Д. Руднев писал: «В языке остальных вост. монголов я не замечал различий, которые бы дали мне право выделять еще другие подговоры» /7, с. 230/. Отличительной чертой первой группы говоров он считал наличие в них согласного *ж*, соответствующего письменному монгольскому, халха-ургинскому, восточным и калмыцкому *с*, бурятскому *н*.

Труд А. Д. Руднева является первым опытом описания основных фонетических и морфологических особенностей речи дурбет, горлос и отчасти хорчин, проживающих на самой окраинной части северо-востока Внутренней Монголии. Следует заметить, что ученый изучал речь лишь отдельных монгольских племен — дурбут-бэйсэ, горлос, хорчин (джасту). Основная же масса монголов (в том числе и часть хорчин) Джоудаского (арухорчины, барины, хешиктены), Чахарского, Джостуского (харчины и туметы), Шидингольского, Уланцабского и Иехе-Чжоуского (Ордосского) аймаков Внутренней Монголии осталась вне поля наблюдений исследователя.

А.Д. Руднев отмечал, что по восточным говорам большой материал собрал П.Ж. Жамцарано. «Из его писем видно, что он обследовал ордос, урат, дурбет (дурбен хухет), сунит, абага, уджумчин и баргу» /7, с. VI, примеч. 3/. К сожалению, материалы, собранные П.Ж. Жамцарано, не были опубликованы, и судьба их неизвестна.

В дальнейшем изучение говоров Восточной Монголии приостановилось. После А.Д. Руднева никто из монголистов (ни до революции, ни после нее) ими не занимался. Таким образом, выходом в свет книги А.Д. Руднева, собственно, и ограничивается изучение в России говоров Внутренней Монголии.

Между тем южная часть Восточной Монголии привлекла внимание иностранных специалистов. В 1906 г. А. Мостарт, бельгийский миссионер, ставший затем известным ученым, начал изучение ордосского диалекта. Его пребывание в Китае с 1906 по 1925 г. было весьма плодотворным. Он опубликовал несколько капитальных трудов, посвященных исследованию ордосского диалекта: «Диалект монголов ордос», «Тексты ордос», «Словарь ордос» /12; 13; 14/.

Изучение отдельных говоров не давало целостного представления о языке монголов Внутренней Монголии и близлежащих провинций Китая, о современном состоянии говоров и месте, занимаемом ими как в группе диалектных подразделений языка самих восточных монголов, так и среди других монгольских языков. При рассмотрении говоров Внутренней Монголии обычно ссылаются на ордосский как на самый известный в литературе и сохраняющийся в «чистом» виде некоторые черты старописьменного монгольского языка (СПМЯ). Однако во всех остальных говорах заметны отличия, характерные для речи монголов разных племен. Следует принять во внимание и то, что частичное переселение монголов, занятие животноводством и, следовательно, перекочевки с места на место в поисках лучших пастбищ, социальные перемены в их жизни (особенно в начале 50-х годов XX в.) — все это положило начало известному смешению отдельных черт внутри групп говоров (главным образом тех, которые распространены в Чахарском, Шилингольском, Ихе-Чжоуском (Ордос) и Уланцабском аймаках⁷.

ЭКСПЕДИЦИОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОВОРОВ И ДИАЛЕКТОВ

В 1954–1957 гг. в КНР была развернута большая работа по широкому полевому обследованию и изучению языков многочисленных национальных меньшинств. Эти исследования должны были предшествовать созданию для многих из них новой письменности или реформе старой письменности и разработке литературных языков.

1954 год стал примечательным в истории всех монголоязычных народностей Китая — монголов Внутренней Монголии, дагуров, монголов, дунсян, баоаней, ойратов, живущих в провинциях Ганьсу, Цинхай и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Языки этих народностей стали предметом специального исследования. До этого они в КНР не изучались.

Первым шагом к подготовке и проведению экспедиции было накопление предварительных данных о границах распространения, общем положении (ис-

торических, этнографических и другие сведения) монголов, выяснение основных контуров отдельных говоров и диалектов¹. Общая задача экспедиции была ясна — установить реальную языковую ситуацию на территории Внутренней Монголии и наметить границы между диалектами и говорами. Но сначала необходимо было тщательно продумать и решить наиболее существенные вопросы практического и методического характера, например: а) выяснить, какие говоры обследовать, где они распространены и как их именовать; б) выработать транскрипцию; в) составить единую программу для сбора материалов по говорам; г) определить маршруты и сроки обследования того или иного говора.

Ответственным и трудным мероприятием была выработка транскрипции и составление единой программы с единой методикой записи и сбора материала. Было признано целесообразным принять за основу практический алфавит языка монголов МНР с добавлением некоторых диакритических знаков. Очень важно было также определить объект сравнения изучаемого говора. Многомесячная подготовительная работа завершилась к маю 1955 г., и настало время самой экспедиции.

Экспедиция 1955 г. была организована Центральной академией национальных меньшинств в Пекине, Институтом языкознания АН Китая и Обществом по изучению монгольского языка и письменности во Внутренней Монголии² под общим руководством Академии наук Китая и Комитета по делам национальностей.

Группы по обследованию монгольских языков и диалектов входили в состав V-го отряда лингвистической экспедиции 1955 г. В ней принимали участие 60 человек — представители различных монгольских народностей. Членами экспедиционных групп были сотрудники, преподаватели, аспиранты кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств, сотрудники Института языкознания АН Китая, преподаватели восточного факультета Пекинского университета. Были приглашены и 40 человек из Автономного района Внутренняя Монголия — преподаватели и учащиеся старших курсов техникума монгольского языка, работники издательств, переводчики, прошедшие специальные краткосрочные курсы.

Было создано 13 групп: 1) баргу-бурятская, 2) дагурская, 3) хинганская, 4) джеримская, 5) жоудаская, 6) харчинская, 7) чахарская, 8) шилингольская, 9) уланцабская, 10) ордосская, 11) ганьсуская, 12) цинхайская, 13) синьцзянская.

¹ Мы не останавливаемся на экспедиционном изучении остальных монгольских языков — дагурского, дунсянского, монгорского и баоаньского, а также речи ойратов в провинциях Ганьсу, Цинхай и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

² Общество, созданное в 1953 г., состояло из 160 членов. Задачи Общества: 1) унификация монгольской терминологии, 2) изучение языка (составление учебно-методических пособий) и переводы на монгольский и с монгольского на китайский, 3) изучение нового монгольского письма (на кириллице), 4) собрание памятников старой письменности и устного народного творчества), 5) издание журнала «Монгол хэл бичиг».

Существовала и специальная группа, куда входил и советский специалист со своим маршрутом и планом обследования. Ее члены изучали язык дагуров в провинции Хэйлунцзян (цицикарский говор) и дагуров в Хулунбуирском аймаке Внутренней Монголии (бутхаский говор), а также язык монгольского населения Хулунбуирского, Джеримского, Джоудаского, Шилингольского и Чахарского аймаков Автономного района Внутренняя Монголия.

Экспедиционные группы работали на местах поселения монголов от трех до шести месяцев. В итоге широких полевых обследований в распоряжении специалистов оказалось большое количество материалов (правда, неодинаковых по своей значимости), которые давали возможность представить целостную картину общего состояния изучаемых говоров и диалектов, распространенных на весьма обширной территории, начиная с Маньчжурии на севере и кончая Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе.

Подведение итогов работы, даже предварительных, было делом нелегким. Задача состояла не только в том, чтобы дать подробное описание фонетических, морфологических и лексических особенностей диалектов и говоров для определения путей дальнейшего развития языка монголов Китая, но и в том, чтобы на основе собранных материалов помочь правильно решить вопрос о возможности перевода письменности прежде всего монголов Автономного района Внутренняя Монголия со старомонгольской графики на новую (кириллицу).

Следует отметить, что до экспедиционного обследования языка монголов Внутренней Монголии не раз ставился вопрос на местах о реформе старомонгольской письменности и замене ее письменностью на основе русской графики, применяемой в соседней братской стране — МНР. Выбор китайскими монголами этой графики объяснялся историческими связями, единой основой их языка, наглядными примерами успешного развития культуры и просвещения монголов МНР.

Подготовительные работы по языковому строительству, в частности мероприятия по дальнейшему развитию языка монголов Китая, и осуществлению реформы старомонгольской письменности были неразрывно связаны между собой и в целях подведения итогов нуждались в обобщении.

В этой связи возникло много практических и теоретических вопросов, например: классификация монгольских диалектов и говоров, выбор опорного диалекта и установление норм литературного произношения, степень понятности нового литературного языка для всего населения и т. д.

Особенно сложным и дискуссионным оказался вопрос о членении монгольского языка, к которому китайские ученые сочли возможным отнести язык баргутов и бурят Хулунбуирского аймака Внутренней Монголии, а также ойратов провинций Ганьсу, Шинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Эта проблема требовала самого серьезного внимания — учета не только лингвистических данных, но и общественно-политических факторов.

Результатом деятельности экспедиции явился доклад кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств в Пекине, который был прочитан на Общереспубликанской научной конференции по языкам народов КНР в декабре 1955 г. /9/.

Основной доклад на этой конференции был посвящен общему обзору состояния работы по обследованию языков и тому, что делается в области со-

адания и реформирования письменностей. На конференции развернулся широкий обмен опытом работы по изучению различных групп языков национальных меньшинств, а также были намечены конкретные планы осуществления их на ближайшие годы.

Решение конференции о необходимости завершить основную работу по обследованию языков национальных меньшинств Китая и оказанию содействия им в разработке и усовершенствовании письменностей в ближайшие три года (1956—1958) касалось и монголоязычных народностей. Подготовка к осуществлению плана экспедиции 1956 г. началась сразу же после завершения этой конференции.

В промежутке между созывом научной конференции по языкам народов КНР и проведением экспедиции 1956 г. произошло еще одно важное событие в истории изучения монгольских языков Китая — это созыв первой научной конференции по актуальным проблемам монгольских языков и письменностей. Она состоялась в Автономном районе Внутренняя Монголия, в г. Хухэ-Хото (в мае 1956 г.), в ее работе принимали участие представители всех монгольских народностей: дагуры, монголы, дунсяне, баоане, монголы, ойраты, баргуты и буряты.

В докладе кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств в Пекине «Об итогах работы монгольской экспедиции 1955 г.» освещались современное состояние изученности говоров и диалектов, их классификация, взаимоотношение не только между диалектами монголов Китая, но и между диалектами последних и халхаским, легшим в основу литературного языка монголов МНР, и как итог высказывалось предварительное мнение по вопросу о перспективах дальнейшего развития монгольского языка в Китае, о возможном переходе на новый алфавит.

Конференции предшествовали большая подготовительная работа, множество обсуждений и споров, поиски лучших вариантов решения проблемы. Мнения сторон резко расходились, и намечались два возможных пути решения главного вопроса:

1) в качестве основы литературного монгольского языка целиком принять халхасский диалект, признав тем самым исконное единство языка монголов МНР и монголов Внутренней Монголии;

2) в основу литературного языка положить один из диалектов Внутренней Монголии и, следовательно, дать возможность самостоятельному существованию и развитию литературного языка на территории Внутренней Монголии в пределах КНР.

Те, кто настаивал на сохранении самобытности языка монголов Внутренней Монголии, считали целесообразным за основу их литературного языка взять восточный диалект (хорчинский говор). Мотивировалось это тем, что на нем говорит 80% (свыше миллиона) населения Внутренней Монголии, культура их более развита, они живут компактно, ведя полупоседлый или оседлый образ жизни.

Мнение, высказанное кафедрой монгольского языка, заключалось в следующем: учитывая то, что после освобождения Китая связи с монголами МНР стали более тесными и литературный монгольский язык МНР оказывает известное влияние на интеллигенцию и население Внутренней Монголии, жела-

тельно для дальнейшего подъема культуры широких народных масс в соответствии с планами социалистического строительства в стране объединить усилия монголов в развитии общего национального языка. Кафедра считала возможным рекомендовать в качестве опорного — центральный диалект (с его шилинголским произношением), занимающий промежуточное положение между восточным и западным диалектами, общепонятный для монголов, живущих в Китае и наиболее близкий к языку монголов МНР. После обмена мнениями и долгих сясоров участники конференции пришли к решению: на территории Автономного района Внутренняя Монголия культивировать единый с монголами МНР общелитературный монгольский язык и расширять его базу за счет центрального диалекта языка монголов КНР как наиболее близкого к халхаскому диалекту.

Широко обсуждался вопрос и о переходе монголов на новый алфавит, применяемый ныне у монголов МНР³. Это касалось не только основной массы монгольского населения Внутренней Монголии, но и прилегающих к ней китайских провинций северо-востока — Хэйлуцзян, Гирич, Ляонин, где живет часть монголов. На конференции ойраты Синьцзян-Уйгурского автономного района высказались за возможность использования и распространения новой монгольской письменности и среди ойратов. Конференция рекомендовала распространить новую монгольскую письменность не только в пределах Внутренней Монголии, но и среди ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района и в провинции Ганьсу и Цинхай.

В 1956 г. в Урумчи на научной конференции по языкам и письменностям народностей Синьцзян-Уйгурского автономного района был рассмотрен вопрос и об использовании новой монгольской письменности ойратами, живущими в регионе.

Ойраты высказались за переход на новую монгольскую письменность. В тот период подобное мероприятие должно было объединять монголов и ойратов КНР, содействовать росту их культуры, сдочнению всего монголоязычного населения.

Экспедиция 1956 г. отличалась от экспедиции 1955 г. более широким охватом объектов изучения, маршрутом, сроками и составом участников и т.д. Несмотря на определенные успехи в работе, в экспедиции 1955 г. имелись недостатки, упущения, которые выявились как в процессе работы, так и при подведении предварительных итогов. В экспедиции 1955 г. не изучались языки басаней и шира югуров, оказались необследованными и некоторые группы монголов. При этом записанные материалы требовали дополнительного изучения, повторной проверки на местах у носителей того или другого говора.

В этот раз самостоятельно функционировали группы по изучению монгорского, дунсянского и басаньского языков. Специальная группа, в которую

³ Следует отметить, что решение о переходе на новую монгольскую письменность было опубликовано Народным комитетом Автономного района Внутренняя Монголия еще в июле 1955 г. Этим решением предусматривалось с июля 1955 до половины 1958 г. проведение должной подготовки и частичного перехода, а с мая 1962 г. — полный переход на новую графику. Следовательно, параллельно с обсуждением этой проблемы на научной конференции уже шло и ознакомление населения с новой письменностью.

входила и пишущая эти строки, обследовала языки монголов в провинции Цинхай, дунсян, баоаней и омонголившейся группы шира югуров в провинции Ганьсу, а также язык цинхайских или куку-норских монголов (в частности, монголов-мусульман уезда Хайянь) и ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района (торгуты, элюты и хошуты).

По возвращении всех экспедиционных отрядов в конце 1956 г. началась кропотливая работа по подведению итогов экспедиции и составлению отчетов каждым отрядом по заранее разработанным и обсужденным проспектам. Особых усилий требовала обработка материалов по лексике, которые должны были стать основой для предполагаемого словаря диалектов.

В целом работа была результативной, она дала ценные сведения и материалы по всем монгольским языкам, что позволило представить языковую ситуацию, создать базу для расширения дальнейших обследований, приступить к составлению грамматических очерков, словарей и т.д.

Однако деятельность полевых лингвистических экспедиций по исследованию монгольского языка, выбор основы литературного языка монголов Внутренней Монголии и начавшееся распространение новой монгольской письменности рассматривались лишь как первые шаги в решении проблем национально-языкового строительства, непосредственно связанного с подъемом и развитием национальной культуры монголов Автономного района Внутренняя Монголия. Этим мероприятиям не суждено было осуществиться в силу определенных обстоятельств, сложившихся в последующие годы. В частности, этому способствовали и меры правительства Автономного района Внутренняя Монголия, отменившего принятое в 1958 г. решение о реформе монгольской письменности.

Языковая ситуация и языковая политика в Автономном районе Внутренняя Монголия в связи с проблемами развития монгольского языка и реформы письменности подробно рассматриваются в книге А.А. Москалева, посвященной характеристике национально-языковой политики КНР /5/.

В 1957–1965 гг. позиция китайского руководства в вопросе о реформе графики национальных письменностей существенно изменилась. Национальные меньшинства были лишены свободы выбора формы графики своей письменности, им предлагали брать за основу латинский алфавит, тем самым добиваясь унификации с китайской латинизированной слоговой орфографией. Курс на пересмотр основных принципов реформы или разработку национальных письменностей начал сразу же осуществляться во многих местах.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ЯЗЫКА МОНГОЛОВ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

А.Д. Руднев в своем схематическом обзоре монголов делал их по нарезкам на три группы: восточные (монголы), северные (буряты) и западные (ойраты) /7, с. IV/. К восточным монголам он относил: 1) южных — ордос, чахары, тумуты, суниты и др. и 2) северо-восточных, куда входят: а) юго-восточ-

ные (хорчин, харачин, оннют, барин, хешиктен, уджумчин и др.); б) северо-восточные (горлос, дурбут); в) халха — восточные и западные.

Г.И. Рамстедт к восточным монголам также относил всех собственно монголов (внешних и внутренних) и делил восточномонгольские наречия на три группы: 1) южномонгольскую группу (чахар, ордос, тумут и т.п.), 2) северо-восточную группу, которая охватывает многие мелкие племена у границ Маньчжурии (хорчин, оннют, уджумчин и т.п., а также горлос и дурбут-бэйсэ, имеющие особый говор) и 3) халхаское наречие /6, с. 5/.

Г.И. Рамстедт считал, что язык современных восточных монголов состоит из многих наречий, но различия между ними невелики и они без особого труда понимают друг друга. В отличие от А.Д. Руднева он не выделяет в особую подгруппу горлос и дурбут.

Большого внимания заслуживает классификация монгольских наречий и говоров, предложенная Б.Я. Владимирцовым. Б.Я. Владимирцов исходил из того положения, что общего монгольского языка не существует вовсе, а имеется несколько наречий и множество говоров, на которых изъясняются их носители в различных местах поселения монгольских племен. Эти наречия и говоры он условно делил на две ветви — западную и восточную. Западную ветвь составляют: а) ойратское наречие, б) наречие афганских моголов. К восточной ветви он относил наречия: а) бурятское, б) баргу-бурятское, в) дагурское, г) южномонгольское, д) халхаское.

По Б.Я. Владимирцову, в состав южномонгольского наречия входит несколько групп говоров: восточная, харачинская, чахарская и ордосская. К восточной группе он относил говоры населения северо-восточной части Внутренней Монголии (монголы Джиримского и Джоудаского сеймов), и, так же как и А.Д. Руднев, различал в ней две подгруппы: а) северо-восточную (говоры населения Дурбут-Бэйсэ, Сев. Горлос и Джалайт) и б) юго-восточную (все остальные говоры).

К харачинской группе он относил говоры монголов Джостуского аймака (племена харачины и тумуты). В чахарскую он включал говоры монголов Чахарского и Шилингольского аймаков. Такой же обобщенно расширительной оказалась и ордосская группа, включавшая говоры, на которых изъяснялись монголы Нехе-Чжоуского (Ордос) и Уланцабского аймаков. Говор уджумчин квалифицировался Б.Я. Владимирцовым как переходный к восточной группе /2, с. 8–9/.

При этом Б.Я. Владимирцов предупреждал, что «нельзя забывать того, что каждое наречие является в действительности в виде нескольких близких между собой, но все-таки отдельных говоров, а также того, что говоры чаще всего как бы волной переделяются друг в друга; в пределах же одного говора тоже можно наблюдать разные отличия» /2, с. 5/. Важно то, что распределение по говорам им намечалось в условиях, когда был исследован лишь ордосский и часть говоров восточной группы, да и то недостаточно полно. Он считал, что как следствие всего этого классификация говоров южномонгольского наречия, возможно, подвергнется дальнейшим изменениям и дополнениям. /2, с. 9/.

Г. Т. Санжеев не дает частной классификации говоров Внутренней Монголии, он рассматривает носителей этих говоров как собственно монголов и считает, что «как внешние, так и внутренние монголы говорят на разных диалектах одного и того же монгольского языка: халхаском, чахарском, ордосском и др. Основное отличие между диалектами этого единого монгольского языка состоит преимущественно в фонетических особенностях и заключается в том, что если халхаский диалект, на котором говорит основное население Монгольской Народной Республики, является свистящим (*чаг* 'время', *олам* 'дорога'), то диалекты внутренних монголов — шипящими (*чаг* 'время', *олам* 'дорога')». Конечно, имеются отличия и в области грамматического строя и словарного состава, но они весьма незначительны по своему характеру. /8, с. 10/.

Известна классификация монгольских языков, предложенная Н. Н. Поппе, который делит монгольские языки на две основные ветви: восточномонгольскую, куда включаются: 1) дагурский язык, 2) монгорский язык, 3) восточномонгольский язык (иначе — халха и диалекты Внутренней Монголии), 4) бурятский язык, и западномонгольскую, включающую: 1) могольский язык, 2) ойратский язык (иначе — речь всего ойратского населения МНР и КНР), 3) калмыцкий язык.

Н. Н. Поппе диалекты Внешней и Внутренней Монголии считает диалектами одного языка, называемого им восточномонгольским языком. Важным он полагает то, что племена, которые общаются на этих диалектах, называют себя «монголами», в то время как другие монгольские народности не употребляют этого названия /15, с. 19/.

Восточномонгольский язык Н. Н. Поппе делит на следующие диалекты: а) халха, б) уланцаб, в) ордос, г) чахар (помимо чахар автор включает сюда и речь монголов Шилингольского аймака), д) харчин, е) джоуда (найман, арухорчин, джарут, кешиктен, барин, аохан, чохор халха и оннют), т.е. сюда включается речь монголов, населяющих территорию Джеримского аймака: хорчин, джалайт, дурбут и горлос /15, с. 20—21/. Н. Н. Поппе различает в качестве самостоятельных диалектов ордос и уланцаб, тогда как, например, у Б. Я. Владимирова уланцабский включался в состав ордосской группы.

Широкое экспедиционное изучение языка монголов КНР способствовало дальнейшему уточнению и пересмотру схемы их распределения на говоры и диалекты.

Первая такого рода классификация была предложена группой авторов в докладе, прочитанном на Общереспубликанской научной конференции по языкам народов КНР в декабре 1955 г. /9/.

Она основывалась на совершенно новых данных, полученных путем фронтального экспедиционного обследования языка монголов во всех местах их поселения. Авторы исходили из того, что как фонетические и морфологические, так и лексические особенности дают основание делить язык монголов Внутренней Монголии на отдельные говоры и диалекты. Таких диалектов насчитывается пять: 1) баргу-бурятский (шинэ-баргуский и хучин-баргуский говоры); 2) восточный (хорчинский, арухорчин-баринский и харчин-туметский говоры); 3) центральный (шилингольский, чахарский и ордосский говоры); 4) за-

надный (алашаньско-эдзинский и цинхайский говоры); 5) ойратский (торгутский говор)⁴.

Опираясь на новые материалы и построенная с учетом реальных данных по языку, истории и границам расселения монголов, эта классификация в основном соответствовала действительному положению. Однако авторы сознавали, что последующая экспедиция дополнит, уточнит ее.

Незначительные уточнения в эту классификацию вносились и позднее, когда была завершена экспедиция 1956 г. и подведены итоги работы всех групп. Но следует заметить, что и при последующих изысканиях в основе сохранялась именно эта первоначальная классификация.

В 1957 и 1958 гг. были опубликованы статьи Чингэлтэя, посвященные краткому обзору монгольских языков Китая и диалектов собственно монгольского языка. Чингэлтэй делит собственно монгольский язык на следующие диалекты и говоры: 1) баргу-бурятский диалект (шинэ-баргуский, хучио-баргуский и бурятский говоры); 2) восточный диалект (джоудаский, джеримский и джостуский говоры); 3) центральный диалект (шилино-гольский, чахарский и ордосский говоры); 4) западный диалект (эдзинско-алашаньский и кукунорский говоры) и 5) ойратский диалект (торгутский говор) /16/.

Классификация Чингэлтэя отличается от предшествующей классификации тем, что в ней признается бурятский в качестве отдельного говора, а говоры восточного диалекта именуются согласно территориальной принадлежности их носителей.

В тот период вопрос о делении языка монголов КНР на отдельные диалекты и говоры (в уже указанном выше широком понимании) был далеко не простым и бесспорным. Включение в его состав в качестве самостоятельных единиц баргу-бурятского, западного и ойратского диалектов, несомненно, было искусственным, но отвечавшим в то время целям и задачам развития языка и распространения новой письменности и в целом национально-языковой политике, проводившейся в отношении различных этнических групп монголов Китая. Впоследствии по мере накопления и анализа материалов выявились неточности существующей классификации.

Нам представляется, что они состояли не только в том, что баргу-бурятский, западный и ойратский диалекты были неправомерно включены в состав языка монголов Автономного района Внутренней Монголии, но и в том, что не были четко определены и точно установлены границы говоров самого языка монголов Внутренней Монголии.

И в настоящее время не удастся с достоверностью отнести речь некоторых этнических групп монголов к какому-либо определенному говору восточного или центрального диалекта. Это происходит не потому, что они не подверглись

⁴ В тот период, когда основное внимание обращалось на реформу старых письменностей и подготовку к практическому ее осуществлению — распространению новой письменности, работу по ликвидации неграмотности и поднятию общей культуры населения, язык монголов КНР понимался более широко — как речь всех этнических групп, населяющих не только Автономный район Внутренней Монголии, но также провинции Ганьсу и Цинхай, Синьцзян-Уйгурский автономный район.

экспедиционному обследованию и нет по ним данных, а в силу сохранения в них переходных явлений и смещения отдельных черт, присущих говорам разных диалектов. Поэтому мы рассматриваем их как единицы переходного типа, подразделив на подговоры.

Экспедиционное изучение показывает, что диалекты и говоры языка монголов Внутренней Монголии наряду со значительным сходством отличаются друг от друга. Каждый из них характеризуется известными, зачастую весьма устойчивыми локальными признаками.

Учитывая определенные исторические условия жизни, территорию расселения монголов, особенности их речи — фонетические, морфологические и лексические, т.е. базируясь на историко-географическом и лингвистическом критериях, мы предлагаем новую схему классификации языка монголов Внутренней Монголии, сохраняя при этом наше первоначальное наименование диалектов (восточный и центральный). Ордосский мы выделяем в отдельный южный диалект⁵.

Язык монголов Автономного района Внутренняя Монголия распадается на три диалекта: восточный, центральный и южный, каждый из которых, в свою очередь, дробится на ряд говоров и подговоров.

А. Восточный диалект. Он делится на говоры: 1) хорчинский (с подговорами джасагтуским и джалайт-дурбетским); 2) харчин-туметский; 3) арухорчин-баринский (с подговорами оншот-найманским и их-мянганским).

Б. Центральный диалект. В нем два говора: 1) чахарский (с подговором хешиктенским); 2) шилингольский.

В. Южный (ордосский) диалект.

Вне этой схемы оказываются небольшие группы монголов, живущих в провинциях Хэйлунцзян и Гири (северные и южные горлосы) и в Джеримском аймаке Внутренней Монголии (джаруты), по своей речи близкие к хорчинам.

В основу исследования положен материал, собранный автором в экспедициях. Использовались также и отчетные данные других экспедиционных групп, которые работали среди населения различных монгольских племен, проживающих в пределах Китайской Народной Республики.

⁵ Предварительно необходимо сделать следующие замечания: 1) баргуты и буряты, населяющие Хулунбуирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия, по своей речи близки к бурятам, проживающим в СССР; 2) ойратское население провинций Ганьсу и Цинхай по своей речи занимает промежуточное положение, среднее между ойратами Синьцзян-Уйгурского автономного района и монголами самого крайнего запада Внутренней Монголии; 3) ойратское население Синьцзян-Уйгурского автономного района по языку резко отличается от монголов Внутренней Монголии и ближе всего к ойратам провинций Ганьсу и Цинхай, а также к калмыкам, живущим в СССР.

По числу носителей и по количеству говоров и подговоров это один из крупных диалектов. На восточном диалекте говорит население Хулунбуирского, Джеримского, Джоудаского и Джостуского аймаков Внутренней Монголии, включая также монголов в провинциях Хэйлунцзян, Гири и Ляонин северо-восточной части Китая, общей численностью более 1 060 000 человек¹.

ХОРЧИНСКИЙ ГОВОР

В качестве основы описания хорчинского говора взята речь жителей хошуна Дархан-ван. Хорчинский говор представляет особый интерес не только тем, что относится к территориально крайнему, но и тем, что является преобладающим по количеству говорящих на нем людей. Кроме того, данный говор выступает как наиболее типичный для языка восточных монголов, отличаясь в то же время от остальных говоров своеобразием фонетики и морфологии. Поэтому хорчинский говор исследуется нами более полно.

На хорчинском говоре общаются жители Хулунбуирского и Джеримского аймаков, расположенных на северо-востоке Внутренней Монголии. К хорчинскому говору близка речь джарут (два хошуна — Джарут восточный и западный) на территории Джеримского аймака и речь северных (в провинции Хэйлунцзян) и южных (в провинции Гири) горлос.

ФОНЕТИКА

Гласные

Краткие гласные

a — широкий неогубленный гласный заднего ряда, встречающийся в начале, середине и конце слова: *aa* 'облава', *iai* 'огонь', *alia* 'ладонь'. В единичных словах *a* первого слога становится огубленным благодаря влия-

¹ Данные о численности монголов, проживающих в различных аймаках Внутренней Монголии, относятся к моменту их экспедиционного обследования (1955—1956).

нию окружающих звуков, в частности непосредственно следующего за ним губного согласного, например: хорч. *ida-* 'идти' (ср. в речи ойратов Сияньцзян-Уйгурского автономного района *joa-*).

Старописьменному монгольскому *a* в первом слоге некоторых хорчинских слов соответствует гласный переднего ряда *ɛ*. Это связано с влиянием узкого гласного *i* второго, последующего слога на широкий гласный предшествующего слога, ср.: *amín*² 'жизнь', *šabi* 'послушник', *aišiyur* 'платок', *anjusun* 'плуг' — хорч. *эм, шэв, элшүр, эндас*. Гласный *ɛ* во всех говорах восточного диалекта произносится несколько своеобразно — как звук более продвину- тый вперед, чем *a*, но в то же время более отодвинутый назад по сравнению, например, с калмыцким *ä*.

o — широкий огубленный гласный заднего ряда, который может находиться в любой позиции в слове: *ol-* 'найти, находить', *soxor* 'слепой', *šono* 'волк'.

Старописьменный монгольский *o* в первом слоге некоторых хорчинских слов отражается в виде гласного переднего ряда *ö*, что обусловлено влиянием узкого гласного *i* второго, последующего слога: *morin* 'конь', *jočin* 'гость', *sorbi* 'рубец от шрама', *točči* 'пуговица' — хорч. *мөр(ин), джочин, сөрби, төвш*.

y — узкий огубленный гласный заднего ряда, встречающийся в начале и середине слова: *us(am)* 'вода', *yul* 'знамя'. Иногда произносится ближе к широкому *o*. Нами зафиксированы слова, в которых заметно произношение *y*, как *o*, ср.: *lutun* 'лук (оружие)', *ungsi-* 'читать', *budyu* 'краска' — хорч. *ном, омши-, бодог*.

e — узкий огубленный гласный среднего ряда, употребляющийся во всех позициях: *olii* 'колыбель, люлька', *mor* 'след, путь', *omno* 'юг, южный'. В СПМЯ ему соответствует гласный переднего ряда *ö*, ср.: *köi* 'нога', *möndür* 'град', *könggen* 'легкий' — хорч. *төл, мөндөр, хөхөн*.

В хорчинском говоре *ö* СПМЯ нередко замещается гласным узким того же ряда *y*. Однако эта тенденция к сужению более заметна в андауте, ср.: *böglege* 'пробка', *bödür* 'высокий' — хорч. *бүлэг, үндөр*, совр. монг. (халха) *бөглөө, өндөр*.

γ — узкий огубленный гласный среднего ряда, который встречается в начале и середине слова: *γö* 'полдень', *γuten* 'цельный, исправный'. Ему соответствует в СПМЯ гласный переднего ряда *ü*, ср.: *üliger* 'образец', *ünegen* 'лисица', *büse* 'пояс' — хорч. *үлгер, үгел, бүс*.

e — широкий неогубленный гласный переднего ряда. Он встречается в любой позиции в слове: *ee* 'дружба, согласие', *jemdei* 'примета, признак', *xele-* 'говорить, сказать'.

Укажем и на своеобразие отражения *e*: а) иногда он становится настолько узким и передним, что переходит в *i* (это заметно еще под влиянием среднеязычного согласного *j*), например: *beje* 'тело', *yeke* 'большой', *dei* 'грива' — хорч. *бије, ил, дил*; б) гласный первого слога *e* в позиции перед огубленным *ü* иногда подвергается в хорчинском регрессивной ассимиляции, ср.: *emüne* 'впереди', *ebügen* 'старец', *emüs-* 'одеваться' — хорч. *эмнө, өбгөн, өмсө-*.

² В дальнейшем изложении все примеры, которые взяты из старописьменного монгольского языка (СПМЯ), даются на латинской графике.

/ — узкий неогубленный гласный переднего ряда. Ему в СПМЯ соответствует гласный /, восходящий в прошлом к двум гласным типа / — переднему и заднему *ʔ*. Впоследствии эти два гласных слились в один гласный /.

О «переломе» гласного / . Отличительной чертой говоров и диалектов языка монголов Внутренней Монголии по сравнению с СПМЯ является то, что гласный / первого слога ассимилируется в говорах гласным последующего, второго слога. Однако это не означает, что «перелом» имеет место во всех случаях. Известно много примеров, когда гласный / в первом слоге не меняется. Вопросом о «переломе» гласного / занимались многие исследователи. Наиболее полно суть «перелома» сформулирована Б.Я. Владимирцовым. Явление это объясняется тем, что гласный второго слога антиципировался, т.е. голосовой аппарат принял положение, необходимое для воспроизведения этого гласного до образования находящегося между / и последующим гласным согласного /2, с. 176/. Это предвосхищение последующего звука при произнесении предшествующего (ср. СПМЯ *ʃida* > хорч. *ɖʒid* 'копье') привело к возникновению специфической черты, типичной для монгольских языков, к фонетическому видоизменению слов.

Однако следует отметить, что в различных монгольских говорах «перелом» гласного / получает разное развитие, как следствие этого в каждом из них находятся слова с гласным /, ассимилирующимся гласным второго слога или неассимилирующимся. И в хорчинском говоре наряду с нормальным развитием известны многие исключения и непоследовательности.

В хорчинском наблюдаются разные результаты «перелома».

1. Гласный / первого слога перед гласным *a* второго слога переходит в гласный *a*, т.е. подвергается «перелому», например: *miqa* 'мясо', *ʒidal* 'сила', *ʃuʒsun* 'рыба' — хорч. *max(an)*, *ʃadal*, *ɖʒaʒac(an)*.

Инициальный / нуждается в протетическом *j*: *imaʒan* 'коза', *iruʒai* 'дно' — хорч. *jaʒa(н)*, *joɖʒai*.

2. Гласный / первого слога перед гласным *u* второго слога переходит в хорчинском в гласный *y*: *nidurya* 'кулак', *kituʒa* 'нож', *ʒisun* 'кровь' — хорч. *nydrai*, *ɕuʒai*, *ɕyʒc(an)*.

3. Гласный / первого слога перед гласным *ü* второго слога дал в хорчинском *y*: *nidün* 'глаза', *ʃisün* 'цвет, масть', *ʒidür* 'пути-треноги' — хорч. *nyd(en)*, *ɖʒyʒc(en)*, *ɕyɖep*.

Начальный / также нуждается в протетическом согласном *j*, но «перелом» гласного / не происходит, например: *iidü* 'меч', *ileg ü* 'излишек' — хорч. *jild*, *jilʒ*.

Гласный / первого слога слова подвергается «перелому» чаще всего в словах с гласными заднего ряда.

Однако гласный / первого слога сохраняется как / в хорчинском, если во втором слоге после гласного / находится гласный *a*, например: *ider* 'юный молодой', *irgen* 'народ', *inder* 'трибуна', *ire-* 'прийти' — хорч. *ider*, *irten*, *indер* (*jindер*), *ire-(j)re-*.

Инициальные слоги со спирантом *ʃ* и аффрикатой *ɖʒ* имеют тенденцию к сохранению / первого слога: *silbe* 'голень', *ʃiʃig* 'маленький' — хорч. *ʃilʒe*, *ɖʒidʒil*.

Не наблюдается «перелома» гласного *i* и в следующих словах: *bilegü* 'точильный камень'; *kilyasun* 'волос (конский)'; *siregün* 'грубый' — хорч. *блэгү*, *хилас(ан)*, *ширүүн*.

Таким образом, приходится констатировать, что хорчинскому говору, как и всем остальным говорам восточного диалекта, свойствен «перелом» гласного *i* не во всех словах.

Гласные непервых слогов хорошо зафиксированы в СПМЯ, тогда как во всех диалектах и говорах Внутренней Монголии (кроме ордосского, в котором заметна частичная редукция) они артикулируются неясно и подвержены редукции.

Известно, что все гласные непервых слогов видоизменились под ассимилирующим влиянием гласных первого ударенного слога. В СПМЯ и в хорчинском говоре мы находим несколько иные соответствия. В говоре гласные непервых слогов или стали редуцированными, или вовсе утратились.

Для простоты и по техническим условиям мы в своей работе не пользуемся знаком для указания на редукцию гласных непервых слогов.

Долгие гласные

Краткие и долгие гласные фонологически самостоятельны и представляют собой отдельные фонемы. Очевидность того, что долгие гласные служат для различения смысла слов, подкрепляют обычно примерами парных противопоставлений слов, в которых краткие и соответствующие им долгие гласные находятся в одинаковых условиях. Однако, как и во всех остальных говорах, сфера употребления таких оппозиций слов в хорчинском лексически ограничена. Ср. несколько примеров: *шас(ан)* 'снег' — *шās(ан)* 'бумага'; *ул* 'подошва' — *ūl* 'гора'; *дел* 'грива' — *dēl* 'шуба'; *хол* 'далеко' — *hōl* 'пища'; *мос(он)* 'масло' — *mōs(он)* 'пыль'; *дер* 'подушка' — *dēr* 'наверху'; *бол* 'стать' — *bōl* 'раб'.

В СПМЯ не было долгих гласных, в нем сохранились древние комплексы из соответствующих гласных и интервокального согласного $\gamma(g)$. Примечательно, что с распадом древних комплексов с интервокальным согласным были связаны значительные изменения в фонетической структуре всех современных монгольских языков и диалектов — возникновение впоследствии системы долгих гласных и дифтонгов.

В хорчинском, как и во всех других говорах языка монголов Внутренней Монголии, долгие гласные — явление вторичного, более позднего происхождения, обусловленное позиционными изменениями.

Общеизвестная точка зрения о происхождении долгих гласных в монгольских языках — образование долгих гласных из древних комплексов $V + C + V$. Интервокальными согласными в подобных комплексах были γ , g или w . В среднемонгольском интервокальные γ , g постепенно стали ослабевать, а затем утратились вовсе. Вследствие этого оказались рядом два гласных, которые потом подверглись стяжению в один долгий.

Б.Н. Владимирцов обращает особое внимание на взаимоотношение компонентов сочетания, в частности на характер интервокального согласного. Он писал: «В очень раннюю эпоху междувокальные $\gamma \sim g$, а еще раньше w начали ослабляться, становясь более широкими и вокализируясь; благодаря

этому $\gamma \sim g$ или исчезли вовсе, или заменились билабиальным спирантом w в тех случаях, когда один из гласных, чаще всего второй, был $u \sim \bar{u}$, и спирантом y тогда, когда один из гласных, первый, был $i \sim \bar{i} / \sim \bar{e}$. В дальнейшем началось ослабление этих w и y и их полное исчезновение. Впоследствии, два гласных, оказавшиеся рядом благодаря указанной лакуне, слились в один долгий, наблюдаемый в настоящее время /2, с. 215–216/.

Об образовании долгих гласных в результате постепенного выпадения интервокального согласного и слияния двух гласных в монгольских языках свидетельствуют сохраняющиеся наряду со стяженными формами и формы полные, где ныне нет долготы, ср., например: СПМЯ *abaγa* 'дядя' — хорч. *abaγ*, орд. *abaγa*.

Однако стяжение их в один долгий гласный происходило длительно и неравномерно в зависимости от того, какие гласные были в составе древнего комплекса, т.е. два одинаковых или же два разных. Комплексы с двумя разными гласными сохранялись значительно дольше. Таким образом, отдельные монгольские языки оказались на разных ступенях трансформации комплекса; ср. образование долгих гласных в языках центральной ветви (монгольский, бурятский и калмыцкий) и сохранение некоторых прежних двугласных в языках изолированной маргинальной ветви (дагурский, дунсянский).

С образованием долгих гласных непервых слогов связаны значительные расхождения между отдельными монгольскими языками, обусловленные правилами гармонии гласных, в частности действием в них явления губного притяжения — одного из видов прогрессивной ассимиляции. Следует заметить, что все древние комплексы с интервокальным согласным составляли два слога, т.е. гласные этого комплекса относились к двум разным слогам.

1. Долгие гласные, возникшие в результате стяжения двух одинаковых гласных.

Комплексы СПМЯ *aγa* в хорчинском $> \bar{a}$ (в первом слоге), \bar{a} , \bar{o} (в непервом слоге): *sayaḡay* 'колчан для стрел' — *sāḡai*; *baγatur* 'герой, богатырь' — *bāḡar*; *dulayan* 'тепло, теплый' — *duḡān*; *uqayun* 'ум, разум' — *uḡān*; *ḡobaγa* 'мучить' — *ḡowō*; *bolḡaya* 'условие, уговор' — *bolḡō*.

ege $> \bar{e}$ (в первом слоге), \bar{e} , \bar{o} (в непервом слоге): *degebüri* 'крыша, кровля' — *dēwer*; *begetei* 'рукавицы' — *bēlī*; *ḡegerde* 'рыжий (масть коня)' — *ḡḡērḡ*; *amegei* 'седло' — *eḡēi*; *tügege-* 'распределять, раздавать' — *tḡḡē-*; *ködege* 'степь, поле' — *xōḡ*; *köbege* 'берег, край' — *xōḡ*.

В непервых слогах комплексы *aγa* и *ege*, развившие долготу, меняют и свою качественную характеристику в результате прогрессивной губной ассимиляции (*aγa* после o под лабиализующим его влиянием развивается в \bar{o} , тогда как *ege* после $\bar{o} > \bar{e}$).

uγu $> \bar{u}$: *buγudai* 'пшеница' — *būḡḡē*; *quγur* — смычковый музыкальный инструмент — *qūḡr*; *uγuray* 'молозиво' — *ūḡar*; *qaduḡur* 'коса (орудие)' — *xaduḡr*; *uγuu* 'вниз, книзу' — *uḡū*; *soruyul* 'мундштук' — *soḡūl*.

üḡü $> \bar{y}$: *büḡürge* 'седельная лука' — *bḡḡer*; *tüḡukei* 'незрелый, сырой' — *tḡḡḡi*; *üḡüre-* 'разламываться на части' — *ḡḡre-*; *küḡügün* 'шея' — *xḡḡḡḡ(n)*; *büḡügün* 'толстый, грубый' — *bḡḡḡḡn*; *sirügün* 'жесткий, грубый' — *ḡḡḡḡn*, *ḡḡḡḡn*.

igl $> \bar{i}$: *ḡigl* 'вытягивать, протянуть ноги' — *ḡḡī-*; *ḡigig* 'сырость' — *ḡḡḡi*; *sglire* 'ноги (у животных)' — *ḡḡr*.

2. Долгие гласные, возникшие в результате стяжения двух неодинаковых гласных.

Развитие этой подгруппы долгих гласных было более длительным.

Комплексы СПМЯ *iya* в хорчинском > *ä*: *ᠶᠢᠭᠠᠭᠠᠨ* 'маленький' — *джэтан*; *ᠰᠢᠶᠠᠳᠠᠯ* 'требование' — *шардал*; *ᠠᠷᠶᠠᠮᠢᠶᠠ* 'веревка, привязь' — *арямджэ*; *ᠨᠠᠮᠣᠨᠢᠶᠠ* 'осеннее стойбище' — *намарджэ(н)*.

iyu > *ü*: *ᠨᠢᠶᠠ* 'прятать, скрывать' — *нү*; *ᠶᠢᠭᠠᠷᠠ* 'месить, разводить' — *джүрэ*; *ᠶᠠᠰᠢᠭᠠᠨ* 'горький' — *гашүн*; *ᠬᠠᠰᠢᠭᠠᠨ* 'клюв' — *хашү(н)*; *ᠤᠨᠶᠢᠭᠠ* 'опущенный книзу' — *унджү*.

ige > *ē*: *ᠶᠡᠭᠡ* 'племянник, внук' — *джэ*; *ᠬᠢᠯᠡᠭᠡ* 'связка, веревка' — *хүлэ*; *ᠪᠡᠯᠡᠭᠡᠭᠡᠷ* 'пастбище' — *белшэр*.

igü > *ȳ*: *ᠨᠢᠭᠠᠯ* 'грех' — *нүл*; *ᠰᠢᠭᠤᠰᠦᠨ* 'сок, жидкость' — *шүс(ен)*; *ᠶᠡᠨᠢᠭᠡᠷ* 'ключ' — *түлжүр*; *ᠬᠥᠭᠢᠭᠠᠯ* 'развивать' — *хөгджүл*; *ᠳᠡᠯᠢᠭᠦᠨ* 'селезенка' — *делүн*; *ᠰᠢᠮᠢᠭᠡᠷ* 'щипцы' — *шмжүр*.

egü > *ȳ*: *ᠶᠡᠭᠦᠨ* 'иголка' — *джүн*; *ᠡᠭᠦᠳᠡᠨ* 'дверь' — *үден*; *ᠪᠢᠯᠡᠭᠡᠷ* 'мутовка' — *бүлүр*; *ᠳᠡᠯᠡᠭᠡᠭᠡᠷ* 'магазин' — *делүр*.

ayu > *ȳ*: *ᠪᠠᠶᠠ* 'спускаться' — *бү*; *ᠳᠠᠶᠠᠳᠠ* 'звать, позвать' — *дүдэ*; *ᠠᠶᠤᠯᠠ* 'гора' — *үл*; *ᠠᠶᠠᠭᠠᠳᠠᠯ* 'вопрос' — *асүдэл*; *ᠶᠣᠯᠳᠠᠶᠠ* 'в основном' — *толдү*; *ᠳᠠᠲᠠᠶᠠ* 'недостача' — *дүтү*.

oyu > *ō*: *ᠲᠣᠶᠠ* 'число' — *тө*; *ᠲᠣᠶᠠᠯᠠ* 'считать' — *төлө*; *ᠠᠪᠣᠶᠠ* 'куча, груда' — *обө*; *ᠲᠣᠮᠣᠶᠠ* 'рассудок, степенность' — *томө*.

oyu > *ō*: *ᠪᠣᠶᠠ* 'завязывать' — *бө*; *ᠲᠣᠷᠢᠰᠦᠨ* 'пыль, прах' — *төс(он)*; *ᠠᠶᠤᠰᠦᠷ* 'шнур, веревка' — *босор*; *ᠲᠣᠭᠣᠭᠠ* 'тупить, притуплять' — *мохо*.

öge > *ē*: *ᠪᠣᠭᠡ* 'шаман' — *бө*; *ᠶᠠᠭᠡᠯᠡᠨ* 'мягкий' — *джөлөн*; *ᠰᠠᠨᠠᠭᠡ* 'уничтожать' — *сөнө*; *ᠨᠠᠭᠠᠳᠡᠰᠦᠨ* 'заплата' — *нотөсөн*.

öḡü > *ē*: *ᠰᠣᠭᠦᠮ* 'малая пядь' — *сөм*; *ᠰᠣᠭᠦᠬᠡᠨ* 'мало, немного' — *шөхөн*.

uḡa > *ō* (в первом слоге), *ä*, *ō* (в непервом слоге): *ᠶᠤᠭᠠᠭᠠ* 'кушанье, трапеза' — *джөү*; *ᠤᠨᠢᠭᠠ* 'верховное животное' — *унэ*; *ᠲᠠᠷᠶᠠᠭᠠ* 'спор, конфликт' — *марга(н)*; *ᠶᠢᠭᠠᠭᠠᠨ* 'шесть' — *джурга(н)*; *ᠪᠣᠷᠠᠭᠠᠨ* 'дождь' — *борө*; *ᠨᠣᠭᠠᠭᠠᠨ* 'зеленый' — *ногөн*; *ᠶᠢᠯᠠᠭᠠ* 'поводья, вожжи' — *джолө*.

üge > *ō* (в первом слоге), *ä*, *ō* (в непервом слоге): *ᠬᠠᠭᠦᠷ* 'гордый, нахменный' — *хөр*; *ᠶᠠᠭᠦᠷᠢ* 'гной' — *өр*; *ᠶᠠᠳᠠᠭᠦᠷᠢ* 'тонкие кожаные ремни' — *үдөр*; *ᠪᠦᠷᠬᠦᠭᠡᠰᠢᠨ* 'крышка, покрывка' — *бүрхэс(ен)*; *ᠳᠣᠷᠦᠭᠡ* 'стремя' — *дөрө*; *ᠨᠠᠭᠢᠭᠡ* 'влиятель' — *нөлө*.

Старописьменным монгольским комплексам *iya* ~ *iye* соответствуют в хорчинском долгие гласные:

iya > *ä*, *ō*, *ē*: *ᠲᠠᠷᠢᠶᠠᠨ* 'хлеб, пашня' — *тэрэ(н)*; *ᠲᠠᠬᠢᠶᠠ* 'курица' — *тэжэ*; *ᠳᠠᠬᠢᠶᠠ* 'сигнал, знак' — *дөхө*; *ᠠᠷᠢᠶᠠ* 'завертывать' — *орө*; *ᠶᠠᠪᠰᠢᠶᠠ* 'одобрять, соглашаться' — *джобшө*.

iye > *ē*, *ä*: *ᠶᠢᠰᠢᠶᠡ* 'пример, образец' — *джшэ*; *ᠶᠢᠨᠢᠶᠡᠳᠠᠨ* 'смех' — *имэд(ен)*; *ᠶᠡᠷᠢᠶᠡᠰᠢᠶᠡᠯ* 'милость, милосердие' — *өршөл*.

Таким образом, долгие гласные в хорчинском говоре по своему происхождению представляют собой различное отражение древних комплексов *v + y + g* и *v + y + i*. Характерно, что некоторые древние комплексы с интервокальным согласным дали долгие гласные в непервых слогах в зависимости от того, какой гласный входил в состав первого слога. Это относится прежде всего к гласным *o* и *ö*, встречавшимся в СПМЯ лишь в первом слоге, в то время как

все остальные гласные могли находиться в любом слоге слова. Возникновение гласных *o* и *ø* в непервых слогах (как в основе слов, так и в составе разных суффиксов) относится к фактам более позднего периода развития языка монголов Внутренней Монголии.

Хотя структура долгих гласных в основе слова и в суффиксах аналогична, однако разница в том, что долгие гласные в суффиксах образуются часто на стыке морфем: суффикс, начинающийся на согласный $\gamma \sim \varphi$, присоединяясь к основе изменяемого слова с конечным гласным, создает интервокальное положение для согласного. Ср.: *ʔari-* 'стремиться' + *-ʔad* (суффикс разделительного дееспричастия) > *ʔariʔad* 'устремившись' — хорч. *ǰǰǰǰǰ*; *sǰnǰ-* 'гибнуть, уничтожаться' + *-ge* (суффикс побудительного залога) > *sǰnǰge-* 'уничтожать, истреблять' — хорч. *sǰnǰǰ*; *marɣu-* 'спорить' + *-ʔan* (суффикс образования имен от глаголов) > *marɣuʔan* 'спор' — хорч. *ǰarǰǰǰ*.

Долгие монофтонги

Общим для всех говоров восточного диалекта (в том числе и для хорчинского) является то, что в них нет дифтонгов. Комплексы $V + \gamma + i$ или V СПМЯ имеют тенденцию в хорчинском перейти в долгие монофтонги.

Об образовании подобных комплексов в монгольском Б.Я. Владимирцов писал, что «монг. письм. начертания $V + \gamma + i$ восходят к комплексам $*V + \gamma \sim g + i$ и $*V + w + i$ аналогично с другими явлениями; $*V + \gamma \sim g + V$ и $*V + w + V$ долгие V в халхаском. На монгольской почве, следовательно, $*\gamma \sim g$ и $*w$ перед $i > -\gamma \sim /2$, с. 166/.

Позиционное распределение комплексов $V + \gamma + i$ в СПМЯ почти такое же, как и распределение комплексов $V + \gamma \sim g + V$, т.е. сочетания $V + \gamma + i$ встречаются в любом слоге, тогда как $V + i$ — лишь в конце слова.

Комплекс СПМЯ *ayɪ* в хорчинском > $\bar{e}, \bar{o}, \bar{i}$: *ayɪ* 'группа юрт' — $\bar{e}\bar{ɬ}$, *ongɣayɪ-* 'отвориться, открыться' — $\bar{o}\bar{ŋi}\bar{o}$; *aiḭayɪ-* 'расставить ноги' — $\bar{a}\bar{i}\bar{ɬ}$, *ai > \bar{a}, \bar{e}, \bar{o}, \bar{o}: *ʔaḭqai* 'свинья' — $\bar{ɬa}\bar{x}\bar{a}$; *dalai* 'море' — $\bar{d}\bar{a}\bar{l}\bar{e}$; *toluɣai* 'голова' — $\bar{t}\bar{o}\bar{l}\bar{i}\bar{o}$; *qormaɪ* 'подол' — $\bar{q}\bar{o}\bar{r}\bar{m}\bar{o}$.*

*oyɪ > \bar{o}: *noyɪr* 'сон' — $\bar{n}\bar{o}\bar{r}$; *ayɪmasun* 'чулки' — $\bar{o}\bar{m}\bar{s}(\bar{o}\bar{n})$; *gotoyɪ-* 'гнущаяся' — $\bar{x}\bar{o}\bar{t}\bar{o}$.*

*oi > \bar{o}, \bar{o}: *oi* 'лес' — \bar{o} ; *oroɪ* 'вечер' — $\bar{o}\bar{r}\bar{o}$; *siroɪ* 'пыль, прах' — $\bar{s}\bar{o}\bar{r}\bar{o}$.*

*uyɪ > \bar{y}, \bar{i}: *uyɪl-* 'плакать' — $\bar{y}\bar{l}\bar{e}$; *duyuyɪlɒŋ* 'кружок' — $\bar{d}\bar{u}\bar{y}\bar{l}\bar{a}\bar{n}$.*

*ui > \bar{y}, \bar{i}: *ayui* 'великий' — $\bar{a}\bar{i}\bar{y}$; *qanɕui* 'рукав' — $\bar{q}\bar{a}\bar{n}\bar{m}\bar{i}$.*

üyɪ и *üi > \bar{y}, \bar{i}: *güyɪ-* 'бегать' — $\bar{y}\bar{y}$; *üyile* 'дело' — $\bar{y}\bar{i}$; *bägdüyɪ-* 'горбиться' — $\bar{b}\bar{e}\bar{i}\bar{o}$; *biyüɪ* 'сумрак' — $\bar{b}\bar{y}\bar{i}$.*

*eyɪ, ei > \bar{i}: *neyɪ* 'согласие' — $\bar{n}\bar{i}$; *düleyɪre-* 'глохнуть' — $\bar{d}\bar{u}\bar{l}\bar{r}\bar{e}$; *ereket* 'большой палец' — $\bar{e}\bar{r}\bar{x}$; *tügekei* 'незрелый, сырой' — $\bar{t}\bar{y}\bar{x}\bar{i}$.*

Необходимо отметить, что в говоре заметна последовательная тенденция развития *ai, ei* на конце слов (в суффиксе совместного падежа) в долгий гласный \bar{e} , ср.: *amital, eketei* — хорч. $\bar{e}\bar{m}\bar{t}\bar{e}$ 'с жизнью', $\bar{e}\bar{k}\bar{t}\bar{e}$ 'с матерью'.

Наличие в незначительном количестве слов хорчинского говора долгих гласных $\bar{e}, \bar{o}, \bar{y}$ связано в основном с монофтонгизацией комплексов СПМЯ *ayɪ, oyɪ, uyɪ, üyɪ*, а в конце слов — с *ai, oi*.

Следовательно, здесь наблюдаются значительные изменения: во всех говорах восточного диалекта, в том числе и в хорчинском, результатом эволюции комплексов СПМЯ явилось развитие долгих гласных, а в говорах центрального диалекта в тех же условиях древние комплексы преобразовались и в долгие гласные, и в дифтонги.

Гармония гласных

Гармония гласных, фонетически обусловленная ведущей ролью гласного корня, проявляется в том, что в одном и том же слове могут находиться только гласные одного ряда. В хорчинском наряду с палатальной гармонией развилось и явление губного притяжения, в соответствии с которым при огубленном гласном первого слога гласные основы и наращиваемого к ней суффикса должны быть также огубленными. Губное притяжение, появившееся относительно поздно, развилось последовательно лишь в монгольском (халхаском и в диалектах и говорах Внутренней Монголии) и бурятском языках, тогда как во всех остальных монгольских языках (в кадымском и во всех языках маргинальной ветви — монгорском, дунсянском, баоаньском) оно не распространилось.

Явление губного притяжения особое место занимает при взаимодействии первого и непрерывного слогов. Оно проявляется в том, что гласный, содержащийся в непрерывных слогах, должен быть не только одного ряда, но также огубленным или неогубленным, как того требует гласный корневой морфемы.

Слова с гласными ε , $\bar{\varepsilon}$, δ , $\bar{\delta}$ в первом слоге в последующих слогах имеют гласные заднего ряда, например: бᠡ- 'быть, находиться' — бᠡᠢᠠᠳ 'находясь'; мᠣᠷ(т) 'конь' — мᠣᠷᠣᠷ 'конем'.

Согласные

Таблица 1

Согласные хорчинского говора

		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Глубоко-задне-язычные
Смычные	сильные	п'	т'			
	слабые	б	д		г	
Аффрикаты	сильные					
	слабые		дж			
Спиранты	сильные		с, ш			х
	слабые	з		й		
Носовые		м	н		ң	
Латеральные			л			
Дрожащие			р			

Губно-губной *п* встречается в говоре лишь в начале нескольких исконно монгольских (в основном звукоподражательных) слов (ср. *хар* 'черный' — *пао хар* 'совершенно черный'). Напротив, он обычен в словах, заимствованных из других языков: *Пурев* — имя собственное (< тиб.), *пуджн* 'ракета' (< кит.).

Губно-губной слабый смычный *б* сохранился в хорчинском как *б* в начальной позиции или после некоторых сонорных согласных, например: *батар* 'герой, богатырь', *бус* 'пояс', *бомол* 'мячик', *холбро-* 'свалиться'.

Согласный *в* заменяется смычным *б*, если он находится в конце слова или в середине, в интервокальной позиции, например: *тевер-/тебер-* 'обнимать', *ав-/аб-* 'взять, брать'.

Этому развитию способствует и наличие дрожащего *р*, который в таких случаях предшествует спиранту *в*, например: *арав/арбан* 'десять', *дурев/дурбен* 'четыре'.

Однако следует отметить, что хорчинский заметно отличается от других говоров восточного и центрального диалектов весьма частым чередованием согласных *б* и *в*. Известна также замена *б* согласным *п*, ср.: *бууда-* > хорч. *пуда-* 'стрелять'.

Губно-губной слабый спирант *в* не встречается в начале исконно монгольских слов. По Б.Я.Владимирцову, он артикулируется при небольшой губной работе, которая состоит в том, что нижняя губа немного поднимается; сильного шума при прохождении воздуха между губами при этом не замечается, напр.: халх. *dawd* 'горный перевал', *owiyu* 'старик', *aw* 'бери', *war* 'черепаха' /2, с. 378/.

Губно-губной носовой *м* не меняет своих характеристик во всех говорах: *намар* 'осень', *мү* 'плохой', *ем* 'лекарство'.

Согласный *м* в середине некоторых слов становится в говоре переднеязычным носовым и под ассимилирующим влиянием следующего за ним смычного согласного: *dumda*, *dunda* 'в середине', *umta*, *unta* 'спать' — хорч. *дунд*, *унта-*.

Переднеязычные согласные

Сильный смычный *т* в говоре произносится с придыханием (т.е. *т'*) и встречается во всех позициях в слове, например: *тени-* 'узнавать', *ут* 'мешок', *хату* 'твердый'.

Данные говоров восточного диалекта свидетельствуют, что в них инициальный сильный *т* перед звуками аналогичного характера второго слога не теряет своего качества и не изменяется в слабый смычный *д*, как в говорах центрального диалекта, ср.:

		Восточный диалект		Центральный диалект	
		хорчин	тумет	чахар	шиндгол
<i>tata-</i>	'тянуть'	<i>тата-</i>	<i>тата-</i>	<i>дата-</i>	<i>дата</i>
<i>tes-</i>	'терпеть'	<i>тес-</i>	<i>тес-</i>	<i>дес-</i>	<i>дес-</i>
<i>takiya</i>	'курица'	<i>тэхэ</i>	<i>тэхэ</i>	<i>дахэ</i>	<i>дахэ</i>

Переднеязычный слабый смычный *ɖ* в хорчинском говоре в абсолютном конце слова иногда становится глухим, например: *məɣad* 'несомненно', *ireded* 'пришедши' — хорч. *магад* (*магaт*), *ирэдэ* (*ирэ̄т*).

В хорчинском известно также чередование *ɖ* и аффрикаты *ɖʃ*. Однако результаты этого чередования неодинаковы по говорам восточного и остельных диалектов: в одних то же самое слово имеет *ɖ*, а в других — *ɖʃ*, например: *ənʃisun* 'плуг' — хорч. *эндас*, дурб. *эндaт*, тум. *эндʃас*, чах. *андас*, анджас, орд. *андʃасу*.

Отличительной чертой хорчинского говора и подговора джалайт-дурбет является то, что в них зафиксирована лишь одна шипящая аффриката. Это сильно смягченная переднеязычная шипящая аффриката *ɖʃ*, развившаяся из *ʃ* и сохраняющая свое исконное качество. Следовательно, СПМЯ *ʃ* отражается в хорчинском говоре как перед гласной *i*, так и перед другими гласными в виде одной фонемы *ɖʃ*, в то время как, например, в шилингольском говоре центрального диалекта и в халхаском диалекте она отражается перед гласной *i* в виде шипящей аффрикаты *ɖʃ*, а перед остальными гласными соответствует свистящей аффрикате *ɖʒ*, ср.: *ʃiɣasun* 'рыба', *ʃəɬəɣu* 'ленивый' — хорч. *ɖʃагас* (*аи*), *ɖʃагaɣу*, шгол. *ɖʒагас*(*аи*), *ɖʒагaɣу*, совр. монг. *зaгас*(*аи*), *зaɣуу*.

В некоторых словах аффрикате *ʃ* СПМЯ в середине слова соответствует в хорчинском смычный *ɖ*, например: *konʃile* 'одеяло', *degʊʃile* 'подвесить' — хорч. *хондiл*, *дүдлe*.

Следовательно, во всех говорах восточного диалекта, а также в чахарском (и в речи урат, дурбен хухет) говоре центрального диалекта и в ордосском отсутствует свистящая аффриката *ɖʒ*, развившаяся из *ʃ* перед всеми остальными гласными, кроме *i*.

Древний спира́нт *s* в положении перед гласным *i* развился в шипящий спира́нт *ʃ* (чаще палатализованный): *siregün* 'грубый', *sira* 'желтый', *ɣasiɣun* 'горький', *gesigün* 'ветвь' — хорч. *шiрүн*, *шар*, *гaшүн*, *гешүн*.

В положении перед всеми остальными гласными спира́нт *s* сохраняет свое исконное качество: *sanaɣan* 'дума', *ʃəɣasun* 'бумага' — хорч. *сaнд(и)*, *шaс(аи)*.

В многих словах спирaнту *s* соответствуют в хорчинском смычные *ɖ* или *ʈ*: *geriɣes* 'завещание', *asqa-* 'лить, выливать' — хорч. *гeрэд*, *aсгa-* (*аигa-*).

Подобная замена наиболее широко и последовательно наблюдается в джалайт-дурбетском подговоре хорчинского говора, в котором все коренные монгольские слова со спира́нтом *s* произносятся как *ʃ*: *sonus-* 'слушать', *bos-* 'вставать' — джал.-дурб. *шонто-*, *бото-*.

В научной литературе утвердилось мнение, что говоры языка монголов Внутренней Монголии в основном единообразны и относятся к *ts*-говорам. При этом главным образом исходили из ордосского и не принимали во внимание говоры северо-восточной части Внутренней Монголии, а также прилегающих к ней китайских провинций. Именно в речи монголов этого региона отсутствует древняя шипящая аффриката *ʃ*.

Отличительной чертой хорчинского говора и джалайт-дурбетского подговора на всей территории их распространения является отражение древней шипящей аффрикаты *ʃ* как перед гласным *i*, так и перед остальными гласными

как спиранта *ш*, т.е. ее деаффрикация. В этом смысле хорчинский говор условно можно назвать *ж*-говором, ср.:

	Хорчин	Арухорчин	Чахар	Шидингол	Уланцай
<i>čulb uγur</i> 'чембур, повод'	<i>шулбур</i>	<i>чолбур</i>	<i>чулбур</i>	<i>чулбур</i> (сунит)	<i>чулбур</i> (урат)
<i>čarčayal</i> 'саранча'	<i>шарчэлэ</i>	<i>чарчэлэ</i>	<i>джарчэлэ</i>	<i>чарчэ</i> (дарх.)	<i>чарчэ</i> (урат)
				<i>джарчэ</i> (сунит)	

В хорчинском деаффрикация — явление относительно позднее. Однако хронология развития спиранта и утрата аффрикаты *č* неясны. Заметим лишь, что подобное явление свойственно некоторым говорам бурятского, а также частично и дагурскому языку.

Консонантная структура хорчинского говора отличается от остальных групп говоров избыточным употреблением спиранта *ш*, тогда как в бурятском языке этот избыток устраняется частичным переходом *č* в спирант *с*.

Латеральный согласный *л* в начале слова употребляется сравнительно редко, в основном в некоторых звукоподражательных словах [*лул* *тэ* 'гулко раздаваться' (при падении чего-л.)] или в словах, заимствованных из других языков. Он встречается преимущественно в середине и на конце слов: *гал* 'огонь', *белен* 'готовый', *алдар* 'слава'.

Известно чередование *л* и *р*, когда они стоят в слове близко друг от друга, ср.: *γulir*, *γuril* 'мукá' — хорч. *γулir*, *γурil* и *γуir*.

Носовой переднеязычный *н* встречается во всех позициях в слове, например: *нар(ан)* 'солнце', *дунд* 'середина', *уран* 'искусный'.

Иногда замечается соответствие СПМЯ *н* хорчинскому *л*, например: *навд* 'листья', *навйда-* 'надеяться' — хорч. *лэвн*, *лэда-*.

В результате палатализации носовой *н* может соответствовать и спирант *й*: *sonin* 'новость', *ünige*, *ünügen* 'корова', *qonin* 'овца' — хорч. *сöйм* (*сöним*), *γя* (*γмэ*), *хöй* (*хöн*). Слова-соответствия со спирантом *й* являются достоянием разговорной речи.

Дрожащий согласный *р* не встречается в начале слов. В словах, заимствованных из других языков, начальному *р* обычно предшествует протетический гласный: *rasüan* 'целебная вода' — *аршан*. В других позициях, т.е. в середине и в конце слов, он такой же, как в СПМЯ, например: *boruγan* 'дождь', *ger* 'юрта' — *борд*, *гер*.

Среднеязычные согласные

К среднеязычным относится слабый спирант *й*. Он идентичен СПМЯ *у* в начале слов и в интервокальной позиции: *γasun* 'кость', *γadγu* 'неимуший', *buγan* 'благодаяние' — хорч. *јас(ан)*, *јадү*, *бујан*.

Известно, что СПМЯ инициальный *й* в словах с гласными заднего ряда соответствует хорчинскому *ја*, например: *Imaγan* 'коза', *llaγa* 'муха, мошка' *јам(и)*, *јалä* (но в джалайт, дурбет и горлос *лä*).

Протеза *j* в хорчинском встречается иногда перед гласным *i*: *ire-* 'прийти', *iie* 'ясный' — хорч. *jire-* (*ire-*), *jila*.

Заднеязычные согласные

Заднеязычный *ɣ* в хорчинском употребляется в основах с гласными переднего или среднего ряда в любой позиции в слове: *könggen* 'легкий', *degege* 'крюк', *güydel* 'бег' — хорч. *xəntəm*, *dəɣɛ*, *ɣüdel*.

Однако согласный *ɣ*, который закрывает слог, является глухим, например: *kegeɣ* 'дело', *jüg* 'сторона' — хорч. *xereɣ* (произносится *xerek*), *ɔxɣ* (произносится *ɔxuk*).

Аллофон *ɣʰ* в хорчинском встречается лишь в основах с гласными заднего ряда: *yal* 'огонь', *doɣuləŋ* 'хромой', *moɣel* 'змея' — хорч. *ʰal*, *doʰlɔŋ*, *moʰb*.

В позиции перед сильным смычным *ŋ* он переходит иногда в спирант *x*: *taɣtaɣ* 'голубь', *maɣta-* 'хвалить' — хорч. *maxta*, *maxta-*.

Носовой заднеязычный *ŋ* встречается в середине и конце слов. В исходе слога он стоит главным образом перед согласными заднеязычными *ɣ* и *x*: *qəŋəŋɣul* 'темнота', *məŋqəl* 'бархан', *jaŋ* 'нрав, характер' — хорч. *xarəŋɣu*, *maŋɣ(an)*, *ɔxəŋ*.

Глубокозаднеязычные согласные

В хорчинском имеется сильный спирант *x*, который встречается в любой позиции в слове: *saxal* 'борода', *ax* 'старший брат', *xereɣ* 'дело'.

В единичных случаях имеет место замена *x* спирантом *ʃ*, например: *alʃim*, *alʃam* 'шаг'.

Структура слога и ударение

Структура слога во всех говорах одинакова. Можно выделить два типа слогов: 1) начинающиеся с гласного и имеющие структуру: а) один долгий *v* (*b* 'порошок'), б) *v* + *C* (*em* 'лекарство'), в) *v* + *C* + *C* (*uɣs* 'народ, государство'); 2) начинающиеся с согласного и имеющие структуру: а) *C* + *v* (*ɬɰ* 'дракон'), б) *C* + *v* + *C* (*xɔŋ* 'овца'), в) *C* + *v* + *C* + *C* (*səw* 'жемчуг').

Общим правилом является то, что в начале слога не могут встречаться группы согласных, а заканчиваться слог может лишь двумя согласными. Причем далеко не все согласные могут сочетаться в одной группе. Количество и характер тех или других слогов в говорах могут зависеть и от таких фонетических явлений, как выпадение гласных в конце или внутри слова, а также от перестановки гласных в слове. По сравнению с СИМЯ в говорах слоги имеют тенденцию становиться краткими и замкнутыми (закрытыми). Тенденция к открытости слога прослеживается лишь в ордовском диалекте.

Ударение в говорах постоянное, оно падает на первый слог слова.

³ В силу того что в хорчинском слабо различают *ɣ* и *ɣʰ*, в дальнейшем мы будем пользоваться лишь одной графемой *ɣ*.

Имя существительное

Имя существительное в хорчинском языке имеет категории числа, падежа и принадлежности.

Множественное число. Значение множественного числа имен существительных выражается агглютинативными суффиксами, выбор которых зависит от характера исхода основы существительного и его семантики. Своеобразие хорчинского и остальных говоров состоит в том, что оформление имени существительного показателем множественного числа является менее строгим: зачастую не подчиняющимся регулярному правилу, ср.: *шувэ(н)* 'птица' — *шувэд*, *шувэиуд*, *шувэиуд* 'птицы'.

В говоре зафиксированы следующие суффиксы:

1) *-д*, присоединяется к основам, оканчивающимся на: а) долгий гласный: *нохд* 'собака' — *нохдд*; б) согласные *к*, *р*, *л*, которые при присоединении суффикса *-д* выпадают: *нојик* 'князь' — *нојид*; *нотер* 'товарищ' — *нохед*; *тугал* 'теленка' — *тугад*;

2) *-с*, присоединяется к единичным основам с конечным согласным (в частности, *м*, *р*): *ем* 'женщина' — *емс*; *нер* 'имя' — *нерс*; в говоре он используется редко. В СПМЯ он присоединялся к основам, оканчивающимся на гласный или дифтонг. В говоре же подобные основы не сохранили гласный исход, и потому они употребляются с другими суффиксами, ср. *вүлэ* 'гора' — *вүлэс* — хорч. *үл* 'гора' — *үлүд*, *үлүд*;

3) *-үд*⁴, широко употребителен и присоединяется к основам, оканчивающимся на: а) согласные: *эл* 'аил, деревня' — *элүд*; *мал* 'скот' — *малүд*; *ш/рег* 'воин, солдат' — *ш/рэгүд*; *хот* 'город' — *хотүд*; *ном* 'книга' — *номүд*; б) долгие гласные, при этом между основой и суффиксом появляется соединительный согласный *и*: *пү* 'винтовка' — *пүиүд*, *гах* 'свинья' — *гахииүд*;

4) *-иүд*, употребляется после основ, оканчивающихся как на гласные, так и на согласные: *херд* 'ворона' — *хердэиүд*; *ш/шег* 'цветок' — *ш/шегиүд*; *джэхдал* 'письмо' — *джэхдалиүд*. В говоре наблюдается известное колебание в употреблении суффиксов *-үд* и *-иүд* при некоторых основах: *гах*иүд, *гах*иүд 'свиньи'; *ш/рэг*иүд, *ш/рэг*иүд 'столы'; *жем*иүд, *жем*иүд 'верблюды';

5) *-шүд*, употребляется редко, преимущественно при основах имен, обозначающих разные категории людей в собирательном значении: *ожалу* 'молодой' — *ожалушүд* 'молодежь'; *өөг* (*өөгөн*) 'старик' — *өөгшүд* 'старик, старцы'; *емејгэ* 'женщина' — *емејгэшүд* 'женщины';

6) *-тан*, употребляется чаще при обозначении собирательного множества или принадлежности к группе: *дж/сүр* 'крылья, крыло' — *дж/сүртен* 'пернатые'; *ар/ан* 'коренной зуб' — *ар/дтан* 'хищные (звери)';

7) *нар*, выделяется среди остальных суффиксов тем, что пишется отдельно от основы имени. Случаи употребления имен с суффиксом *нар* сравнительно

⁴ Большинство суффиксов словообразования и словоизменения имеет несколько сингармонических вариантов. В дальнейшем изложении приводятся лишь один из алломорфов.

но немногочисленны, что связано с семантикой исходных основ, обозначающих людей одной профессии или находящихся в одинаковых родственных отношениях: *ах* 'старший брат' — *ах нар*; *джэ* 'племянник' — *джэ нар*. В отличие от других суффиксов он не имеет фонетического варианта.

В говоре имеются и удвоенные показатели множественного числа. Записанные нами материалы фиксируют такие удвоенные суффиксы лишь при существительных, обозначающих людей и их профессию. В этом случае вторым компонентом выступает в основном суффикс *-үд*, наиболее распространенный в говоре, например: основа + *-д + үд* (*но/и* 'князь' — *но/д, но/ддүд*); основа + *-с + -рө* (*ем* 'женщина' — *емс, емсрө*).

Помимо морфологического способа выражения значения множественного числа существует и лексико-семантический, когда наименование предмета само по себе обозначает совокупность, собирательное множество, например: *сурей* 'стая, стадо'.

Падежи. Имена существительные в хорчинском говоре склоняются по единственному типу. Разные падежные варианты суффиксов употребляются в зависимости от исхода основы существительных. Имена существительные единственного и множественного числа имеют одинаковую парадигму.

В хорчинском зафиксированы следующие падежи: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, исходный, орудный и совместный.

Именительный падеж не имеет специального показателя, например: *газ* 'огонь', *үр* 'гнев, злоба', *медэ* 'сведения, известие', *ус(ан)* 'вода', *шас(ан)* 'снег'.

Родительный падеж образуется при помощи суффиксов:

- 1) *-ё* после основ на неустойчивый *-н*, например: *однё* 'звезды', *шувё* (*шувёйи*) 'птицы', *шулүнё* (*шулүйи*) 'камня';
- 2) *-и* после основ на: а) долгий гласный; между основой и суффиксом вставляется *и*: *дүйи* 'младшего брата'; б) любой согласный, кроме *н*: *голйи* 'реки', *улёйи* 'народа', *герйи* 'юрты', *сузйи* 'топора';
- 3) *-н* после основ на долгий гласный: *нохён* 'собаки', *дегён* 'крючка', *малгайи* 'шапки'.

Употребление суффиксов родительного падежа не отличается строгостью: в именах существительных с исходом как на гласные, так и на согласные заметно смещение форм, их параллельное использование, например: *малйи*, *малнё* 'скота'; *сарйи*, *сарнё* 'луны'; *шулүйи*, *шулүнё* 'камня'; *шувүйи*, *шувё* 'птицы'; *нохёйи*, *нохён*, *нохёнё* 'собаки'; *далёйи*, *далён*, *далёнё* 'океана-моря'. Это особенно заметно в текстах, которые мы записывали у хорчин. Одни и те же имена существительные, встречающиеся в разных текстах, имеют разные показатели родительного падежа.

Дательно-местный падеж образуется посредством суффикса *-д* (*-да*). Он употребляется после основ на: а) долгие гласные: *дүд* 'младшему брату', *серёд* 'вилке', *салад* 'разветвлению'; б) согласные сонорные и спонданти *д*: *малда* 'скоту', *сарда* 'месяцу', *саңда* 'казне', *адада* 'отцу', *ердеме* 'знанию'. Если основа существительного оканчивается на некоторые смычные и спонданти, то между ними и суффиксом падежа появляется вставной гласный, например: *ардад* 'арату, труящемуся', *млад* 'государству'. Вариант суффикса *-н(-та)* менее употребителен.

Употребление в СПМЯ формы дательно-местного падежа *-dur* наряду с формой *-o* в говоре обнаруживается лишь в текстах песен, записанных у хур (певцов-сказителей), больших знатоков песенного фольклора, ср.: *шегэрег нершм ... дүрбен джүг-дүр мандан гарбал, көхөрлөтө ат дү маш олох...* «когда светлое имя твоё... прославится всюду, тогда и друзей (у тебя) становится много...».

Винительный падеж образуется при помощи суффиксов:

1) *-ī (-iī)* после основ, оканчивающихся на согласные: *гарī* 'руку', *сургалī* 'школу', *шасī* 'бумагу', *джамī* 'дорогу';

2) *-i (-iī)* после основ, оканчивающихся на долгие гласные: *ширēi* 'сто', *мотōi* 'змею', *малтāiī* 'шапку', *адүйiī* 'табун'.

В говоре одно и то же слово в винительном падеже может встречаться в обеих формах, т.е. с суффиксами *-ī (-iī)* или *-i (-iī)*. Чаше употребляются имена в винительном падеже с суффиксами, чем без суффиксов, в нулевой форме: *адүйiī тхтэр ошсон* 'он ушел, чтобы пригнать табун'; *сүдж бēt хунi дүда* 'позови того, который сидит'. Но в живой речи, где большую роль играет интонация, часто обходятся без грамматического оформления слова, например: *бид ус үтэр ирджи* 'мы пришли, чтобы выпить воды'; *жер шинi мөр унi ядджi* 'он уехал на твоём коне'.

Исходный падеж образуется посредством присоединения к основе суффикса *-ās*. При этом наблюдается следующее:

а) когда основа имеет в исходе краткий гласный или согласный (кроме заднеязычного *ŋ*), то падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе, например: *аргās* 'из способа', *кемрās* 'из прибавок', *галās* 'из огня', *голās* 'из реки';

б) когда основа имеет в исходе долгий гласный или заднеязычный *ŋ*, то перед падежным суффиксом *-ās* вставляются согласные *i* или *ŋ*, например: *хүрēnās* 'от ограда, изгороди', *ббiās* 'от шамана', *еңнiās* 'из ширины (тканей)';

Вставные согласные *i* или *ŋ* могут употребляться и в параллельных формах: *нохiōās*, *нохōnōās* 'от собаки', *шувүйiās*, *шувүйnās* 'от птицы', *үгiēās*, *үгōnōās* 'от коровы', *адүйiās*, *адүйnās* 'от табуна'. Основы имен, оканчивающиеся на заднеязычный *ŋ*, в хорчинском говоре могут присоединить суффикс исходного падежа и непосредственно к основе: *саң* 'казна' — *саңās*, *саңnās*.

Следует отметить также, что иногда вставной согласный *ŋ* появляется и по аналогии и в тех словах, которые исторически его не имели, например: *мi* 'скот' — *малiās*, *малnās*.

Орудный падеж образуется посредством суффикса *-ār*. При этом можно отметить:

а) если основа слова оканчивается на согласный, кроме заднеязычного, то падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе, например: *джедār* 'копьем', *сүтәр* 'топором', *голār* 'рекой';

б) если основа слова имеет в исходе долгий гласный или заднеязычный, то перед падежным показателем *-ār* вставляется согласный *i*: *шiгār* 'чаем', *деңгәр*, *деңгiәр* 'лампой'.

Совместный падеж образуется при помощи суффикса *-tē*, который присоединяется к любой основе: *аттē* 'со старшим братом', *теметi* 'с верблюдом', *кертē* 'с именем'.

Двойные падежи. Они образованы прибавлением к основе слова одновременно двух падежных суффиксов. Однако подобное образование имеет ограничения: а) к основе нелюбого имени можно присоединять суффиксы двойных падежей; б) не всякая падежная форма может быть основой для присоединения показателя второго падежа; в) не каждая падежная форма может быть присоединена к другой падежной форме.

В хорчинском говоре двойные падежные формы образуются от родительного, дательного-местного или совместного падежей.

Остановимся лишь на дательном-местном падеже. К основе с показателем в дательном-местном падеже может быть присоединен лишь суффикс исходного падежа. В литературе известно только одно имя существительное, встречающееся в дательном-местном-исходном падеже. Это слово со значением «из юрты»: совр. монг. *гэртээс*, калм. *гертэс*, в говорах Внутренней Монголии *гертёс*. В хорчинском говоре нами зафиксировано еще одно имя существительное — *гар* 'рука', которое по аналогии со словом *гер* 'юрта' после показателя дательного-местного падежа принимает суффикс исходного падежа: *хүнэ гартас бүүр жимэ шаадаж ава* 'не вырывай ничего из чужих рук'. Ср. совр. монг. *гарааснь чангаа* 'вырвать из рук', где отсутствует показатель дательного-местного падежа.

Категория принадлежности во всех говорах образуется присоединением к соответствующим падежным формам имен частиц местоименного происхождения. Они делятся на частицы возвратного (или безличного) и личного притяжений.

Частицы возвратного притяжения употребляются с именами в форме косвенного падежа для обозначения отнесенности объекта к лицу вообще. В хорчинском говоре такими частицами являются для имен: а) в родительном падеже *-дэн*; б) в винительном падеже *-дэн(-идэн)*; в) в дательном-местном, исходном, орудном падежах *-дэн*; г) в совместном падеже *-идэн*.

Подобное оформление имен частицами возвратного притяжения типично для хорчинского говора, тогда как в халха-монгольском частица притяжения утрачивает конечный согласный *н*. Ср. хорч. *ахасдэн*, халха *ахаасаа* 'от своего старшего брата'.

В отличие от всех остальных падежей имя в винительном падеже при присоединении к нему частицы возвратного притяжения теряет падежный показатель и в зависимости от исхода основы слова принимает частицу *-дэн(-идэн)*: *гатадэн* 'свой огонь', *тэрдэдэн* 'свое поле'.

Частицы личного притяжения по своей употребительности уступают частицам возвратного притяжения. В говоре зафиксированы: *мин* 'мой', *шин* 'твой', *нэ* 'его, их', а также *мэдн* 'наш', *тэдн* 'ваш' (используются редко).

При наличии во фразе полной формы личного местоимения в функции определения эти частицы употребляются редко. Наиболее активной из них является *нэ* как для единственного, так и для множественного числа.

Влиянием СПМЯ можно объяснить употребление письменных форм местоимений *минү* (ср. *mlnu*), *шинү* (ср. *šlnu*), *инү* (ср. *inu*) в говоре при исполнении

народных песен⁵. Так, в тексте одной песни нами зафиксировано: *ш/шег бо мод-шину делгирёд иргин үгсөвдөө...* «когда приходит время распускаться цветам и деревьям твоим...»; *шат-ину тулād, хэрү лэшаг унахдā...* «когда приходит время и листья с них начинают опадать...».

Частицы возвратного и личного притяжений присоединяются к имени в или иной форме и пишутся слитно.

Парадигма склонения имен существительных в говоре довольно проста: некоторые трудности представляет лишь имя существительное в родительном падеже, который в зависимости от исхода основы имеет несколько суффиксов (табл. 2).

Словообразование. Имена существительные во всех говорах образуются путем присоединения к основам разных деривационных суффиксов. Имеющиеся небольшие отклонения связаны со звуковым составом говоров.

В силу того, что инвентарь словообразовательных суффиксов в СГМЯ языках центральной ветви (современный монгольский, бурятский и калмыцкий) в основном идентичен, мы ограничиваемся указанием лишь тех суффиксов, которые бытуют в хорчинском говоре.

1. Суффиксы, образующие существительные от основ существительных: *-вш(-бш)*: *хурүвш* «наперсток» (*хурү* «палец»); *джүвш* «игольник» (*джү* «игла»); *хүджүвш* «ошейник» (*хүджү(н)* «шея»); *хетевш* «футляр для огнива» (*хет* «огниво»);

-ш(н): *адүш(н)* «конюх, табунщик» (*адү(н)* «табун лошадей»); *хөнш(н)* «пастух овец» (*хөн, хой* «овца»); *эджилш(н)* «рабочий» (*эджил* «работа»); *дүйш(н)* «певец» (*дүйш* «песня»).

2. Суффиксы, образующие существительные от глагольных основ:

-а(н): *санā(н)* «дума, мысль» (*сана-* «думать, мыслить»); *медē* «весть, известие» (*меде-* «знать, узнавать»); *толбб(н)* «связь, контакт» (*толбо-* «соединять, связывать»);

-ас(ан): *хадās(ан)* «гвоздь» (*хада-* «прибивать, вбивать»); *үдēc(ен)* «сшилка» («соединение шитьем»); *нөхдс(өн)* «заплата» (*нөхө-* «ставить заплату»).

-вар: *шадвар* «умение, способность» (*шада-* «мочь, уметь»); *еделбер* «угоды, владения» (*еделе-* «пользоваться чем-л.»); *тэлбар* «объяснение, толкование» (*тэл-* «объяснять, разгадывать»); *джāвар* «указание, наставление» (*джā-* «указывать»);

-й: *бодой* «краска» (*бодо-* «красить»); *бшн* «письмо» (*бшй-* «писать»); *хоной* «ночевка» (*хонө-* «ночевать»); *джураг* «рисунок» (*джура-* «рисовать, чертить»);

-о(ан): *хэнād(ан)*, *хэй āд(ан)* «кашель» (*хэнā-* «кашлять»); *нмēд(ен)*, *ийēд(ен)* «смех» (*нмē-*, *ийē-* «смеяться»);

-дай: *яадал* «ход, походка» (*яаа-* «ходить, идти»); *ийдөл* «бег» (*ийд-* «бежать, бегать»); *бōдол* «перевязка, связка» (*бō-* «завязывать»);

⁵ Б.Я. Владимирцов отмечал, что «язык. песен, героических эпосей...редко бывает чисто народным, по большей части он насыщается элементами литературного письменного языка монголов» /2, с. 40/.

Таблица 2

Склонение существительных

Падеж	Суффикс	Частица возвратного притяжания	Примеры		
Именительный	—	—	шулу(н) 'ка- мень'	юл 'река'	нозо 'со- бака'
Родительный	-э	-хэм	шулу́нхэм		
	-һн	-хән		юлһнхән	
		-хон			
	-н	-хән			нозоһнхән
Дательно- местный	-о(-да)	-ән	шулу́ндаән	юлодән	нозоһн дән
		-ән			
		-ән			
		-ән			
Винительный	-һ(-һн) -һ((-һһ))	-ән, -ән -ән, -ән		юлоһн	
		-һән, -һән -һән, -һән	шулу́һән		нозоһһән
Исходный	-әс -әс -әс -әс	-ән -ән -ән -ән	шулу́әсән	юлодәсән	нозоһәсән
	-әр -әр -әр -әр		шулу́әрән	юлобрән	нозоһәрән
Совместный	-тэ	-һән, -һән -һән, -һән	шулу́тһән	юлотһән	нозоһтһән

-дж(ә): жарож, жародж 'ущерб, потеря' (жар- 'выходить'); олдж, олджо
находка, добыча (ол- 'находить');
-һ: темиһ 'борьба' (темиһ- 'бороться'); джарга 'счастье, блаженство'
джарга- 'блаженствовать, наслаждаться';
-лаһ: джарла 'расход, издержки' (джарла- 'использовать'); бодло
соображение, мнение (бодо- 'думать, соображать');
-лаһ: талла 'покос, сенокос' (тала- 'косить, жать'); джовло (джовло)
мучение, страдание (джово- 'мучиться, страдать'); өлсөлә 'голод' (өлсө-
морить голодом);
-ат: асуат 'вопрос' (-асу- 'спрашивать'); уриат 'рост, всход' (уриа-
кати); унат 'падение' (уна- 'падать'); бәт 'повязка, бинт' (бә- 'завязы-
вать');
-м: аллам 'шаг' (алла- 'шагать'); бәрім 'мера в обхват пальцами руки'
бәри- 'держат в руке'; хершәм 'кусочек, ломоть' (херши- 'нарезать, раз-
резать');

-*маш*: *шаршамаш* 'желе' (*шарша-* 'стынуть, сгущаться'); *хӧлмог* 'смесь' (*хӧл-* 'смешивать, перемешивать'); *ѳѳмег* 'заквашенное молоко' (*ѳѳе-* 'киснуть, заквашиваться');

-*мѳж*: *тусламѳж* 'помощь, содействие' (*тусла-* 'помогать'); *бѳтемѳж* 'успех, достижение' (*бѳте-* 'исполняться, осуществляться'); *турѳмѳж* 'порядок, надлежащее положение' (*турѳ-* 'убирать');

-*мт*: *бѳримт* 'основание, довод' (*бѳри* 'опираться, придерживаться'); *бѳгомт* 'преграда, препятствие' (*бѳ-* 'преграждать, заграждать');

-*мшиг*: *ѳмшиг* 'страх, боязнь' (*ѳ-* 'бояться, страшиться'); *гутамшиг* 'стыд, позор' (*гута-* 'стыдиться'); *гѳтамшиг* 'чудо, диво' (*гѳта-* 'удивляться, изумляться');

-*р*: *бѳлшѳр* 'пастбище' (*бѳлшѳ-* 'выпускать, выгонять пастись'); *шавѳ* 'глина' (*шава-* 'обмазывать');

-*с(ам)*: *нѳлѳс(ѳн)* 'слеза' (*нѳлѳс укага-* 'прослезиться'); *хѳс(ѳн)* 'на' (*хѳ-* 'пухнуть, подниматься');

-*ѳл*: *шурѳл* 'выдвижной ящик' (*шурга-* 'пролезать, проникать'); *ѳрѳл* 'веретено' (*ѳре-* 'прясть');

-*ѳр*: *гаѳнѳр* 'спайка, паяние' (*гаѳна-* 'паять'); *шѳмхѳр* 'шипцы' (*шѳмхѳ-* 'шипать'); *делѳгѳр* 'магазин' (*делѳге-* 'раскладывать');

таѳѳр 'серп, коса' (*таѳа-* 'косить, жать');

-*ш*: *нѳш* 'тайна, секрет' (*нѳ-* 'скрывать, прятать'); *јаваш* 'ход, процесс' (*јава-* 'ходить, идти');

бѳш 'стоянка' (*бѳ-* 'останавливаться, располагаться'); *хѳешѳ* 'лежка' (например, скота) (*хѳешѳ-* 'лежать, ложиться');

Имя прилагательное

Обозначая качество, свойство или признак предмета, прилагательные делятся на два основных разряда: качественные и относительные.

К качественным относятся прилагательные непроизводные (первичная новизна) и производные, образованные посредством некоторых суффиксов. Относительные прилагательные, обозначающие признаки и свойства, выражающие отношения одного предмета к другим предметам, а также к месту или времени, образуются от именных и глагольных основ посредством суффиксов (*мѳдортог* 'лесистый', *шаст* 'снежный', *шѳтѳмѳ* 'влажный' и др.).

Имя прилагательное в функции определения не изменяется; оно не согласуется с определяемым словом в числе и падеже, присоединяется к нему с помощью примыкания, например: *тер ѳндѳр ѳлѳ даваѳд, ѳргѳн голѳ гатѳад гар* 'он перевалил высокую гору, переправился через широкую реку'.

Как и во всех говорах и диалектах, интенсивная степень качества, но сопоставления предмета с подобным ему предметом передается двумя способами:

1) постановкой усилительных слов перед определяемым именем прилагательным, например: *маш јѳх* 'очень большой', *мѳш голо* 'очень далекий', *мѳтар* 'совершенно черный', *шас шаган* 'совсем белый', *шал тѳх* 'совершенно синий';

2) посредством частичной редупликации, т.е. когда перед прилагательным в полной форме повторяется первый слог этого прилагательного с нараще-

согласного *в* (б), например: *уе улан* 'красный-прекрасный'; *уе ирт* 'длинный-предлинный'; *шав шар* 'желтый-прежелтый'.

В гоноре имеется и специальная сравнительная конструкция, которая употребляется лишь при сравнении одинаковых качественных признаков, присущих двум или нескольким предметам. В этом случае наименование предмета, с которым сравнивается другой, передается именем в исходном падеже, за ним следует прилагательное в форме основы, например: *мині бір мині бірес сен* 'твоя ручка лучше моей ручки'; *тернē мбр Самбун мбрнѳс андр* 'его конь выше (ростом) коня Самбу'; *мундс му хун* 'худший из худших (о человеке)'.

Словообразование

1. Суффиксы, образующие имена прилагательные от именных основ:

-лат: *авјаслат* 'даровитый' (*авјас* 'дар, талант'); *амтлат* 'вкусный' (*амт* 'вкус'); *мослат* 'жирный, маслянистый' (*мос(он)* 'масло'); *бијелет* 'рослий' (*бије* 'тело');

-мсаг: *гојомсог* 'нарядный, красивый' (*гојѳ* 'красивый, чудесный'); *јијемсег* 'высокомерный' (*јиј* 'большой');

-ргай: *усаргаг* 'обильный водой, водянистый' (*ус(ан)* 'вода'); *модоргог* 'лесистый' (*мод(он)* 'дерево, лес');

-ргун: *унларгун* 'горный, гористый' (*ун* 'гора'); *јасаргун* 'костистый, костлявый' (*јас(ан)* 'кость');

-сат: *авсат* 'любящий отца' (*ав* 'отец'); *нѳхѳерсѳг* 'любящий друзей' (*нѳхѳ* 'друг');

-т: *елегсѳг* 'почитающий родственников' (*елег* 'родственник'); *гал* 'огненный' (*гал* 'огонь');

хорт 'ядовитый' (*хорт* 'яд'); *хуншт* 'сильный' (*хуншт* 'сила');

хамшт 'родственный' (*хамшт* 'родство').

2. Суффиксы, образующие имена прилагательные от глагольных основ:

-гд: *шамгдг* 'старательный, прилежный' (*шамгд* 'быть прилежным, стараться');

сѳмгѳ 'редкий, просвечивающийся' (*сѳм* 'быть редким, просвечивающимся');

-гар: *агджгар* 'коротенький, приземистый' (*агджг* 'сокращаться');

дегдгѳг 'торчащий, оттопыренный' (*дегдгѳ* 'оттопыриваться');

-маг: *шадмаг* 'умелый' (*шад* 'уметь, мочь');

шѳшмаг 'внезапный' (*шѳш* 'вздрагивать от испуга');

хунрмаг 'обманчивый' (*хунра* 'обманывать');

-мал: *тунмал* 'прозрачный, отстоявшийся' (*туна* 'отстояться');

гунмел 'плотеный' (*гунг* 'плести');

ојомал 'шитый' (*ојо* 'шить, прошивать');

-мид: *басамид* 'привычный' (*баса* 'привыкать');

медемид 'хвастающий-ся знанием' (*мед* 'знать');

-мтгд: *ѳмтгд* 'боязливый' (*ѳ* 'бояться');

шѳмтгѳ 'стыдливый, застенчивый' (*шѳ* 'стыдиться');

-н: *ѳунрең* 'полный, наполненный' (*ѳунре* 'наполняться');

сергилең 'бодрствующий, чуткий' (*сергиле* 'быть осторожным, чутким');

-нхд: *тураңхд* 'тощий, истощенный' (*тура* 'доводить до истощения');

елеңхд 'изношенный, поношенный' (*еле* 'изнашиваться');

-ун: *шаршун* 'застывший, затвердевший' (*шарша* 'застыть');

хѳлдун 'мерзлый' (*хѳлд* 'замерзнуть');

ѳжѳрун 'встречный' (*ѳжѳр* 'направляться, устремляться');

хатун 'твердый' (*хата* 'сохнуть, засыхать');

-*уи*: *агшун* 'густой, сгущенный' (*агш*- 'становиться густым'); *тешун* 'неподатливый, упрямый' (*теш*- 'упорствовать, упрямиться');

-*хд*: *ѐмхд* 'боязливый, трусливый' (*ѐ*- 'бояться, страшиться'); *хетерх* 'чрезмерный, непомерный' (*хетре*- 'превышать, превосходить').

Как показатели степени проявления качества употребляются суффиксы
-*тар*: *шагѐтар* 'беловатый' (*шагѐн* 'белый'); *борџотар* 'сероватый' (*бор* 'серый'); *серџотар* 'довольно прохладный' (*серџн* 'свежий, прохладный');

-*хан*: *багахан* 'маленький' (*бага* 'малый, небольшой'); *джалџхан* 'молоденький' (*джалџ* 'молодой'); *шџверхен* 'чистенький' (*шџвер* 'чистый').

Имя числительное

Имя числительное, обозначая отвлеченные числа, а также порядок предметов, последовательность их или группировку, делится на несколько разрядов. Числительные в говоре склоняются так же, как и имена существительные, выполняя те же синтаксические функции. Если склоняются составные числительные, то падежный суффикс присоединяется только к последнему из числительных.

Количественные числительные обозначают количество (в виде определенного числа предметов) или же счетное понятие (в отвлечении от конкретных предметов). Как и в других говорах, в хорчинском все другие ряды числительных образуются от основ количественных числительных.

Единицы

Десятки

нег(ен) 'один'

хогор 'два'

гурас, гурсан 'три'

дүрес, дүрсен 'четыре'

тав(ан) 'пять'

джурџа(н) 'шесть'

долб(н) 'семь'

кѐм(ан) 'восемь'

јус(ен) 'девять'

арав, арсан 'десять'

хџр(н) 'двадцать'

јуш(н) 'тридцать'

дџш(н) 'сорок'

тџв(н) 'пятьдесят'

джџр(ан) 'шестьдесят'

дав(ан) 'семьдесят'

кај(ан) 'восемьдесят'

јџр(ен) 'девяносто'

джџ(н) 'сто'

В функции определения и компонента составных числительных эти числительные восстанавливают конечный *н* (*таван тџхедтџ* 'имеет пятерых детей', *тџџин дүрес* 'пятьдесят четыре'), исключение составляет числительное *јус(ен)* 'девять', при котором предшествующее ему числительное теряет конечный согласный *н*, например: *јушин тав* 'тридцать пять', но *јуш јус* 'тридцать девять'.

Для передачи чисел более высокого разряда употребляются числительные *меџ* (*мџнган*) 'тысяча', *тџм* 'десять тысяч', *бум* 'сто тысяч', *сај* 'миллион', *буџшџр* 'сто миллионов'.

Количественные числительные могут принимать после себя частицы притяжаний (например, *теонџ хогорџн мџртџ*, *гурасанџ јаван јџроџџ* 'из них два

приехали верхом, а трое пешком пришли»; *bīd djamdām tavān īē īd xūrā* 'в пути мы пятерых потеряли').

Порядковые числительные обозначают порядок следования предметов при счете. Они образуются посредством присоединения к основе количественных числительных суффикса *-duḡār*, например: *xojor* 'два' — *xojorduḡār* 'второй'; *tav(ān)* 'пять' — *tavduḡār* 'пятый'; *dūrwa* 'четыре' — *dūrewduḡār* 'четвертый' и т.д. Числительные 'три' и 'четыре' в говоре сохраняют параллельно и более древние их письменные формы, например: *ḡurawduḡār* 'третий' — *ḡutār* (ср. *ḡutuḡar*); *dūrewduḡār* 'четвертый' — *dūtēr* (ср. *dōtūger*), а также *meḡduḡār* 'первый' и *axduḡār* (ср. *engqa* 'впервые, вначале').

Собирательные числительные обозначают количество предметов как одно целое, как их совокупность. Собирательные числительные в говоре образуются от основ количественных числительных посредством суффикса *-ūl*, например: *ḡuroūl* 'втроем'; *tavūl* 'впятером'; *dūrwoūl* 'вчетвером'; *iḡsūl* 'вдевятиером'.

Разделительные числительные выражают количественное распределение предметов по однородным группам. Когда речь идет о равном количестве предметов, они образуются от основ количественных числительных прибавлением суффикса *-ād*, например: *teḡwād* 'по пятьдесят'; *areād* 'по десять'; *ḡrēd* 'по девяносто'; *dūrweād* 'по четыре' или путем повторения одного и того же количественного числительного, например: *xojor xojor xarandā ḡutēbōḡē* 'раздали нам по два карандаша'; *ene xōnī teḡ teḡwār salādḡēn* 'этих овец распределяют на группы по пятьдесят голов'. Разделительные числительные от *nei(en)* 'один' и *xojor* 'два' образуются несколько иначе, чем остальные числительные, а именно: а) чередуются согласные и б) в *xojor* 'два' выпадает конечный согласный *p*: *nei(en)* 'один' — *neḡwēd* 'по одному'; *xojor* 'два' — *xowēd* 'по два'.

Значение приблизительности передается путем сочетания двух количественных числительных, при котором название меньшего числа предшествует названию большего, например: *manē nūtaḡ meḡdōs dolo-nḡman ḡadḡir xolō bēn* 'наше кочевье находится за семь-восемь верст отсюда'; *ter em tav-dḡur-ḡān xūxetmē* 'у той женщины пять или шесть детей'.

Значение приблизительного счета может быть передано путем сочетания количественного числительного со словами *maxū*, *baraḡ*, *xīr*, *oršīm* с общим значением 'около, приблизительно', например: *mednē adū dazād maxū bēn* 'их табун насчитывает около семидесяти голов'; *Batūn mal baraḡ xōrōd bē-xīmā* 'У Бату должно быть около двадцати голов скота'.

Дробные числительные представляют собой частный случай количественных числительных и образуются путем сочетания двух количественных числительных. При этом первый компонент, выражающий знаменатель дроби, ставится в родительном падеже, а второй компонент, выражающий числитель дроби, — в форме основы, например: *dūrewnḡ nei* — $1/4$; *arean tavnḡ ḡuras* — $3/15$. Дробные числительные передаются и описательно, используя в качестве знаменателя и числительное, и слово *xōw* 'часть, доля' в родительном падеже, например: *dḡūn xōwnḡ arean tav* — 0,15 — букв. 'пятнадцать из ста ча-

стей; *гурван хбонѳ нег* — 1/3 — букв. 'одна из трех частей'. При склонении падежный суффикс прибавляется ко второму компоненту сочетания, т.е. к числителю.

Встречаются в хорчинском говоре и так называемые счетные слова. В этом случае предметами счета служат имена существительные, указывающие на определенную количественную совокупность предметов. Им предшествует количественное числительное. Следовательно, счетные слова состоят из двух компонентов: количественного числительного и единицы измерения разного в зависимости от классов предметов. Единицами измерения, или предметом счета, в хорчинском служат:

толог (*толд*) 'голова' (для счета животных): *арван толог мал* 'десять голов скота'. Это слово используется также и для счета головок и пучков растений, овощей, например: *гушн толог шатан ногд* 'тридцать кочанов капусты (букв. 'головок')'; *таван толог сбнзм* 'пять головок лука';

ул 'корень' (для растений, деревьев, овощей), например: *ене джл бид шатан ногд джүн ул авджэ* 'в этом году мы получили сто корней (кочанов) белой капусты';

јудж 'пучок', *ббдж* (ср. СЛМЯ *воуѳа* 'связка'), *бблм* 'связка' (для растений), например: *теден мѳцан јудж угс хаджджэ* 'они накосили тысячу пучков травы (сена)'; *тугалдѳн нег ббдж угс эшр* 'принеси связку (охапку) сена для теленка';

бүгел 'целый' (для счета отрезков ткани), например: *хотѳс нег бүгел ба авлѳ* 'купил в городе кусок хлопчатобумажной материи';

джау 'лист' (для счета плоских предметов, например листов бумаги): *над таван джау шѳс бѳн* 'у меня есть пять листов бумаги';

джурѳ 'пара' (для счета парных предметов), например: *нег джурѳ шѳдѳ* 'пара тапок'; *джурѳн джурѳ савх* 'шесть пар палочек для еды'.

Местоимение

По своему лексическому значению и грамматическим признакам различные местоимения соотносятся с различными разрядами слов, поэтому местоимение не имеет каких-либо только ему свойственных грамматических категорий.

Личные местоимения. Эта категория знаменательных слов указывает на то или иное лицо только по отношению его к акту речи. В зависимости от этого различают личное местоимение 1-го лица единственного числа (т.е. говорящий), личное местоимение 1-го лица множественного числа (группа лиц, к которым относит себя говорящий), личное местоимение 2-го лица единственного числа (т.е. адресат речи) и личное местоимение 2-го лица множественного числа (группа лиц, к которым обращается с речью говорящий). В хорчинском, как и во всех говорах и диалектах Внутренней Монголии, нет специальных личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа. В функции местоимения 3-го лица используются указательные местоимения.

1-е л.	<i>би, бī 'я'</i>
2-е л.	<i>шī, шī 'ты'</i>

<i>бид(ен) 'мы'</i>
<i>мā, мад(ен) 'вы'</i>

В СПМЯ было два местоимения 1-го лица множественного числа: *bide* и *ba* 'мы'. Первая форма относится к инклюзивному множественному числу (мы — говорящие и слушающие), тогда как вторая — к эксклюзивному множественному числу (мы — говорящие, без вас слушающих). Местоимение 1-го лица *ба* 'мы' имеется в дагурском языке. В дунсянском, баоаньском и калмыцком языках оно соответственно бытует в виде *матан*, *мангэ* и *мадн*, а в бурятском, халха-монгольском и в говорах и диалектах Внутренней Монголии нет местоимения *ба* (им. пад.), но в них сохранились все формы косвенных падежей этого местоимения.

Местоимение 2-го лица множественного числа *мā* 'вы' употребляется также и при обращении в качестве вежливой формы, ср.: *мā надтэ матāш јавнī?* 'завтра Вы поедете со мной?'; *мā хојорī јисенī бī медсенуγэ* 'я не знал, что Вы (вдвоем) уже приехали'.

Склонение личного местоимения 1-го лица единственного числа характеризуется тем, что формы косвенных падежей образуются от основ, не совпадающих с основой именительного падежа, т.е. от супpletивных основ, например:

Им.	<i>би (бī)</i>
Род.	<i>мī</i>
Дат.-местн.	<i>нāд, нэмēд</i>
Вин.	<i>нāд(и), намāī, нэмēвī, мэнēвī</i>
Исх.	<i>нāдāс, намāīāс, нэмēāс, мэнēāс</i>
Орудн.	<i>нāдāр, намāīāр, нэмēāр, мэнēāр</i>
Совм.	<i>нāдтэ, намāтэ, нэмētэ, мэнētэ</i>

Как видно из парадигмы, в говоре параллельно используются две разные основы косвенных падежей: 1) начиная с дательно-местного (затем исходный, орудный, совместный) падежа, основа *нāд-*. Исключение составляет основа винительного падежа *нāд(и)*, т.е. разговорная форма, построенная, по-видимому, по аналогии с основами других косвенных падежей; 2) основа *нэмэ-* (*мэнэ-*, *намā-*), типичная для разговорной речи хорчин и весьма распространенная.

В говоре местоимение *бī* и основа косвенных падежей *нāд-* произносятся с долгим гласным.

Личное местоимение 2-го лица единственного числа также имеет супpletивные основы косвенных падежей.

Им.	<i>шī (шī)</i>
Род.	<i>шī</i>
Дат.-местн.	<i>шāмд, шāmāд, шэмд, шэмēд</i>
Вин.	<i>шāmā, шāmāи, шэмэ, шэмēи</i>
Исх.	<i>шāmāс, шāmāīāс, шэмāс, шэмēīāс</i>
Орудн.	<i>шāmāр, шāmāīāр, шэмāр, шэмēīāр</i>
Совм.	<i>шāмтэ, шāmātэ, шэмātэ, шэмētэ</i>

В разговорной речи ясно выделяются три разные основы косвенных падежей: *шн*- (род. пад.), *шам*- и *шам̄*- (все остальные падежи), причем последние имеют варианты *шэм*- и *шэм̄*-.

В отличие от местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в местоимении 1-го лица множественного числа форма именительного падежа служит основой для образования всех косвенных падежей, например:

Им.	<i>бид(ен)</i>	—
Род.	<i>бидн̄э</i>	<i>ман̄э(мэн̄э)</i>
Дат.-местн.	<i>биденд</i>	<i>манд</i>
Вин.	<i>бидн̄и(и)</i>	<i>ман̄и(и)</i>
Исх.	<i>бидн̄ес</i>	<i>ман̄ас</i>
Орудн.	<i>бидн̄ер</i>	<i>ман̄ар</i>
Совм.	<i>бидент̄э</i>	<i>мант̄э</i>

Именительный падеж от второго местоимения 1-го лица множественного числа, т.е. *ба* 'мы', в говоре не сохранился. Однако наиболее распространенными в быту и употребительными являются формы косвенных падежей именно этого местоимения, а не формы от местоимения *бид(ен)*.

По типу местоимения *бид(ен)* 'мы' склоняются и местоимения 2-го лица множественного числа:

Им.	<i>тад(ан)</i> ,	<i>т̄а</i>
Род.	<i>тадн̄э</i> ,	<i>тан̄э(тэн̄э)</i>
Дат.-местн.	<i>таданд</i> ,	<i>танд</i>
Вин.	<i>тадн̄и(и)</i>	<i>тан̄и(и)</i>
Исх.	<i>тадн̄ас</i> ,	<i>тан̄ас</i>
Орудн.	<i>тадн̄ар</i> ,	<i>тан̄ар</i>
Совм.	<i>таднт̄э</i> ,	<i>тант̄э</i>

В говоре зафиксировано и *тадн̄уд* 'вы', образованное посредством присоединения к местоимению *тад(ан)* суффикса множественного числа.

Указательные местоимения делятся на две группы. К первой относятся местоимения *эне* 'этот', *ед(ен)* 'эти', указывающие на близость, а *тер* 'тот', *тед(ен)* 'те' — на отдаленность от говорящего. Ко второй относятся местоимения *ім* 'этаким', *ім̄* 'такой', указывающие на качественную характеристику предмета. Типичную черту хорчинского и других говоров восточного диалекта составляет то, что к этим местоимениям может присоединиться наращение — инициальный *м* или слог *ме* в зависимости от того, какую огласовку имеет местоимение, например: *эне, мен̄э; тер, метер; еден, меден; теден, метеден*.

При склонении местоимения *эне* обнаруживаются некоторые отклонения от норм СПМЯ. В говоре это местоимение последовательно образует основу косвенных падежей от *экен*- (ср. дагурскую и бурятскую основы косвенных падежей *ээн*-), тогда как в СПМЯ сохранилась основа от более древнего корня *е-гүн*.

Им.	ене
Род.	енӣ
Дат.-местн.	енӣнд
Вин.	енӣ(г), енӣ(г)
Исх.	енӣс
Орудн.	енӣр, енӣр
Совм.	енӣтэ

При склонении местоимения *тер* 'тот' падежные суффиксы присоединяются к основе *терен*:

Им.	тер
Род.	терн̄
Дат.-местн.	теренд
Вин.	терн̄, терн̄
Исх.	терн̄с
Орудн.	тер̄р, терн̄р
Совм.	терентэ

Следует отметить, что основа косвенных падежей *терен* известна также в дагурском и бурятском языках, например: исх. пад. — даг. *тэрэс*, *тэрэр*, бур. *тэрэнэ* (*тэрэнэ*), хорч. *терн̄с*.

Хорчинский говор отличается тем, что в нем нет основы косвенных падежей на *-үн*, соответствующей в СПМЯ основе на *e-gün*, как, например, в калмыцком: *тер*, *түүнд* (*терүнд*), *түүг* (*терүг*), *түүнэс* (*терүнэс*).

Местоимения *ед(ен)* 'эти' и *тед(ен)* 'те' склоняются по общим нормам, при этом основой их изменения является форма именительного падежа, т.е. им. пад. *ед(ен)*, *тед(ен)* — род. пад. *едн̄э*, *тедн̄э*, вин. пад. *едн̄(г)*, *тедн̄(г)*, исх. пад. *едн̄с*, *тедн̄с* и т.д. В разговорной речи нередки случаи, когда множественное число указательных местоимений образуется путем присоединения к формам именительного падежа единственного и множественного числа дополнительно суффикса множественности, например: *тер* 'тот' *терүд* 'те'; *ед(ен)* — *еднрд* 'эти'.

Возвратные местоимения. В говоре местоимение *эрөн* в значении 'сам' зафиксировано лишь в единственном числе. Конкретный носитель действия уточняется употреблением соответствующего личного местоимения: *шг эрөн мадаш сургад ошд ир* 'ты сам завтра сходи в школу'; *та терн̄г эрөсөн бүү сала* 'вы его от самого себя не отпускайте'.

Местоимение *эрөн* склоняется не по всем падежам. Употребительны формы *эрн̄*, *эрн̄төн* (род. пад.), *эрөсөн* (исх. пад.), но не зафиксированы формы орудного и совместного падежей. Специфику возвратного местоимения составляет то, что оно не употребляется без частицы возвратного притяжания, ибо исторически это местоимение представляет собой форму винительного падежа + притяжание и лишь в этом виде воспринимается ныне как форма именительного падежа. В хорчинском говоре оно чаще произносится и как *үрэн*, 'сам' и имеет свою парадигму склонения: *үрн̄хэн*, *үрөсөн* и др.

Вопросительные местоимения: *хен* 'кто'; *йүн* 'что'; *хед* 'кто (такие)'; *эл* 'какой, который'; *ямар* 'какой'; *хедг* 'сколько'.

Местоимения *тен* 'кто', *хед* 'кто такие' употребляются, когда речь идет о человеке, о людях. В остальных случаях (т.е. когда вопрос относится к различным предметам, явлениям, а также и другим живым существам) употребляется местоимение *й(н)*. Вопросительные местоимения *тен* и *й(н)* также изменяются по падежам, лишь вопросительное местоимение *тен* имеет форму множественного числа *хед* 'кто такие'. Когда речь идет о значении раздельной множественности (люди, названия предметов и т.д.), то используется редупликация этих местоимений, например: *тер герт тен тен бэн?* 'кто такие находятся в том доме?'; *ашип йу йу эширсем?* 'что привез твой брат?'

Местоимение *эл* 'какой, который из них' употребляется, когда задается вопрос об одном из нескольких однородных предметов, например: *ш й эл элар ошдо йреэ?* 'ты в какой аил ездил (и вернулся)?'. Оно часто принимает частицу возвратного притяжания 3-го лица *н*: *тернэс эл элн шнн бэн?* 'какие же из тех (вещей) являются твоими (принадлежат тебе)?'.

Местоимение *ямар* 'какой', выполняя чаще всего функцию определения, указывает на признак, качество предмета, например: *манэ энд ямар бадэ тердаг йм?* 'какие злаки (хлебные) у вас (тут) сеют?'; *хед ямар бтрер блм дег блэ?* 'какими же ручками они писали?'; *ш йамар нертэ?* 'как тебя зовут'. На этот вопрос хорчины отвечают: 1) *ммт кер Бадма* 'мое имя — Бадма'; 2) *немэт Бадма гедж дүднэ* 'меня зовут Бадма'.

Местоимение *хед* 'сколько' обычно указывает на количество предметов о которых идет речь в предложении: *та йурэулда хед джбс бэн?* 'сколько у вас троих имеется денег?'; *манэ энд хед мал бэн?* 'сколько у вас скота?'. Это же слово используется и тогда, когда необходимо узнать о возрасте человека. Хорчины на вопрос *та хед настэ?* 'сколько вам лет?' отвечают двумя: 1) *би даган настэ* 'мне семьдесят лет'; 2) *бт дал* 'мне семьдесят'.

Склонение местоимений *тен* 'кто' и *й(н)* 'что':

Им.	<i>тен</i>	<i>й(н)</i>
Род.	<i>тенэ</i>	<i>йүнэ</i>
Дат.-местн.	<i>хенд</i>	<i>йүнд</i>
Вин.	<i>хент</i>	<i>йүгт</i>
Исх.	<i>хендс</i>	<i>йүндс</i>
Орудн.	<i>хенер</i>	<i>йүнер</i>
Совм.	<i>хентэ</i>	<i>йүнтэ</i>

Неопределенные местоимения образуются от основ вопросительных местоимений в сочетании с усилительной частицей *ш*, например: *эл ш үланд мйм үстэ* 'на любой (какая бы ни была) горе такая (обильная) трава'; а в отрицательных предложениях при местоимениях *тен* и *й(н)* соответственно обозначает 'никто' и 'ничто', например: *ене удер манэ энд тен ш йрсенгүэ* 'сегодня к нам никто не приходил'; *тершн йүш сэн метхүэ* 'он ничего как слышит не знает'. Значение неопределенности передается и использованием частицы *бэ*: *эл бэ явалт тер гаштаран толог меддо болнт?* 'разве он один может решить любое дело?'; *ямар бэ ушрт* 'какую-либо причину'. Частица *бэ* употребляется реже, чем *ш*; она ограничена, так же как и в других говорах,

тем, что ставится лишь после местоимений *Эл* и *јамар*, при этом отдельно от определяемого слова.

Как неопределенное местоимение употребляется и слово *нег(ен)* 'некий, какой-то' в сочетании с вопросительным местоимением *тен* 'кто' (*тен нег(ен)* 'некий, кто-нибудь, кто-то'), известное во всех монгольских языках.

Обобщительно-определятельные местоимения:

1) *бүгед* 'все, весь, каждый', *хү* 'все', обозначающие совокупность лиц или предметов, например: *тед бүгед гертэн сүсан бэджэ* 'они все (оказываются) живут дома'; *тершүн бүгед хоршонэ улсуд меднэ* 'об этом (деле) знают все люди в кооперативе'; *та нар энд хү сідан бэнэ?* 'хорошо ли вы все здесь живете?';

2) *бүр*, *бүрү* 'каждый' ставится постпозитивно и указывает на то, что речь идет о предмете, взятом из ряда однородных ему, например: *шү нэшэн үдөр бүрү жүр* 'ты приходи сюда каждый день'; *манэ энд хүн бүр үсег тэнхүэ* 'у нас не каждый человек знает грамоту';

3) *бус*, *бусад* 'иной, другой' употребляется препозитивно, например: *бусад хүнэ жүм бү аа* 'не бери вещи чужого человека'; *бусдін үгенд бү орбд бэ* 'не поддавайся чужим словам'.

В значении этого разряда местоимений употребляются и другие слова, например: *хамаг* 'весь, целиком' (*хамаг тернэс гарсан ушр жүм* 'все пошло от него (причина всему — он)'); *ондөн* 'другой, иной' (*над эннэс ондөн малиэ үгүэ* 'у меня другой шапки нет, кроме этой'); *джерім* 'некоторый' (*теденшн джерімн хүнэ хелтэ сохсод бін* 'некоторые из них прислушиваются к тому, что говорят'); *астан* 'иной, другой' (в хорчинском говоре это слово в самостоятельном использовании означает 'отдельный, особый'; *астан хүнэ жүм аадж болохүэ* 'нельзя брать вещь другого человека').

Глагол

Глагол в хорчинском говоре обладает грамматическими категориями лица и числа (в повелительно-желательных формах), залога, наклонения и времени. Синтетических форм образования видов зарегистрировано не было.

Залог. В глаголе различаются пять залогов: действительный, побудительный, страдательный, взаимный и совместный.

Действительный залог характеризуется нулевым показателем. По отношению действия к объекту глаголы действительного залога делятся на переходные и непереходные, основы которых по своей морфологической структуре ничем не отличаются друг от друга, например: *асү-* 'спрашивать', *нада-* 'играть', *ажого-* 'стоять', *уна-* 'падать'.

Принадлежность к переходным или непереходным глаголам определяется семантикой — наличием или отсутствием направленности действия на объект. Переходные глаголы обозначают действие, которое направлено на объект, выраженный винительным падежом имени и имеющий функцию прямого дополнения.

При глаголах действительного залога субъект действия совпадает с подлежащим, а дополнение (если оно не отсутствует в предложении) — с объектом

действия, например: *нар гарджэ* 'солнце взошло'; *Дордж тєрə халхəр јавдэ* 'Дорджи ушел убирать хлеб'.

От основы действительного залога образуются формы всех остальных залогов.

Побудительный залог образуется от основ действительного залога прибавлением следующих суффиксов:

1) *-ā*, например: *хатā* 'высушить' (*хатə* 'сохнуть'); *ношō* 'зажигать' (*ношə* 'гореть'); *хəлдō* 'отмораживать' (*хəлдə* 'замерзать'); *девтē* 'пропитывать' (*девтə* 'пропитываться');

2) *-ia (-iā)*: *јаріа* (*јаріā*) 'выносить, выставлять', 'исключать', 'устраивать' (*јарə* 'выходить'); *хүріе* (*хүріē*) 'доставлять' (*хүрə* 'доходить, добираться');

3) *-lia (-liā)*: *бүліа* (*бүліā*) 'опускать, спускать' (*бү* 'опускаться'); *хіліе* (*хіліē*) 'заставить делать' (*хі* 'делать');

4) *-ūl*: *орүл* 'ввести' (*ор* 'входить'); *ошүл* 'отправить' (*ош* 'пойти, отправляться'); *медүл* 'сообщить, дать знать' (*медə* 'знать').

В приведенных примерах заметна одна особенность говора: конечный гласный суффикса часто произносится как гласный долгий. Глаголы побудительного залога, образованные от непереходных глаголов, становятся по своему значению переходными.

В отличие от подлежащего в предложении с глаголом в действительном залоге подлежащее при глаголах в побудительном залоге обозначает лицо, которое побуждает к совершению действия, но которое само не участвует в совершении этого действия. Объект же, которого побуждают к совершению действия, представляет собой и реального исполнителя этого действия.

Реальный исполнитель действия представляет собой дополнение, которое обозначено именем в одном из трех падежей — винительном, дательно-местном или орудном, например: *мөрөн адү дахүлād јавүллā* 'отправили своего коня [пастись] с табуном' (вин. пад.); *тā джхдлāн Хасār хүрүл* 'вы отправьте свое письмо с Хасом' (орудн. пад.); *хүнд іххүлād јүл?* 'что за дело удивля человека?' (дат.-местн. пад.).

Но упоминание в побудительной конструкции двух лиц (т.е. побуждающего лица, которое является в предложении подлежащим и передается именем в именительном падеже, и реального исполнителя действия, которое оформляется как дополнение и передается именем в указанных выше падежах) не обязательно в хорчинском. Также не удастся строго определить, в каких случаях употребляется второй компонент побудительной конструкции в том или ином конкретном падеже. В говоре чаще других встречается орудный падеж, но многое зависит от лексического содержания соответствующих глаголов, от какой основы (переходного или непереходного по значению глагола) образована залоговая форма.

Страдательный залог образуется от основ глаголов действительного залога присоединением суффиксов:

1) *-ida*, например: *дарагидə* 'быть придавленным' (*дара* 'давить, придавливать'); *бєрпидə* 'быть схваченным' (*бєрп* 'схватить'); *идегидə* 'быть съеденным' (*идə* 'есть');

2) *-odo*, например: *олдо* 'быть найденным' (*ол* 'найти');

3) *-та*, например: *аста-* 'быть взятым' (*ав-* 'взять'). Глаголы с суффиксами *-до*, *-та* встречаются редко не только в хорчинском, но и во всех других говорах.

Глаголы страдательного залога могут указывать на действие, направленное на предмет (объект действия) со стороны, при этом само подлежащее, реальный исполнитель действия, может быть и невыраженным, например: *джидат биш дла* 'письмо написано'. Однако подобное употребление глаголов страдательного залога нетипично для говора. Наиболее характерной является такая конструкция с глаголом страдательного залога, в которой названы два предмета, один из которых употреблен как подлежащее, выраженное именем в именительном падеже, а другой — как дополнение, выраженное именем в дательном-местном. Из них активным, реально действующим является тот, который передан именем в дательном-местном падеже, а другой (в именительном падеже) испытывает на себе это действие, например: *хб; шонд дегеджэ* 'овца съедена волком'; *мёр алао бэридоа* 'конь пойман старшим братом'.

Вместе с тем образование и употребление форм страдательного залога показывает, что они в своем использовании в речи ограничены определенными рамками: 1) от основ некоторых глаголов не образуется страдательный залог, потому что их семантика не допускает подобного образования; 2) чаще всего они употребляются, когда речь идет о действиях активных предметов (лица, живые существа); 3) наоборот, они используются реже, если речь идет о действиях неодушевленных предметов (вещи, различного рода явления природы), например: *гаджир шасачд дарагдла* 'земля покрыта снегом'.

В конструкциях со страдательным залогом реальный исполнитель действия передается дополнением в дательном-местном падеже.

Взаимный залог образуется от основы глагола присоединением суффикса *-лаа*: *-бэридоа* 'бороться' (*бэри-* 'хватать'); *шохолдо-* 'бить друг друга' (*шохо-* 'бить'); *мёртодо-* 'бодаться' (*мёрто-* 'бодать'); *тулхелде-* 'толкаться' (*тулхе-* 'толкать').

Взаимный залог обозначает взаимонаправленное действие, совершаемое двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу. При этом каждый из субъектов взаимного действия одновременно выступает и как объект действия другого субъекта действия, например: *метер бух үетэ* 'ебрен хуартаин мёртодожэ' 'тот бык и корова бодались так, что рога друг другу переломали'; *гадд хорор хухед нег јим баталдодла* 'на улице двое ребят что-то отнимают друг у друга'.

Своеобразие глаголов во взаимном залоге состоит в том, что они образуются от сравнительно узкого круга глаголов (в основном переходных), по своему лексическому значению допускающих подобное образование. Когда в качестве основы выступает глагол непереходный, то чаще всего имеется в виду действие, совершаемое многими лицами, ср., например: *гулде-* 'бежать'; *мёдо-* 'смеяться'; а с другой стороны, *херелде-* 'браниться, ссориться'.

Совместный залог образуется суффиксом *-лаа*: *супалла-* 'учиться с кем' (*супа-* 'учиться'); *оролло-* 'участвовать' (*ора-* 'войти'); *хелелле-* 'переговаривать' (*хеле-* 'говорить').

Глагол в совместном залоге указывает на то, что в осуществлении действия участвуют два или несколько лиц-субъектов, например: *тер нётэ су-*

рашдаж бѣнā 'он учится вместе со мной'. Здесь значение совместности можно видеть в равном участии двух лиц в совершении общего действия.

Как и в остальных диалектах и говорах, в хорчинском известны удвоенные формы залогов.

Зафиксированы следующие удвоенные формы: -џā + -џā: тер меңџи Гер јавџлџл 'те деньги отправь с Герелом'; -іѣ + -лѣ: ші 'тернѣр гертѣн хурі іѣ (хуріџл) 'ты попроси его проводить тебя до твоего дома'; -іда + -џā: 2-го лица: ноходо джџі дџллā 'мальчик был укушен собакой'.

Повелительно-желательные формы. По сравнению с СПМЯ в хорчинском говоре употребляется гораздо меньше повелительно-желательных форм. Они указывают или на требование (приказ), побуждение (просьбу) осуществить кем-либо лицом (лицами) то или иное действие, или на намерение, желание говорящего совершить соответствующее действие.

Повелительно-желательные формы изменяются по лицам и числам. Давнее, выражаемое ими, мыслится как еще не начавшееся, т.е. соотносится с временем, которое должно следовать за моментом речи.

Повелительная форма 2-го лица единственного числа. В нулевая форма, равная основе глагола, которая употребляется в случаях, когда приказание отдается в категорической, настойчивой форме: деңі ас 'зажги лампу'; ші теңд ошдд ір 'ты пойді туда и тотчас же возвращайся'; тā хурдан малāн тосхѣр гар 'вы быстрее выходите встречать своих животных'.

Приказание может быть отдано и не с такой категоричностью, например: ші ајартāн менд ір 'немного погоды приходи к нам'; тер нохдџі шā хѣ 'отгони прочь ту собаку'.

В хорчинском говоре наблюдается тенденция к ослаблению категоричности повеления. В этом случае приметой служит долгий -ā, который присоединяется к основе глагола 2-го лица единственного числа и смягчает повеление, обращая его чаще в просьбу, пожелание: теңд сџдж бѣт хуңі дџдā 'пови-ка человека, сидящего там'; мнџі оронд јавдд ірѣ 'сходи-ка вместо меня'.

Повелительно-просительная форма 2-го лица единственного числа образуется посредством присоединения суффикса -āс (-āш). В значении этой формы доминирует оттенок настоятельной просьбы совершить то или иное действие, например: ші гертѣн хѣрāс 'пойди же к себе домой'; м теңдѣс хурдан ірѣс 'приходи же побыстрее оттуда'; нāд мѣрдѣн аџш дџ 'даже мне своего коня'.

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица единственного и множественного числа образуется при помощи суффиксов -і или -ја, например: тџлі (тџолој) 'посчитаемте'; сџі(сџја) 'посидимте'.

Данная форма обозначает желание, намерение совершить действие или же призыв, приглашение со стороны говорящего к одному или нескольким лицам совершить действие. В этом случае подразумевается, что в осуществлении действия собирается принять участие и сам говорящий, например: бџд сџнџі омијџ 'почитаемте газету'; одд гертѣн хі ріја 'теперь поседимте домой'; бі ене харандāтār бшја 'напишу-ка этим карандашом'; бі еңі еңі та тѣрāгāн хад 'я сделаю это, а вы убирайте хлеб'; бі хорџи јдї сѣтѣ, ші

малын оруул 'я раскрою ворота сарая, ты вступи скот'; бид адалхяр явъя 'мы пойдем работать'.

Повелительно-желательная форма 3-го лица единственного и множественного числа употребляется, когда приказание, просьба или пожелание совершить действие передается третьему лицу или лицам через собеседника. Эта форма образуется суффиксом -и, присоединяемым к основе глагола, например: *йрег* 'пусть придет (придут)'; *сүй* 'пусть сядет (сядут)'; *телег* 'пусть скажет (скажут)'.

Она может передавать такие оттенки значения: а) приказание или пожелание более энергичное, настойчивое, например: *тер гертэн сүй* 'пусть он сидит дома'; *теден ене үдер үнэ улаг* 'пусть они сегодня поят коров'; *теден нәшән бүй йрег* 'пусть они сюда не приходят'; б) менее настойчивое, с оттенком согласия, одобрения, например: *тер унтвал унтаг* 'если спит, пусть спит'; *тед мбрі бербал берг* 'если они поймают коня, пусть поймают'. В этом случае повелительно-желательной форме часто предшествует условная форма глагола на -бал (-вал).

Весьма редко встречается в говоре форма на -тугэ, в основном в призывах: *еб тамт нам мандтугэ* 'да здравствует коммунистическая партия!'; или в пожеланиях: *сён ху болтугэ* 'пусть вырастет хорошим мальчиком'.

Нам встретилось несколько предложений, где глаголу *бэ-* 'быть' в форме с -тугэ предшествует причастие будущего времени в винительном падеже и все сочетание имеет значение 'не только, но и ...', например: *телез бэтугэ шозон* 'не только ругает, но и бьет'; *тершн бшгх бэтугэ сён омшодж шадна* 'он не только пишет, но и хорошо может читать'.

Такие формы СІМЯ, как: 1) *-ytun, -gtün* (для глаголов 2-го лица множественного числа), 2) *-suḡai, -sügel* (форма пожелания 1-го лица единственного числа), 3) *-asai, -esel* (форма пожелания всех трех лиц), 4) *-ḡuḡai, -güḡai* (форма опасения) и 5) *-ḡarai, -gerel* (форма повелительно-наставительная), а также и соответствующие им формы, известные в халхаском диалекте монголов МНР, в хорчинском говоре не встречаются.

Все повелительно-желательные формы представляют собой финитные формы, функционирующие в качестве сказуемого законченного предложения. Часто после такой формы следует частица *дә*, которая ставится отдельно от глагола, например: *та энд сүй дә* 'вы садитесь сюда'; *тер хэргә дә* 'пусть он идет домой'; *ене хоршбнд ошог дә* 'пусть она сходит в кооператив'. Данная частица весьма употребительна с глаголами 2-го и 3-го лица, иногда она используется в несколько иной функции — смягчения приказа.

Повелительно-желательная форма выражает также требование или желание не осуществлять то или другое действие. Для этого имеется общая запретительная частица *бү* 'не', которая ставится перед глагольной формой, например: *бү гар* 'не уходи'; *бү үр хурэ* 'не сердись'; *бү ошог* 'пусть не ходит'; *бү мартаг* 'пусть не забывает'.

Изъявительные формы. В них значения времени и наклонения передаются средствами одного порядка, они наиболее последовательно выражают три временных аспекта глагола.

Форма настоящего-будущего времени образуется суффиксом *-н* и передает значение как настоящего, так и будущего времени, т.е. настоящее и будущее время не различаются отдельной формой глагола.

Форма настоящего-будущего времени обозначает действие, которое может происходить в момент речи, так и следовать за моментом речи. В зависимости от контекста, обстановки высказывания возможно определить границы и настоящего, и будущего времени. Так, форма на *-нā* может выражать действие, совершающееся в настоящее время, когда:

а) конкретное настоящее время ограничено моментом речи, например: *манē энд хуршн улс эрэн, еншн үнэтэр сэхан хур дарнā шү* 'в наших местах много исполнителей на хуре, а он действительно прекрасно играет на хуре'. Эту фразу мы слышали и зафиксировали у хорчин хошуна левого крыла, когда перед собравшимися демонстрировал свое мастерство известный во всем Джеримском аймаке исполнитель на народном инструменте и вещь;

б) расширенное настоящее время ограничено действием обычным, свойственным тому или иному лицу или предмету, но которое не совпадает с моментом речи, например: *бид ерт босвол үнэгэн сәнā, сүгэн ёдүлд ёрмөн ас* 'встав рано, мы доим коров; когда скиснет молоко, собираем с него пенки'.

Расширенное настоящее время может указывать и на действие постоянное. В этом значении характерно его употребление в фольклоре, например, в поговорках и пословицах: *үр биге джовон, үл мөр джовон, ута нүд джовон* 'гнев мучает тело, горы — коня, дым — глаза'; *мү санā биге орон, сэн санā тал төрөн* 'дурные помыслы себе во вред (букв. тело опутывают), добрые — собирают в круг друзей'.

В разграничении значений настоящего и будущего времени особая роль принадлежит контексту, лексическому значению глаголов, например: *би Хи хотод ирэд, удан болшил шү, шамдү гертэн хэрнā дā, хүмн мекэл хлэд сүх илā* 'я давно в Хухэ-Хото. Поеду скорее домой. Мой сынок наверняка ждет не дождется меня'.

Употребление в предложении слов с временным значением может также свидетельствовать о том, что действие, выраженное данной формой глагола, относится к будущему, например: *бид магатар хин хоронд ошно* 'завтра мы пойдем в кинотеатр'; *би мүнē орб гертэн јавнā* 'я сегодня вечером поеду домой'.

В хорчинском говоре весьма распространена форма на *-джәнā*, которая состоит из суффикса соединительного деепричастия *-дж* и основы глагола 'быть, находиться' в форме настоящего времени. При присоединении к форме на *-дж* глагол бытия *бē-* теряет начальный согласный.

Форма на *-джәнā* отличается тем, что она указывает и на способ протекания действия, иначе на действие длительное, незавершенное, например: *еншн өрн атан телджен* 'она рассказывает о своем брате'; *Бадма ус аад ирэд товшос үлджәнā* 'Бадма принесла воды и стирает белье'; *шнн мөчөд телсенд тер ил бајалджен* 'она очень радуется тому, что ты так сказал'. Примечательно то, что в речи монголов — носителей восточного диалекта сочетание соединительного деепричастия с глаголом *бәнā* употребляют

ся только в сравненной форме, из аналитической формы оно превращается в синтетическую.

Формы прошедшего времени обозначают действие, предшествующее моменту речи. Они выражают завершенность, результативность действия. Сложным представляется определение критериев, позволяющих строго разграничить значение и употребление в говоре каждой из трех форм прошедшего времени.

1) Форма на *-в* (*-аā*, *-ба*) по сравнению с остальными формами менее употребительна. Она может использоваться в нескольких значениях: выражать действие недавнопрошедшее, закончившееся к моменту речи, или действие давнопрошедшее, завершившееся в прошлом. В разговорной речи эта форма чаще встречается при вопросе, например: *ногд хулā, ју болов дō?* 'залайла собака, что могло случиться?'; *шї тєрā хадвū?* 'ты хлеб убирал?'; *тєр тєрдж јірā?* 'вернулся ли он (домой)?'; *ахшн мал тєрўлвū?* 'брат твой скот пас?'. .

2. Форма на *-лā* в говоре встречается чаще, чем форма на *-в*, и употребляется для выражения действия недавнопрошедшего времени, действия, совершившегося в прошлом с длительным оттенком, или же действия давнопрошедшего времени. Эта форма глагола может употребляться и в значении другого времени, когда действие еще не осуществилось, но говорящий мыслит его результативным, например: *тā сū дā, одд бї гєртєн тєрлā* 'вы оставайтесь, я сейчас пойду домой (букв. пошел)'. .

3. Форма на *-джē* (*-дж*) является наиболее распространенной из всех трех форм прошедшего времени. Она обозначает любое действие прошлого без подчеркнуто выражаемых оттенков непредвиденности действия.

Модальный оттенок неожиданности, с выражением которого связывают в монголистике данную форму, замечен в повествованиях (сказках, легендах и т.д.), где события и действия героев представляются загадочными, неожиданными, например: *хогшн ємєн уджн тєлє нєг хулнє үр бїджє* 'когда старуха разглядела — это было семя волшебной тывквы горлянки'. .

Характерно в говоре соотношение употребительности трех форм. В наших записях в речи информанта, принадлежащего к старшему поколению хорчин, доминирует форма на *-джē*, тогда как в речи информанта, принадлежащего к среднему поколению, чаще встречается форма на *-лā* или же аналитическая конструкция с деепричастием и глаголом *тє-* 'говорить, сказать' в одной из изъявительных форм.

В своем выборе информанты могли отдать предпочтение той или другой форме глагола, однако заметна неопределенность их употребления, обусловленная известной близостью значений этих форм. Следует подчеркнуть, что лишь дополнительное изучение с привлечением широкого контекста даст возможность выяснить значение временных глагольных форм не только в хорчинском говоре, но и во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии.

В хорчинском, как и во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии, нет «спряжения» по лицам предикативно употребляемых слов, т.е. в нем отсутствуют специальные лично-предикативные частицы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, которые характерны, например, для бурятского, дагурского и калмыцкого языков. В хорчинском лю-

бая из изывательных форм может относиться к любому из трех лиц обоих родов и указывать на время совершения того или другого действия.

Словообразование. Ниже приводится перечень зафиксированных в говорах словообразовательных суффиксов:

-*да*: *тешүрда* - 'бить плетью, кнутом' (*тешүр* 'плеть, кнут'); *талда* - 'сглатывать' (*тал* 'огонь'); *ховордо* - 'становиться редким' (*ховор* 'редкий, скудный');

-*джи*: *бајаджи* - 'разбогатеть' (*бајан* 'богатый'); *малджи* - 'обзаводить скотом' (*мал* 'скот'); *амарджи* - 'успокаиваться' (*амар* 'спокойный');

-*джир*: *сәдджир* - 'улучшаться, повышаться в качестве' (*сәи* 'хороший'); *мүдджир* - 'ухудшаться' (*мү* 'плохой');

-*ла*: *таджәрла* - 'надевать узду' (*таджәр* 'узда'); *ирле* - 'точить, править' (*ир* 'лезвие, острие'); *зорло* - 'травить ядом' (*зор* 'яд');

-*ра*: *јадүра* - 'беднеть, нищать' (*јадү* 'бедный, неимущий'); *хошгре* - 'старый' (*хош* 'старый');

-*рха*: *атәрха* - 'завидовать' (*атә*(н) 'зависть'); *еджирхе* - 'господствовать, властвовать' (*еджн* 'хозяин');

-*ша*: *бурүша* - 'осуждать, порицать' (*бурү* 'ошибка, вина'); *джовшә* - 'одобрять, соглашаться' (*джов* 'правота'); *сәиша* - 'одобрять, хвалить' (*сәи* 'добро, благо');

-*ши*: *нутаиши* - 'осваиваться, привыкать к новому местожительству' (*нү* 'родное место, кочевье'); *алдарши* - 'прославляться' (*алдар* 'слава'); *уриши* - 'вдохновляться' (*урам* 'подъем настроения, вдохновение');

-*шил*: *үршил* - 'усыновлять, удочерять' (*үр* 'дитя, ребенок'); *дүшил* - 'быть почтительным к старшим' (*дү* 'младший'); *хүшил* - 'усыновить' (*хү* 'сын, младший');

Причастие

В соответствии с временной соотносительностью причастия подразделяются на несколько форм: причастие на *-а* (настоящего времени), причастие на *-а* (будущего времени), причастие на *-сан* (прошедшего времени), а также причастие на *-иша* (однократное) и на *-даг* (многократное).

Причастие на *-а* выражает действие настоящего времени и видовой оттенок продолжительности действия, например: *атшн хестә бән* 'твой брат продолжает лежать'; *одбш үлә идә бән?* 'до сих пор он ест и пьет?'. В разговорной речи хорчин причастие на *-а* встречается сравнительно редко.

Причастие на *-х* выражает действие, которое должно совершиться в будущем. В предикативном употреблении оно обычно сопровождается как вспомогательным глаголом, так и связкой, например: *би ене шн моқолі сурах асна* 'мне бы научиться писать на этом новом монгольском письме';

Причастие будущего времени с глаголом *бол* - 'становиться', а также с словами *јостә* и *ушрә* обладает модальным оттенком долженствования, например: *теңд хүрген јастәр јаваз болджә* 'таким образом, жених должен идти пешком'; *мнә хү үдеш јлрех јостә* 'мой сын должен вернуться вечером'; *би енә багшәс сурах (асүх) ушрә* 'об этом я должен спросить у учителя';

Чаще всего причастие на -х употребляется в функции определения. В этом случае причастие указывает на действие, которое должно совершиться в будущем, или на назначение какого-нибудь предмета, например: *малх иди олдж кхл улс* 'люди, которые должны кочевать в поисках лучших пастбищных угодий'; *ене минт хонот тер* 'это дом, в котором я заночую'; *укал мър* 'верховая лошадь'; *омилх ном* 'книга для чтения'.

Причастие на -сан выражает действие, предшествующее моменту речи. В хорчинском говоре причастие прошедшего времени в роли сказуемого употребляется в основном со связками, например: *менгт ошхот тер тердндан* *жавшт сан бѣджэ* 'когда я пришел, он, оказывается, уже ушел в поле'; *хотод храин малшд ирсен блѣ* 'в город прибыло много скотоводов'; *тер ил ертѣс дамү үсан илм* 'он рано стал курить табак'.

Часты случаи употребления причастий на -сан в качестве определения: *шнл сѣнсѣн геджѣсан хүн мѣм дѣр* 'таков человек, о котором ты говорил, что он прекрасен?'; *емел тохсон мър джохсодж бѣн* 'стоит оседланная лошадь'; *тернѣ телсен үгенд лѣдд херет бѣнү?* 'есть ли смысла надеяться на сказанное им?'; *манѣ енд ирсен хү илн хүл?* 'что за мальчик, который пришел к вам?'.

Причастие на -гша встречается в говорах редко. В них заметна тенденция превращения его в имя деятеля. Примеры, записанные нами у хорчин, только с этим значением: *тернл сурагша бѣн* 'он учащийся'; *минл хү ене джл сургалхн дже хирагша болл* 'мой сын в этом году стал директором школы'; *тер — манѣ удирдагша* 'он наш руководитель'.

Причастие многократное на -даг в роли сказуемого встречается редко. В материалах, записанных нами у хорчин, имеются примеры на -даг без связки, например: *терл хадүрär хаддаг (хаддга)* 'жнут хлеб серпом'; *манѣ ъл мал малдждаг* 'наши односельчане занимаются скотоводством'. Если форма на -даг употребляется со связкой *блѣ*, то доминирует оттенок многократности действия, а время уточняется следующим за ним глаголом-связкой, например: *тернѣ дү манѣд ирѣд шѣ үдаг блѣ* 'его младший брат бывал у нас и пил чай'; *олхмнл аджлн хән хүрѣд ирдег блѣ* 'моя дочь после работы прибегала ко мне'.

Наиболее характерным для говора является употребление причастия на -даг в качестве определения: *халдег үг* 'слова, которые обычно произносят'; *үдаг дамү* 'табак, который обычно курят', 'курительный табак'; *емсдег ховчис* 'одежда, которую обычно носят', 'носильные вещи'. Использование его в других функциях является более ограниченным.

В хорчинском говоре зафиксирована и форма на -мър, которую мы условно относим к причастиям. Форма на -мър обозначает процессное свойство предмета, которое должно проявляться в той или иной допустимой или необходимой степени, и обычно употребляется в определительной функции, например: *манѣд үджмър илм үгүг* 'у нас нет вещей, которыми можно любоваться'; *ене шнл үдж болмър шѣ* 'это чай, который можно пить'; *енешн герѣн санмър үдер* 'этот день таков, что заскукаешь по дому'.

Деепричастия не передают время непосредственно по отношению к моменту высказывания, они выражают его лишь по отношению ко времени действия, которое передается основным глаголом-сказуемым. Деепричастия значат действия зависимые, сопутствующие, воспринимаемые как одновременные или предшествующие, или последующие (предстоящие). Вследствие этого деепричастия не могут выступать в функции финитного глагольного сказуемого.

В соответствии с различающими их суффиксами и некоторыми относительными временными и модальными признаками по отношению к заключительному глагольному сказуемому деепричастия в хорчинском говоре можно классифицировать на следующие разряды: деепричастие на *-дж* (соединительное), деепричастие на *-н* (слитное), деепричастие на *-ад* (разделительное), деепричастие на *-сэр* (продолжительное), деепричастие на *-маш* и *-нэрдэ* (предварительное), деепричастие на *-лэ* (последовательное), деепричастие на *-маш* и *-нэрдэ* (предварительное), деепричастие на *-лэ* (последовательное), деепричастие на *-вал* (условное), деепричастие на *-ваш* и */эш* (уступительное), деепричастие на *-тар* и *хүг* (цели), деепричастие на *-тал* (предела). По традиции они делятся на сопутствующие (соединительное, слитное и разделительное) и на обстоятельственные (все остальные).

Деепричастие на *-дж* обозначает действие, протекающее одновременно с главным действием, выраженным глаголом-сказуемым, например: *хүгед нег негэн түлхелдедж, индлдедж герт сүв* 'дети сидели в доме смеясь и подталкивая друг друга'.

В зависимости от контекста соединительное деепричастие может обозначать сопутствующее действие, которое предшествует действию, выраженному основным глаголом-сказуемым: *тад биднэ энд ирдж шэ ү* 'приходит нам, попейте чаю'; *үд нэгдедж, хуралд оролсон улсүд орд ирвэ* 'дверь открылась, вошли участники собрания'; *ер үдер бүр үлкэс түлэ авдж, хот худалдадж эмдардж бэлэ* '[Тот] мужчина, ежедневно собирая топливо (дрова) на горе, продавал его в городе и этим жил'.

Соединительное деепричастие может употребляться и в удвоенном виде, придавая всему деепричастному сочетанию характер длительности, продолжительности действия, например: *гадэ үүдж үүдж ирвэ бү хүйтэн ус ү* 'не по холодной воды, когда, набегавшись, приходишь с улицы (букв. бегая бегая)'; *тер гадэ нэдадж нэдадж ирвэ бас нэдждэжэн* 'наигравшись и возвратясь домой, он снова играет (букв. играя играя)'.

Деепричастие на *-н* обозначает такое действие, которое поясняет конкретизирует значение совершающегося параллельно с ним основного действия, передаваемого глаголом-сказуемым: *итэн үлен инэн ахдэн хеледж* 'плача и смеясь, девочка рассказывает своему старшему брату'. Еще А. Боровников указывал, что слитное деепричастие употребляется «При действии одновременных, когда два глагола описывают одно и то же действие, то одним высказывается общее понятие, а другим — частное, так что значение одного глагола уже заключается в другом, или когда один глагол употребляется только (подобно качественным именам) для ограничения смысла

того /1, с. 314/. Слитное деепричастие употребляется чаще всего в функции обстоятельства, но индивидуальной особенностью слитного деепричастия на -и является то, что оно: 1) наиболее тесно связано с действием основного глагола-сказуемого и 2) реже остальных сопутствующих деепричастий употребляется в говоре.

Деепричастие на -ао обозначает зависимое действие, совершенное до наступления другого, главного действия, передаваемого глаголом-сказуемым. Иначе говоря, действия, передаваемые разделительными деепричастиями, если их несколько, совершаются последовательно — по окончании одного начинается другое, например: *тєгэйтэн хадаадж барад, гєртєн джэдж бэнэ* 'закончив убирать урожай, возят к себе домой'; *тєд тєрєд, джамэн алдаджэ* 'заблудившись, они потеряли дорогу'; *оэн ил болод, багш джалд, бгшн үджүлд өрдөм ном гэгш сүрлэб* 'девочка выросла, пригласили к ней учителя, стали ее учить грамоте, затем и обучать наукам'.

Известна и относительная свобода в их использовании, возможность замены одной формы деепричастия другой. Хотя сочетание разных форм деепричастий и подчеркивает большую выразительность передаваемых ими действий, но некоторая пестрота и неустойчивость сопутствующих деепричастий сохраняется.

Для монгольских говоров весьма показательным является участие сопутствующих деепричастий в различного рода оборотах и в образовании аналитических конструкций. Специфика значения делает их наиболее употребительными и распространенными. Так, сочетание «сопутствующее деепричастие плюс вспомогательный глагол» чаще всего употребляется в качестве сказуемого. В этом случае деепричастие указывает на конкретно передаваемое действие, тогда как вспомогательный или служебный глагол, грамматически оформляя глагольное сочетание-сказуемое, придает последнему видо-временные и модальные оттенки значения. Ср. значения и функции таких глаголов, как *бэ-* 'быть', *ире-* 'приходить', *јава-* 'идти, ехать' и др., которые известны во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии.

Что касается обстоятельственных деепричастий, то «они могут употребляться только в качестве обстоятельственных членов предложения, являясь обстоятельствами условия, цели, предела, образа действия, времени и т.п.» /3, с. 281—282/. Эти деепричастия отличает известная определенность и устойчивость как в семантическом, так и в синтаксическом плане.

Деепричастие на -сэр обозначает длительно протекающее действие, в процессе совершения которого происходит другое, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *мүр джэлон дүгэр мэлсэр хорон джатад хүрэл* 'кошка, продолжая нежно мяукать, добралась до края забора'; *тєр тєрдж тєрсэр гєртєн хєрджэ* 'он, пробуждаясь, вернулся домой'; *бг нар унтал мал хєрүл-сэр ил јадала* 'я очень устал, пася скот до захода солнца'.

Возможно употребление продолжительного деепричастия на -сэр при основном глаголе-сказуемом в значении, близком к значению предварительного деепричастия на -маш, например: *шг гєртєн хєрсэр нэд түргєн шмэ өгө* 'придешь домой, тотчас пришли мне восточку'; *шас өрсөр тєхєр хүтрєн* 'снег продолжал падать, становилось холодно'; *бг тєрү үссэр тєншгөжэ* 'как только его увидел, [тут же] узнал'.

зафиксированы случаи, когда деепричастие на -сър используется в функциях финитного сказуемого предложения, при этом оно оформляется дополнительным долгим гласным, например: *тă мундѣ сусару?* – *сусарă да* ‘вы продолжаете жить?’ – *Продолжаю жить*; *манѣ ах гертѣн унсард* ‘старший брат продолжает спать у себя дома’.

Предварительное деепричастие образуется посредством двух суффиксов – *-маш* и *-нарѣн* – и обозначает такое зависимое действие, после которого сразу же наступает другое. Первое и второе действия глаголов могут быть связаны между собой, как простой временной последовательностью, так и причинно-следственной зависимостью, например: *ѣдж тебтнѣрѣн унтă* ‘мать заснула, как только легла’; *орѣ болнѣрѣн (болмош) дең ношбѣжѣ* ‘как только наступил вечер, зажгли лампу’; *тер ѣднѣсѣн гариѣрѣн (гармаш) пундаджѣ* ‘как только он переступил порог дома, тут же выстрелил’; *борѣн оррѣн дулѣн болджѣ* ‘как только пошел дождь, стало теплее’; *уасѣн тѣнѣрѣн хѣрѣд ѣрдѣжѣ* ‘как только свезли сено, тут же вернулись домой’.

Информанты-носители говора ясно различали форму письменную, литературную и разговорную на *-нарѣн* и каждый раз замечали: *ѣрѣнѣ* ‘разговорно’. Ср. еще несколько примеров: *тер хѣбѣн хѣрнѣрѣн нѣдѣр ѣвѣджѣ* ‘как только загнал овец (в сарай), он пошел играть’; *тернѣ ѣднѣрѣн дунѣджѣ* ‘как только его увидел, он бросился бежать’; *шѣмѣ ѣвѣрѣн тер хѣрѣд ѣрдѣжѣ* ‘как только ты ушел, он пришел’.

В говоре форма на *-нарѣн* может иногда заменяться и другими, близкими по значению формами. Так, наряду с *бѣ тернѣ ѣднѣрѣн асѣджѣ* ‘как только увидел, я спросил у него’ возможны: *бѣ тернѣ ѣджсѣр* (*ѣджлѣ гесѣр, ѣджлѣ гесѣр, ѣджмеш*) *асѣджѣ*.

Образование и генезис формы на *-нарѣн* пока неясны.

Деепричастие на *-длѣ* обозначает такое действие, во время которого или в момент завершения которого происходит главное действие, передаваемое глаголом-сказуемым, например: *соңсолѣ абдар дотор бѣх болнѣ* ‘когда прислушался [к разговору], то понял, что [драгоценность должна находиться] в сундуке’; *мнѣн ѣрлѣ ендѣс нег мѣртѣ хун гариѣд ѣвѣбѣ* ‘когда приехал, отсюда выехал кто-то верхом’.

Форма на *-длѣ* нередко встречается с частицей возвратного притяжания, например: *шѣ ѣвѣхлѣгѣн ене мѣр унѣд ѣв* ‘когда поедешь, поезжай на этом коне’; *бѣден ѣблѣгѣн адлѣн мулѣ телелѣшѣ* ‘когда мы поедем, поговорим о работе’.

Деепричастие на *-вал* (*-бал*) обозначает зависимое действие, при условии наступления которого совершается другое, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *тер олсѣал хѣрѣн эмтнѣ бѣрдѣ ѣдѣ, ундѣсѣал нѣрѣн усѣ ѣдѣ хулѣлѣ* ‘она (собака) все ждала. Если хотелось есть, она лопкала степных зверюшек; если мучила жажда, шла к озеру’; *тер аджлѣн барбал ѣвѣ* ‘он поедет, если закончит свою работу’; *шѣ тѣрѣ тѣрѣал, бѣ мал хѣрѣлѣ* ‘если ты будешь сеять, я пойду пасти животных’.

Вариантом этого суффикса является разговорная форма на *-ул*, например: *шѣ мнѣ герт хѣрѣл хѣр дѣ* ‘если ты дойдешь до моего дома, то дойди’; *тер хотѣд сѣлѣл сѣл дѣ* ‘если он живет в городе, пусть живет’; *ене теңедѣ хѣлѣ хелѣ дѣ* ‘если он так говорит, пусть говорит’.

Условное деепричастие на *-аа* (*-баа*) может употребляться и с усиливающим его значение союзом *хөрөө* 'если', например: *шэ хөрөө хотбо нрвэл, минь эндэгээр нр* 'если ты вернешся из города, приезжай ко мне'; *хөрөө тер нрвэл, би баа нрнэ* 'если он придет, и я приду'.

Уступительное деепричастие в говоре существует в двух формах — *-ваа* (*-баа*) и *-јаа* — и обозначает такое действие, вопреки которому совершается другое действие, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *мүр бэх иаджг медсен болбош ааваз араа олсонгуэ* 'хотя кошка и узнала место, где находится драгоценность, но не придумала способа, как ее добыть'; *хелбеш мтм, хелэхигүэ болбош мтм нмэ* 'хоть и говори — останется таким, и не говори — то же самое'; *тер хөөш би жавазигүэ* 'хотя он и гонит, я не пойду'; *ус хедү үүдм ханазигүэ* 'сколько бы ни пил воды, не напьется'; *одо борбн орјдм тусигүэ* 'хотя сейчас и пойдет дождь, но от него пользы не будет'; *хелјдш метм, хелхүэ болјдм метм* 'хоть и скажешь, будет таким, и не скажешь, останется таким'.

Чисто разговорным вариантом является *-үш*, например: *хен хелүш тер соңсон* 'кто бы ни говорил, он прислушивается'; *мајаш шас оруш би јавна* 'хотя завтра и пойдет снег, я поеду'.

Деепричастие цели обозначает действие (цель), для осуществления которого совершается главное действие, выраженное основным глаголом-сказуемым. В хорчинском говоре оно образуется посредством двух суффиксов — *-хә(р)* и *-хүэ*. Примеры: *тер мврбн усалхә(р) јавна* 'он идет, чтобы напоить своего коня'; *бүд хојулам бада јүхүэ омнө* 'вдвоем идем, чтобы поесть пиши'; *бзм ус үхүэ јірджэ* 'девочка пришла, чтобы напиться воды'; *шэ хурбан жулән тосхө(р) гар* 'скорее выходи, чтобы встретить своих телат'.

Деепричастие предела на *-таа* обозначает такое действие, до наступления которого осуществляется другое действие или же является пределом этого главного действия, переданного основным глаголом-сказуемым, например: *хү унтатаа бүд энд сүја* 'пока мальчик заснет, мы посидимте-ка тут'; *шэ хурал болтол хурөд нр* 'ты приходи, пока не начнется собрание'; *тер атән үд болтол хүдлө* 'он ждал брата до полудня'; *манј јастал хатас шат бэн* 'до того пока мы поедем, остается еще полчаса времени'.

Иногда деепричастие на *-таа* принимает частицу возвратного притяжания: *би ене үдер јаттлән аджл хиджэ* 'я сегодня работал, пока не устал'; *шэ јастлән манхө сүджэ* 'пока поедешь, ты поживи у нас'.

О глаголе *а* 'быть'

Вспомогательный глагол *а* 'быть' в процессе развития монгольских языков утратил систему форм и почти исчез из этих языков (кроме СПМЯ, дагурского), оставив лишь кое-где реликтовые формы. Ср. в современном монгольском (халха) языке *ажээ* (глагол *а* в форме прошедшего времени на *-жээ*) и *-сан* (рефлекс причастия прошедшего времени *ајсан* от глагола *а* в виде суффикса).

В отличие от него в говорах языка монголов Внутренней Монголии под влиянием СПМЯ сохраняется несколько форм глагола бытия *а-*. В живой хорчин зафиксированы *асан* (*аснā*), *аджэ*, *алā* и *эддā* как устойчивые формы прошедшего времени:

а) *асан* (*аснā*) — причастие прошедшего времени глагола бытия *а-* с суффиксом *-сан*. Зафиксированы следующие примеры на употребление этой формы: *би нег сургад орох аснā* 'мне бы учиться в школе'; *мөр итвел би адунд аснā* 'когда приведут коня, я бы поехал за табуном'; *би шн мохол би нег аснā* 'мне бы овладеть новым монгольским письмом'. Употребляясь с причастием будущего времени на *-х*, *асан* выражает модальные оттенки действия, осуществление которого представляется для говорящего предположительным или желательным.

б) *аджэ* — форма прошедшего времени глагола *а-* с суффиксом *-джэ*: *аутандā лам аджэ* 'раньше он был ламой'; *тернī бхн сехан бхн аджэ* 'дочь была красивой девушкой'; *тер хун сэн джантэ хун аджэ* 'у того человека был хороший характер'. Примеры показывают, что *аджэ*, связка прошедшего времени, стоит после именной части составного сказуемого и относит действие в отдаленное прошлое. Эта форма глагола встречается также в современном монгольском (*ажээ*) и в бурятском (*ажа*) языках, а в калмыцком она не сохранилась;

в) *алā* — архаическая форма прошедшего времени глагола *а-* с суффиксом *-лā*. Ни в СПМЯ, ни в других монгольских языках такой формы нет. Эта форма глагола бытия *а-* удержалась в некоторых говорах восточного джунгарства. В хорчинском говоре она встретилась в примерах: *би тернэс энī асунē югедж телез алā?* 'что он ответит, если я спрошу у него об этом?'; *тернī м алā?* 'что бы это из себя представляло?'; *шī энī хдх шадат алā?* 'ты смог бы это сделать?';

г) *эддā* — по-видимому, это та же форма глагола *а-* в прошедшем времени (ср. СПМЯ *ајуу*, хорч. *аджэ*) с присоединенной к ней частицей *дā*, подвергшаяся фонетической трансформации и произносимая хорчинами слитно. По своей функции она не отличается от *аджэ*. Ср. следующие примеры: *еншм джмтэ хун эддā* 'он был образованным человеком'; *Бату хунē үгед баян хун эддā* 'Бату был человеком, который радовался (добрым) словам людей'. Присутствием частицы *дā* подчеркивается результативный характер состояния, выраженного этим сочетанием. Особенно это заметно, когда *эддā* стоит после слова *тīm* 'такой' при отрицании в первой части предложения, например: *тэнхүгэ јāt јīm, үл тīm эддā?* 'как это не узнает, [конечно, узнает], не так ли?';

Наречие

Наречия во всех говорах в основном те же, что и в СПМЯ. Их отличаются главным образом фонетический или лексико-семантический характер. Наречия по своему значению подразделяются на несколько разрядов. В хорчинском зарегистрированы следующие их разряды:

1) наречия, указывающие на место совершения или на направление действия предмета, например: *енд (менд)* 'здесь, тут' (*ш1 менд сѹджэ, б1 јрнѣ* 'ты посиди тут, я приду'); *тенд (метенд)* 'там' (*шн1 бѣн метенд бѣн* 'твоя дочь находится там'); *нѣшан* 'сюда, в этом направлении (сторону)' (*мѣ нѣшан харѣ дѣ* 'вы посмотрите сюда, в эту сторону') и др.;

2) наречия, указывающие на время совершения действия, например: *ерт (ерте)* 'рано' (*тер ерт унтѣд ерт боснѣ* 'он рано ложится спать и рано встает'); *орѣ* 'поздно' (*бѣден ене удер бѣтан орѣ бослѣ* 'мы сегодня встали немного поздно'); *мунѣ, одѣ* 'сейчас' (*шн1 ах мунѣ тѣ бѣ тѣм* 'где сейчас находится твой старший брат?'); *хѣрѣ* 'изредка' (*тер манѣ енд хѣрѣ јркен* 'он изредка приходит к нам') и др.;

3) наречия, указывающие на степень, интенсивность признака действия, например: *маш* 'весьма, очень' (*тернѣ мѣр маш хурдан тѣн* 'его конь бежит очень быстро').

По способу образования наречия неоднородны. Наиболее распространенным способом образования наречий является суффиксальный.

Этимологически наречия восходят к разным разрядам слов. В зависимости от этого они бывают и сложными, образованными из сочетаний нескольких компонентов, ср., например, *енд (менд)* и *тенд (метенд)*, застывшие в форме дательного-местного падежа (т.е. состоящие из древних основ *ен-*, *тен-* + *-д*).

Наречия, указывая на признак действия, выступают при глагольных и именных членах предложения в функции различного рода обстоятельств.

Служебные слова

Послелогои. Выполняя служебную функцию, послелогои управляют той или иной падежной формой именных разрядов слов и употребляются после того имени, к которому они относятся. В большинстве своем послелогои являются вторичными, восходящими к различным разрядам знаменательных слов. Собственно послелогов в говоре немного. К ним можно отнести, например, такие, как *полѣ* 'для, ради, за', *хѣрѣ* 'о, относительно', *мет* 'как, подобно, словно' и некоторые другие.

Основную массу послелогов составляют те, которые образовались на базе разных частей речи — в основном имен существительных, наречий и редко глаголов, которые, утрачивая лексическую и синтаксическую самостоятельность, употребляются в качестве послелогов. Однако значение послелогога не может быть реализовано вне связи с падежной формой имени. Значения послелогов выступают отчетливее, если они рассматриваются в сочетании с управляемыми ими именами.

В говоре зафиксированы послелогои, которые требуют постановки имен в родительном, исходном, совместном падежах, а также в форме основы.

Послелогои с основой имени:

дѣр имеет пространственное значение — местонахождение предмета на чем-либо (на поверхности чего-либо), например: *тер дѣр бѣ гарѣ* 'не залезай на крышу дома'; *ене штрѣ дѣр бѣсам јѣм хѣ бѣн* 'где та вещь, которая лежала на этом столе?';

дѡр указывает на местонахождение предмета под чем-либо, например: *у сєн дѡр тєстѣ* 'он лежал под сеном'. Хорчины произносят это слово так как зафиксировано в СПМЯ — *doora*, т.е. с долгим гласным;

домор употребляется в пространственном значении, но с оттенком на-
правленности действия внутрь чего-либо (в, внутри...) или с оттенком «ср-
в кругу», например: *йрсен улс гвр домор сүнэ* 'приехавшие сидят в доме';
энд йрсен улс домор Батү бас бэн 'среди прибывших есть и Батү';

мет употребляется при уподоблении со значением 'как, словно, подобно': *шас мет шайн* 'белый, словно снег'; *дала мет тун* 'глубокий, словно океан-море';

Эдал 'как, подобно, одинаково': *вджи эдал мал* 'животное наподобие осла'. Хорчинский говор показателен тем, что в нем послелог *эдал* управляет также и именем в дательном-местном падеже: *шамд эдал* 'подобно тем мывод эдал' 'подобно лошади':

түртел *до* указывает на предел распространения действия во времени в пространстве, например: *ш1 нхмх1 јус сар түртел түлө* *ты жди меня до сентября месяца*; *сар түртел эрәин гаджир бән* *до дома порядочное расстояние*.

Последоги с родительным падежом:

дѡр и *дотор* 'в, внутри' указывают на местоположение предмета, например: *карандашъ шрѣмъ дѡръ хестнѣ* 'твой карандаш лежит под столом'; *серѣмъ доторъ хемъ бѣмъ?* 'кто находится внутри дома?':

дунд "в. среди": *герлх дунд сунд* "сидит в центре юрты", но *олкэ дунд* "среди общества людей".

хōронд 'между'; *гирин хōронд* 'между домами'; *бада шамтин хōронд юдд*
лэн 'ест, не дожидаясь, пока сварится пища';

ард 'позади': мал улън ард идедж жаван 'скот пасется позади горы (за горой)':

оронд 'вместо': *ш1 м1н1 оронд ошōд /п/* 'ты поезжай вместо меня';

дара́ *после*: жернѣ дара́ і ара́ *ты выйди после него*; ус уснѣ дара́ дам
 уже *после того как попил воды, стал курить*:

тѣи *после*: неі сарїи тѣи... *после мѣсяца...*:

толо *за, ради, для: аротн толо темин *борется ради аратов; ех орн
толо хушн таран *отдает все силы за родину;

mytā 'о, насчет, относительно': *axīn mytā jerašav* 'говорили насчет старшего брата'. Здесь приведены наиболее употребительные послелоги, часто встречающиеся в разговорном языке.

Последологи с исходным падежом встречаются редко, нами зафиксировано лишь *урт* 'до, до того как': *нарна̄с урт босл̄* 'встал до восхода солнца': *бор̄ орх̄ос урт джавар тедд̄л̄* 'до того как идти дождю, поднялся ветер'.

Последологи с совместным падежом также редки. К ним относятся:

тамт "с, вместе": *мині ху нег хундэ тамт јрохэ* "мой сын приехал вместе с каким-то человеком"; *јер Алтансахтэ тамт јавлэ* "он уехал вместе с Алтансаном".

Эдал подобно: жер шамте эдал жадалте * он такой же сильный, как и ты*.

Союзы. В говоре представлено незначительное количество союзов, известных из СПМЯ. К ним относятся: *ба* 'и', *бәйәд* 'и, да', *болон* и *болбод* 'и', *мөртөн* 'а', 'хотя', которые используются в основном для связи однородных членов предложения. Примеры: *биден мал ба хойбн тегш өсгөн* 'мы одинаково разводим и крупный скот и овец'; *емел ба хаджаран нашан орул* 'внеси сюда седло и уздечку'; *мер хун джалу бәйәд шинтә* 'этот человек молодой и стеснительный'; *ага болон шанан дөшөн, ширәдөр тел* 'чашки и разливательную ложку положи наверх, на стол'; *ш и гертес малаг болбод белі эшир* 'ты принеси из дому шапку и рукавицы'; *дүмн бага мөртөн эжитә* 'мой младший брат молодой, а робкий'.

Следует отметить, что союзов в говоре мало, встречаются они в разговорной речи редко.

Частицы. В говоре встречаются достаточно часто и придают дополнительные модальные оттенки значениям отдельных слов, словосочетаний и предложений. Частицы делятся на следующие группы.

Вопросительные:

а) *Г* употребляется с изъявительными формами (в основном с глаголом настоящего-будущего времени на *-нә*): *ш і маган јавн?* 'едешь ли ты завтра?'; *мер шәган үджән?* 'пьет ли он чай?'; *әв бадаган јуджән?* 'ест ли отец свою пищу?'. Частица *Г* встречается также и при имени существительном: *ене тані үхр?* 'это ваш скот?';

б) *у* ставится после формы прошедшего времени: *аджә хоршон дәр ошджү?* 'ходил ли отец в кооператив?'; *мер ерт јавджү?* 'рано ли он уехал?'; *ш і маган јуджү?* 'ты поел мяса?';

в) *е, бі (бі), ба* встречаются с именами и причастиями: *мер хені мөров?* 'тот чей конь?'; *та хеді малтә бі?* 'сколько у вас скота?'; *мер дәс шині ба?* 'тот пояс твой?'; *та хеджә јрсен бі?* 'когда вы приехали?'. Как видно из примеров, все они стоят в конце слова, к которому относится вопрос.

Отрицательные:

1) препозитивные: а) *үл* употребляется в основном с формой причастия на *-а*: *үл бүтөх јимнә үгәр бү үл хі* 'не стоит принимать во внимание слова человека, который не выполнит обещание'; б) *ес* в говоре встречается редко, в основном перед формами причастий: *ес бүссенәр бү ашлә* 'из-за того что не исполнилось (замеченное), не расстраивайся'.

2) постпозитивные: а) *үгү (үгү)* встречается в основном с отдельными формами причастий и деепричастий: *мер херсангү* 'он не пошел домой'; *багш јавджү үгү* 'учитель не уехал'; б) *дә (< письм. монг. edül, dül 'еще не')* употребляется с формой причастия настоящего времени: *бі бас олдә* 'я тоже еще не нашел'; *мер серрдә* 'он еще не проснулся'.

Частицы запрета: *бү* — препозитивная частица, встречающаяся лишь при повелительно-желательных формах: *усанд бү орб* 'не входи в воду'; *ш і бү үр хурәо бә* 'ты не злился'.

Утвердительные:

а) *ә*: *ене ушр і тер л меден* 'причину этого именно он знает'; *ат шә сәм л үлә* 'брат вдоволь напился чаю';

- б) *шӯ: нозо хаджаш шӯ, бӯ гар хур* 'не трогай, укусит собака'; *тер сӯ минӣ дӯ шӯ* 'тот, сидевший, — мой младший брат';
 в) *дӯ: шӣ тӯрдан ҷавбс дӯ* 'ты скорее поезжай'; *та̄ тӯралд орбс дӯ* 'т пойдн на собрание'; *хӯ нег ӯа ден дӯ* 'мальчик ест дыню'; *маллн шашдн ӯбс дӯ* 'отгони подальше свой скот'.

Уступительные:

- а) *ш* ставится отдельно от слова: *енӣ бӣ ш шатхӯ* 'это и я не смог сделать'; б) *шай* (*шулӯ, шултә*): *хенӣ ӯгӣ шай сонсохӯ* 'хотя никого (бунных слов) и не слушает'. Этимология частиц *шулӯ, шултә* остается пока неясной.

Частица одобрения *джә*, например: *шӣ манӯд ошӯд минӣ ном ӯ ӯрә* — *джә, бӣ авӯд ӯрә* 'ты сходи к нам и принеси мою книгу. — Ладно, принесу'. В основном эта частица употребляется при ответе на просьбу о чем-либо.

Частица сомнения *ба̄*, например: *тер ӯртәс ӯрдж ӯвсан там ба̄* 'тот, который вышел из дома, ведь ваш брат'; *ене ӯдер шнҗн долбн ба̄* 'сегодняшний день не седьмое ли число месяца?'

Междометия служат для выражения чувств и побуждения. В говоре зафиксирована лишь группа междометий, передающих чувства:

а) *ә, ї* выражают чувство сожаления, досады, пренебрежения: *ә, хӯр хун!* 'о! несчастный человек!'; *ї, шӣ ӯ ш хӯж шадатхӯ* 'эх, ты ничего умеешь делать';

б) *әш* (*дә*) выражает чувство сожаления: *әш, та̄ ӯамар амар ӯгӯ* *хун!* 'ай! какой вы беспокойный человек!';

в) *пӯ* выражает чувство отвращения: *пӯ, ӯамар мӯхә ӯнер ӯм* 'фу, как отвратительный запах';

г) *ӯә, ӯә* — *ӯах* выражают чувство сильной боли: *ӯә, ӯармн тәв, әвәдә* 'ой! выпусти руку, больно!';

д) *ї-ї* выражает чувство удивления, восхищения: *ї-ї, ӯдждә әг!* 'о! посмотри-ка!';

е) *ш-ш* выражает чувство неприятного ощущения холода: *ш-ш, ене ӯдер ӯамар хӯтен ӯдер ӯм* 'брр, какой сегодня холодный день'. Все перечисленные междометия являются непроизводными.

ДЖАСАГТУСКИЙ ПОДГОВОР

Хошун входил в состав Худунбуирского и Джеримского аймаков. Речители хошуна Джасагту-ван сохраняют некоторые отличия, обусловленные территориальным положением, что позволяет выделить его в качестве отдельного подговора.

Особенности фонетики. Гласный *ә* СПМЯ в джасагтуском подговоре читается в виде более узкого огубленного гласного *ү*⁶:

⁶ Речь племен хорчин, джарут и горлос в основном одинакова. Состав гласных и согласных звуков в них также одинаков, но в произношении каждого из них заметны некоторые отклонения.

	Дархан	Джасагту	Джарут	Горлос
<i>öndür</i> 'высокий'	үндер	үндер	үндер	үндер
<i>ölügel</i> 'люлька'	үлгі	үлгі	үлгі	үлгі
<i>dörüge</i> 'стрема'	дүрө	дүрө	дүрө	дүрө

Однако в зависимости от произношения носителей того или другого говора гласный *ö* может реализоваться и как *o*, и как *y*. Ср., например: *tönggür* 'серебро', дархан *мүң(ен)*, джасагту *мөң(ен)*, джарут *мүң(ен)*, горлос *мөң(ен)*.

Благодаря влиянию аффрикат *ʃ* и *ʒ* гласный *e* первого слога слова в хорчинском говоре в целом (т.е. в говоре и подговоре) имеет тенденцию перехода в более узкий гласный *i*, например:

	Джасагту	Джарут	Горлос
<i>ʃabseg</i> 'оружие'	джлэсег	джлэсег	джлэсег
<i>ʒeʒen</i> 'мудрый'	шлшн	шлшн	шлшн

В небольшом количестве слов старописьменному монгольскому *u* соответствует в говоре гласный *o*. Аналогичное наблюдается и в речи джарут и горлос, например:

	Хорчин	Джарут	Горлос
<i>buda-</i> 'красить'	бодо-	бодо-	бодо-
<i>mongqay</i> 'невсест- венный'	моңхот	моңхот	моңхот

В отличие от них в джасагтуском подговоре старописьменный монгольский *u* сохраняется. Подобное заметно и в речи горлос, например:

	Джасагту	Горлос
<i>bulay</i> 'родник'	булай	булай
<i>subud</i> 'жемчуг'	сууд	сууд

В хорчинском говоре и джасагтуском подговоре не имеет места перелом гласного *i* в следующих словах:

Хорчин (дархан), Джасагту

<i>klʲayalang</i>	'четырёхгодовалый' (о животных)	хиджйлан
<i>bltegü</i>	'канун Нового года'	блгү
<i>bllegü</i>	'точильный камень'	блгү
<i>stregün</i>	'грубый'	шлрүн
<i>klʲyasun</i>	'волос (конский)'	хлгас(ан)

В речи горлос вместо хорчинского *шлдж* 'клевш (накожный)' произносят *шлдж*.

Замечается переход СПМЯ *ʃ* или *ʒ* перед согласными *t*, *ʃ* и *s* (*ʃ*) в хорчинском говоре и джасагтуском подговоре в спирант *x*. Примеры:

	Хорчин	Горлос
<i>mayta-</i>	'хвалить'	матта-
<i>aysum</i>	'буйство'	атсам

Однако иногда и в самом хорчинском, и в речи горлос γ или g остаются без изменения:

$\gamma o\gamma so\gamma a-$	'прекращать'	$джохсб-$	$джохсб-$
$\gamma i\gamma si-$	'испытывать'	$джигиш-$	$джигиш-$
	отвращение'		

В джасагтуском подговоре известны чередования:

- а) вместо аффрикаты γ в нем употребляется иногда взрывной согласный θ , например: $deg\theta\gamma ile-$ 'привесить', в джасагту $\theta\gamma dle-$, в горлос — $\theta\gamma d\gamma le-$;
 б) в небольшом количестве слов вместо n встречается l :

		Джасагту	Горлос
$nab\theta l$	'листья'	$лэвш$	$лэвш$
$nabte$	'сквозь'	$лэст$	$лэст$

в) несколько изолированным представляется чередование в хорчин и джасагту согласных n/j :

		Хорчин (дархан)	Джасагту
$inlyed\bar{u}n$	'смех'	$иньед(ен), i\bar{j}ed(ен)$	$иньед(ен), i\bar{j}en\bar{y}$
$sonin$	'новость, весть'	$сөнн, сөjn$	$сөнн, сөjn$
$\bar{u}n\bar{u}r$	'запах'	$үнер, үјер$	$үнер, үјер$

Слово $i\bar{j}en\bar{y}$ 'смех' кроме джасагтуского подговора зафиксировано еще в речи горлос.

В небольшом количестве слов наряду с образованием долгого гласного сохраняется интервокальный согласный, например:

		Хорчин (дархан)	Джасагту
$slg\bar{u}derl$	'роса'	$с҃г҃дер$	$с҃г҃дер$
$boyumta$	'преграда'	$богдмт$	$бдмт$
$baray\bar{a}n$	'скарб'	$баргән$	$баргән$
$a\gamma al\bar{y}$	'паук'	$агәлдж$	$агәлдж$

За пределами хорчинских хошунов харчины и туметы Джостуского аймака произносятся слово «паук» как $агәлдж$, монголы хошуна Джалайт — в форме $агәлдж$. Дурбеты и горлосы отличаются несколько особым произношением его как $агәлдж$.

Соответствие СПМЯ аффрикаты θ в позиции перед i и остальными гласными джасагтускому спиранту $ш$ сближает последний с хорчинским говором. Эта характерная черта присуща также речи джарут и горлос.

$\theta il\bar{u}ge$	'свободное время'	$шөлө$	$шөлө$	$шөлө$
$\theta is\bar{u}n$	'кровь'	$шус(ан)$	$шус(ан)$	$шус(ан)$
θog	'горящий уголь'	$шог$	$шог$	$шог$
$\theta ar\bar{c}a-$	'охлаждаться'	$шарша-$	$шарша-$	$шарша-$

Мы уже отмечали, что широкое употребление спиранта $ш$ служит известным критерием для выделения хорчинского говора среди всех остальных говоров и диалектов. В настоящее время представляется возможность точно установить границы распространения спиранта $ш$. Помимо хорчин к θ -говору

близки джасагтуский и джалайт-дурбетский подговоры и речь племен джарут, северных и южных горлос.

Особенности морфологии. Характерной чертой склонения в джасагтуском подговоре является наличие направительного падежа. Образуется прибавлением к основе имени суффикса *-джү*, восходящего к послелогу *джүг* (имени со значением «сторона, направление»). Если в речи хорчин (дархан) *джүг* встречается в полной форме (например, *шĭ ѱлан джүг үджĕ* «ты посмотри на гору») и отдельно от слова, то в джасагтуском подговоре он, приобретая долготу, пишется слитно, как любой падежный суффикс, например: *манĭ мѳрĭд усанджү ĭрлĕ* «наши кони пришли к водопою»; *тер нох наоджү ĭрлĕ* «та собака приближала ко мне»; *минĭ ахĭ хѳн худаджү ĭавлĕ* «овцы моего брата направились к колодцу».

Послелог *урү* употребляется так же, как и в хорчин, например: *тер мѳртĕ хүн Эл урү ордж ĭрджĕ* «тот всадник въехал в селение». Здесь *урү* сохраняет свое послеложное значение. То же самое и в джарутской речи: *хад урү унлĕ* «упал с горы»; *гер урү орлĕ* «вошел в дом».

В отличие от говора в джасагтуском подговоре сохраняются две формы порядкового числительного. Помимо единого для говора и подговора суффикса *-дугар* (например, *гурав* «три» — *гуравдугар* «третий») в джасагтуском подговоре имеется суффикс *-дахи*, который по типу порядковых числительных в бурятском языке пишется слитно. Примеры:

Хорчин (дархан)		Джасагту
<i>негдугар</i>	«первый»	<i>негдугар, негдahi</i>
<i>дүревдугар</i>	«четвертый»	<i>дүревдугар, дүревахи</i>
<i>тавдугар</i>	«пятый»	<i>тавдугар, тавдахи</i>

В речи джарут и горлос суффикс *-дахи* не зафиксирован, как джаруты, так и горлосы используют суффикс *-дугар*: *гушдугар* «тридцатый», *ĭсдугар* «девяťтый» (джарут) и *тавдугар* «пятый», *долѳдугар* «сѳдьмой» (горлос).

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *бĭ* «я», *шĭ* «ты» также сохраняют супплетивные основы косвенных падежей. Ср. следующую парадигму:

1-е л. ед.ч.	Джасагту	Джарут	Горлос
Им.	<i>бĭ</i>	<i>бĭ</i>	<i>бĭ</i>
Род.	<i>минĭ</i>	<i>минĭ</i>	<i>минĭ</i>
Дат.-местн.	<i>наѳ</i>	<i>наѳ, намѳ</i>	<i>наѳ</i>
Вин.	<i>менĕ</i>	<i>менĕ</i>	<i>менĕ</i>
Исх.	<i>наѳас, надас</i>	<i>наѳас, намас</i>	<i>наѳас</i>
Орудн.	<i>надар</i>	<i>надар</i>	<i>надар</i>
Совм.	<i>наѳтĕ</i>	<i>наѳтĕ</i>	<i>наѳтĕ</i>

2-е л. ед.ч.	Джасагту	Джарут	Горлос
Им.	<i>шĭ</i>	<i>шĭ</i>	<i>шĭ</i>
Род.	<i>шинĭ</i>	<i>шинĭ</i>	<i>шинĭ</i>
Дат.-местн.	<i>шамѳ</i>	<i>шамѳ, шамѳ</i>	<i>шамѳ, шемсѳ</i>
Вин.	<i>шемсĕ(г)</i>	<i>шемсĕ</i>	<i>шемсĕ</i>

Исх.	шамас	шэмтас	шэмтас
Орудн.	шамар	шамар, шамар	шэмтар
Совм.	шамтэ	шамтэ, шамтэ	шэмтэ

Местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа не имеют отличий внутри говора, хорчины, жаруты и горлос произносят их одинаково.

Система глагола в джасагтуском подговоре та же, что и в хорчинском говоре. Существенных различий ни в образовании, ни в значении и употреблении их не наблюдается.

Здесь мы обращаем внимание лишь на те немногие черты, которые не были учтены при общей характеристике хорчинского говора. Эти же особенности типичны и для джасагтуского подговора.

В хорчинском говоре и подговоре джасагту, а также в речи жарут встречается суффикс *-тай* (*-тайа*), образование и значение которого пока не ясны. См. примеры: *ш'ене эджлэ хитетэ* 'сделать бы тебе эту работу'; *ш'тертэ нег сугтай* 'посидеть бы тебе немного дома' (джасагту); *бид тэраган үджэ-тегэ* 'посмотреть бы нам свои посевы'; *бид эшресан бадаган идджигай-тайа* 'покушать бы нам принесенную пищу' (жарут).

В говоре и подговоре, а также в речи жарут употребляется глагольная форма *-лаиγэ*, состоящая из *-лаи* и отрицания *γэ*. Семантика *-лаи* не совсем ясна. Может быть, *-лаи*, присоединяемый к основе глагола, представляет собой суффикс, образующий отглагольное имя с отвлеченным значением типа «делание», «хождение», «говорение». В джасагтуском подговоре зафиксированы примеры: *ш'тэ жаллаиγэ* 'ты не ходи'; *та мброн олоиγэ* 'вы не отдавайте своего коня'; *ш'м бол ш'тэ хлэиγэ* 'если так, ты не делай'.

Во всех говорах и диалектах известна глагольная форма на *-л* + отрицание *γэ*, например: *ен'тэ хлэл γиγэ болхγэ* 'не сказать об этом нельзя'; *тер туншн х'л γиγэ жашиджэ* 'оказывается, он уехал, не закончив работу'.

Однако между указанными выше двумя формами есть и отличие. Записанные в говоре примеры говорят о том, что глагол с *-лаиγэ* замыкает предложение, за ним не следует другое слово или частица.

Обратим внимание на еще одно глагольное образование. Здесь речь идет о группе глаголов с суффиксом *-сигэ* (несамостоятельная форма на *-с* + *игэ* 'говорить' или *х'л* 'делать').

В подговоре и хорчинском говоре зафиксировано несколько примеров на глаголы движения и состояния с суффиксом *-сигэ*. Присоединяясь к основе подобных глаголов, суффикс *-сигэ* несколько видоизменяет лексическое значение исходной основы, ср.: *тер эрх'тэ халул* 'подогрей то вино' — *тер эрх'тэ халул-сигэ* 'немножко подогрей то вино'; *ш' амрā* 'ты отдохни' — *ш' амрасигэ* 'ты немножко отдохни'; *та энд хулэ* 'вы подождите здесь' — *та энд хулэсигэ* 'вы немножко подождите здесь'; *ш' ураишан жав* 'ты пройди вперед' — *ш' ураишан жав-сигэ* 'ты немножко пройди вперед'. Эти соотносительные пары глаголов передают разные действия. В данном случае суффикс *-сигэ* привносит в глагольную основу значение кратковременности, ограниченности действия. Это своеобразное недолго длящегося действия, протекания его в ограниченных пределах лишний раз подчеркивается в хорчинском постановкой перед глаголом на

таких поясняющих слов, как *нег бага* 'немного, немножко', например: *шэтан нег бага талулсид авад ир* 'немного подогрей чай и носи его сюда'.

Мы уже отмечали, что типичным для разговорной речи является наличие предварительного деепричастия на *-нэрэн*, которое встречается во всех говорах и подговорах восточного диалекта.

В говоре и джасагтуском подговоре часто глаголы с суффиксом *-нэрэн* могут быть заменены:

а) глаголами на *-сэр* (продолжительное деепричастие): *би тер хүнᠤ үссэр тэнджэ* (*би тер хүнᠤ үджнэрэн тэнджэ*) 'как только увидел того человека, я (тут же) узнал его';

б) глаголом в прошедшем времени с последующим за ним глаголом *гэ-* (в переносном значении 'полагать, решить') в форме продолжительного деепричастия: *бид хеллэ гесэр медджнджэ* (*бид хелнэрэн медджнджэ*) 'как только мы сказали, нас поняли'; *шэ ирөө гесэр бид яван* (*шэ ирнэрэн бид яван*) 'как только ты придешь, мы пойдем'.

При втором варианте характерно то, что вспомогательный глагол *гэ-* может быть опущен, ср.: *-ендес нутаг хүрмел хол?* 'далеко ли отсюда до ко-чевий?'; *хол үгүэ, мүн дөр гарла* (вместо ожидаемого *гарнэрэн, гарла гесэр*) *хүршгөн* 'нет, недалеко. Как только спуститесь вниз, считайте, что вы уже добрались'; *минэ аз эрх дэжүэ, нег бага үвэ* (вместо ожидаемого *үнэрэн, үвэ гесэр*) *созжон* 'мой брат не выносит алкоголя, как только немного выпьет, становится пьяным'.

ДЖАЛАЙТ-ДУРБЕТСКИЙ ПОДГОВОР

Носители джалайт-дурбетского подговора живут в разных местах: джалайты — на территории Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия, а дурбеты — в провинции Хэйлунцзян, за пределами Внутренней Монголии.

Джалайты составляют население одного хошуна под наименованием Джалайт. Хошун граничит на севере с солонами Хулунбуирского аймака, на востоке — с дурбетами, на юге — с горлосами провинции Хэйлунцзян, а на западе — с хорчиннами. Джалайты много веков живут рядом с хорчиннами западного крыла (Туше-гун, Джасагту-ван).

Дурбеты также составляют один хошун, граничащий на севере, востоке и юге с провинцией Хэйлунцзян, а на западе — с джалайтами Хулунбуирского аймака.

Особенности вокализма и консонантизма. Состав гласных звуков джалайт-дурбетского подговора не отличается от хорчинского говора. В нем гласные первого слога *a* и *o* благодаря влиянию гласного *i* второго слога развились в гласные переднего ряда *э* и *ё*. Примеры: *taklya* 'курица', *alētyr* 'платок', *qoni* 'овца', *ʃori* 'стремиться' — джал.-дурб. *тэxā*, *эшүр*, *хөн*, *ожпр*.

Если дифтонги *ai* или *oi* СПМЯ в конце слова отражаются в джалайт-дурбетском говоре как долгие *э̄* или *ё̄*, то гласными первого слога стано-

вается соотношением краткие гласные ε или \bar{o} , например: *dalai* 'океан', *dalai* 'лицо', *orol* 'поздно', *qormal* 'подол' — джал.-дурб. *делэ*, *шэрэ*, *өрө*, *хөрмэ*.

Характерная для всего хорчинского говора фонетическая особенность — развитие аффрикаты \check{c} (как перед гласной *i*, так и перед остальными гласными) в спигант *ш* — является общей и для джалайт-дурбетского подговора. Джалайты и дурбеты на месте старописьменной монгольской аффрикаты \check{c} и спиганта *s* произносят лишь один спигант *ш*, что сближает их речь с речью хорчин. Примеры: *qayuc'in* 'старый', *šisun* 'кровь', *tenčö-* 'бороться', *bičö-* 'возвращать', *lavči* 'листья' — джал.-дурб. *хүшн*, *шүт(ан)*, *тежшэ*-, *буша*-, *лэвш*.

Одной из типичных черт подговора является отсутствие в составе согласных звуков переднеязычного согласного — спиганта *s*, известного во всех остальных говорах Внутренней Монголии, а также и во всех других монгольских языках.

Употребление вместо него взрывного *т* придает речи джалайт-дурбет исключительное своеобразие, выделяя в этом отношении джалайт и дурбет среди всех остальных монголов.

Обилие слов со взрывным *т* становится четко различимым признаком, определяющим подговор в целом. Остается, однако, неясным, был ли он с самого начала *t*-подговором, или это результат более позднего развития, когда *s* был заменен на *т*.

Хорчин	Джалайт-дурбет
<i>сар</i> 'луна, месяц'	<i>тар</i>
<i>сургаз</i> 'школа, учеба'	<i>тургаз</i>
<i>шас(ан)</i> 'снег'	<i>шаш(ан)</i>
<i>соитү</i> 'пьяный'	<i>тоитү</i>
<i>асулт</i> 'вопрос'	<i>атүлт</i>
<i>солто</i> 'левша'	<i>толтó</i>
<i>джохсо-</i> 'стоять'	<i>джохто-</i>
<i>джатас(ан)</i> 'рыба'	<i>джатат(ан)</i>
<i>солл-</i> 'менять'	<i>толл-</i>
<i>соңсо-</i> 'слышать'	<i>тоңто-</i>
<i>босо-</i> 'вставать'	<i>бото-</i>
<i>тусла-</i> 'помогать'	<i>тутла-</i>

Имеется лишь несколько слов, где вместо ожидаемого *т* встречается *д* (в конечной позиции), например:

	Хорчин	Джалайт-дурбет
<i>yas, ns</i> 'медь, медный'	<i>джис</i>	<i>джид</i>
<i>bös</i> 'ткань, материя'	<i>бүс</i>	<i>бүд</i>
<i>gerlyes</i> 'завет, завешание'	<i>герёд</i>	<i>терёд</i>
<i>qubčasun</i> 'одежда, платье'	<i>хөвтос(он)</i>	<i>хувшад</i>

Из аффрикат известна только *дж*. Старописьменная монгольская аффриката \check{c} как перед гласной *i*, так и перед остальными гласными остается в подговоре без изменения, т.е. сохраняет свой шипящий характер. Примеры:

yoba- 'мучиться'; *qaŋaŋa* 'уздечка'; *ŋŋuŋaŋ* 'шесть'; *ŋūšūm* 'ломоть, кусок'; *ayalŋ* 'паук'; *ŋŋuŋa* 'иноходь' — джал.-дурб. *ожово-*, *хѳджѳр*, *джурѳа(н)*, *джѳтем*, *атгалдж*, *джѳрѳ*.

Особенности морфологии. Множественное число образуется так же, как в хорчинском говоре, используются те же суффиксы. Следует лишь отметить, что в подговоре суффикс *-m* не имеет самостоятельного употребления, он выступает вместе с другим, в удвоенном виде как *-mūm*, например: *noŋm* 'нойон, князь' — *notūm*; *em* 'женщина' — *emūm*. Ср. во фразах: *terŋm ŋŋtūm datād jastīm*? 'последовал ли он за взрослыми?'; *šulardž bātan erŋūšm ŋŋtīm* 'куда делись мужчины, которые стояли группой?'.
 **мѳмѳ*.

В результате определенных фонетических явлений некоторые падежные формы в подговоре принимают своеобразный облик. Винительный падеж не имеет суффикса *-i*, в нем могут встречаться или *ī*, или *-iī*; первый вариант присоединяется к основам имен, оканчивающихся на все согласные, а второй — к основам на долгие гласные: *mōd*, *mod(om)* 'дерево' — *mōdī*, *modī*; *ter* 'дом' — *terī*; *utāt(an)* 'нитка' — *utātī*; *ōŋ* 'младший брат' — *ōŋī*; *šulūm* 'камень' — *šulūī*.

Исходный падеж в джалайт-дурбетском образуется суффиксом *-āt*, соответствующим хорчинскому *-āo*: *šai* 'время' — *šaiāt*; *gol* 'река' — *golmāt*; *ter* 'дом' — *terēt* (*бѳд ене голмѳт ут аван* 'мы берем воду из этой речки'; *terŋm emēt oŋaltan em* 'то — лекарство, прописанное врачом'; *šatāt šaiān ŋm*? 'разве это белее снега?'; *deŋmēt bātan golō tū* 'сядь подальше от лампы').

В джалайт-дурбетском зафиксирован суффикс направительного падежа *-džū*. Он имеется в речи носителей джасагтуского подговора, территориально наиболее близкого к джалайтам. Примеры: *ter tūn mēm gerdžū jadedžm* 'тот человек идет по направлению к нашему дому'; *mulad golodžū javlā, ŋŋ garāb ŋdžm* 'телята направились к реке, выйди и посмотри (что с ними)'; *ter tūdodžū javlā* 'он отправился к колодезю'.

Имя числительное отличается незначительными фонетическими особенностями. Ср.: хорч. *ŋŋc(en)* 'девять' — джал.-дурб. *ŋŋc(en)*. Обращает внимание наличие в подговоре нескольких счетных слов, сходных с такими же в хорчинском говоре. Несколько примеров из дурбетского: а) *toloi* 'штука (головы)' для счета животных, но здесь относится к овощам: *būd ter dŋl dŋm toloi tuāda avlā* 'в том году мы получили сто головок чеснока'; б) *uŋ* 'кочень' (для растений, овощей): *Batūnāhan šaiān noŋ mŋan uŋ avas* 'семья Бату получила тысячу кочанов капусты'; в) *bōlm* 'связка' (для растений): *xōron bōlm ŋm xōdžē* 'накосили двадцать связок травы'; г) *ŋe(r)* — для счета сигарет: *neŋ ŋe(r) damat ŋjā* 'выкурим по одной сигарете'.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *bi* 'я' и *šŋ* 'ты' в косвенных падежах имеют небольшие отклонения от джасагтуского подговора:

Им.	<i>bi</i>	<i>šŋ</i>
Род.	<i>mŋŋ</i>	<i>šŋŋ</i>
Дат.-местн.	<i>nāo</i>	<i>šamō</i>
Вин.	<i>manē, mŋkŋŋ</i>	<i>šŋmē, šŋmŋŋ</i>

Исх.	<i>на̄д̄а̄т</i>	<i>шам̄а̄т</i>
Орудн.	<i>на̄д̄а̄р</i>	<i>шам̄а̄р</i>
Совм.	<i>на̄д̄т̄</i>	<i>шам̄т̄</i>

В падежах дательно-местном, исходном, орудном и совместном употребляются основы *на̄д̄-* (*на̄д̄-*) для 1-го лица, *шам̄-* для 2-го лица, к ним присоединяются суффиксы соответствующих падежей. Все остальные разряды местоимений в хорчинском говоре и джалайт-дурбетском подговоре образуются и употребляются одинаково.

Некоторые глагольные категории в джалайт-дурбетском подговоре могут оформляться иначе, чем в хорчинском, в зависимости от фонетических изменений. Отдельные суффиксы ограничены в своем использовании.

В речи дурбет заметна предпочтительность в употреблении суффикса глагола прошедшего времени *-дж* (вместо суффикса с долгим гласным), например: *бид̄ үшгедер̄ ирдж̄* 'мы приехали вчера'; *тер̄ шим̄е̄ иртен̄ т̄бн̄ јавдж̄* 'он уехал после того, как получил известие'. Однако употребительна и вторая форма глагола на *-дж̄*.

Причастие прошедшего времени имеет суффикс *-тан̄*: *ш̄эм̄е̄ јастанд̄ бӣ јайлн̄а̄* 'я радуюсь твоему отъезду'; *мин̄і̄ х̄ү̄ т̄бн̄ х̄р̄ұлтан̄ бил̄е̄* 'мой сын пас овец'; *хор̄ш̄онд̄ оштон̄ ұл̄т̄ ирдж̄* 'вернулись люди, которые ездили в кооператив'.

В качестве суффикса продолжительного деепричастия употребляется *-тар̄*: *м̄орт̄і̄ х̄үн̄ довтолт̄ор̄ ирл̄е̄* 'прискакал верховой'; *бид̄ мал̄ан̄ ұлтат̄ор̄*. *б̄е̄г̄ид̄ үдр̄і̄ бар̄ш̄нд̄ж̄* 'весь день потратили на то, чтобы напоить скот'.

Редко встречается в подговоре суффикс деепричастия цели *-х̄ү̄*. Он замещается суффиксом *-х̄а̄* или *-х̄а̄р̄*, например: *бӣ х̄ет̄ала̄н̄ тү̄г̄ер̄ ошн̄о̄* 'я по собирать топливо'.

Тишина для восточного диалекта разговорная форма предварительного деепричастия на *-на̄р̄ан̄* известна и джалайт-дурбетскому подговору, например: *ұл̄ гар̄на̄р̄ан̄ бор̄он̄ ордж̄* 'как только появились тучи, пошел дождь'; *мен̄е̄ ја̄ на̄р̄ан̄ тер̄ х̄ү̄ред̄ ирдж̄* 'как только я ушел, он пришел'; *тер̄ х̄х̄рдж̄ ир̄ӣг̄ер̄ен̄ х̄ет̄ад̄ж̄* 'как только он вернулся, зажег огонь'.

Весьма близкими к нему по значению являются несколько деепричастий и глагольных форм. Его замещают: продолжительное деепричастие на *-та̄р̄* (*бӣ тер̄і̄ үдж̄т̄ер̄ т̄зн̄дж̄* 'как только его увидел, узнал'); слитное деепричастие на *-ӣ* (*тер̄тен̄ орон̄ гар̄ад̄ јав̄ш̄нд̄ж̄* 'как только вошел, тут же вышел из дома'); форма прошедшего времени на *-а̄* (*ш̄і̄ х̄ел̄е̄, бӣ ошл̄о̄* 'как только сказал, я пошел'). Здесь четко проявляются функциональная близость отдельных глагольных форм, переплетение и совпадение их значений. Несмотря на многие соответствия, суффикс *-на̄р̄ан̄* бытует как один из отличительных признаков восточного диалекта.

В отличие от хорчинского говора в речи дурбет сохраняется лишь одна форма глагола *а-* 'быть'. Это форма прошедшего времени на *-ад̄ж̄*, т.е. *ад̄ж̄* например: *тер̄ х̄үн̄ т̄ен̄ х̄үн̄ ад̄ж̄* 'тот был хорошим человеком'.

В подговоре зафиксирована и связка *бил̄е̄*: *мин̄і̄ нер̄ш̄і̄ т̄ен̄ бил̄е̄* 'как твое имя?'; *мин̄і̄ м̄орт̄ш̄і̄ т̄ен̄ м̄орт̄ бил̄е̄* 'мой конь был хорошим конем'; *тер̄ үшгедер̄ ир̄тен̄ бил̄е̄* 'он приехал вчера'.

В речи дурбет имеется разделительный союз *буу* со значением 'или, либо', например: *бада буу шэ* 'еда (обед) или чай'; *шаган буу хар* 'белый или черный'. Иногда *буу* заменяет и описательная форма с отрицанием. Вместо *ногди буу шар* 'зеленый или желтый' употребляется *ногди бшш болул* (вместо *болбол*) *шар* 'если не зеленый, то желтый'.

Как и во всем говоре, в джалайт-дурбетском подговоре существуют разные фонетические варианты одного и того же наречного слова: *енд*, *менд* 'здесь, тут' (*шг менд бѣджэ* 'ты побудь здесь'); *тенд*, *метенд* 'там' (*би метенд ошдд иргѣ* 'я схожу туда и вернусь'); *нендѣт*, *мендѣт* 'отсюда' (*мендѣт буу јав* 'отсюда не уезжай'); *метендѣт* 'оттуда' (*мнѣ тусшдѣ метендѣт авдд иргѣ* 'оттуда привнеси мое одеяние'); *нѣшѣн*, *нѣшѣн*, 'сюда, поближе' (*шг буу нѣшѣн*, *шѣшѣн јавддѣлѣ* 'ты не ходи туда, сюда'); *шѣшѣн*, *шѣшѣн* 'туда дальше' (*шг шѣшѣн тѣ* 'садись подальше'); *дѣшѣн*, *дѣшѣн*, 'вниз, ниже' (*буу ундѣлѣждѣ бѣ*, *дѣшѣн тѣ* 'не приподнимайся, сиди внизу'); *хѣн*, *хѣтѣ* 'сзади, позади' (*мѣршѣн хѣн бѣн* 'конь твой находится сзади (чего-то)?'; *гадан* 'вне, снаружки', 'на улице' (*гадан бордѣн ордѣн* 'на улице идет дождь'); *орѣ* 'поздно' (*би ене тѣк дѣмѣ унтѣтѣгѣ*, *орѣ бѣтѣжѣ* 'я сегодня ночью спал неважно, (поэтому) проснулся поздно'); *одѣ*, *мѣнѣ* 'теперь, сейчас' (*шг мѣнѣ ју хѣдѣжѣн?* 'что ты сейчас делаешь?'); *урѣлѣждѣен*, *хѣдѣждѣен*, *нандѣндѣн* 'всегда, постоянно' (*еке аѣа мѣнѣ енд нандѣндѣн иргѣ* 'этот ребенок всегда ходит к нам'; *шг урѣлѣждѣен тенд тѣхѣмѣ?* 'ты всегда там будешь жить?').

Джалайт-дурбетский подговор отличается еще и характер употреблений вопросительной частицы *г*. Хотя это не является нормой, но в подговоре замечено частое использование частицы *г*, присоединяемой к сказуемому, осложненному словом *јѣм*, *јѣм* 'вещь, нечто, действительно'. Ср. несколько примеров: *та нар енд хѣрдѣ иргѣмѣ?* 'вы приехали сюда?'; *еке уѣдер шг хоршѣдѣ оштѣмѣ?* 'был ли ты сегодня в кооперативе?'; *шамѣ тен хѣлѣдѣ өгѣмѣ?* 'кто тебе скажет?'. При наличии вопросительного слова частица *г* может быть опущена: *шг ју гѣдѣ хѣрѣдѣ иргѣштѣмѣ?* (*шг ју гѣдѣ хѣрѣдѣ иргѣштѣмѣ?*) 'почему ты вернулся?'. .

Иногда между вопросительной частицей и вопросительным словом может быть вставлена частица *ш* со значением 'не': *шг тѣнѣшѣе?* 'не ты ли сидел?'; *штѣнѣн уѣдѣм бада јѣтенѣшѣе?* 'разве ты не обедал?'. .

Когда имеет место самостоятельное использование *бш* 'не', то частица вопроса присоединяется к частице *бш*: *шг хѣт ѣлд тѣдѣжѣтан бшг?* 'не жил ли ты в аиле, что на северной стороне?'. .

В джалайт-дурбетском подговоре зафиксирована частица запрета *бтѣ* 'не', которая ставится перед повелительно-желательными формами глаголов, например: *тернѣр бтѣ хѣлѣ* 'с ним ты ничего не передавай (устно)'; *бтѣ ур хѣре* 'не элись'; *бтѣ тоѣто* 'не слушай'; *удѣн бтѣ јавѣ* 'долго не ходи'. .

Чисто разговорной формой является частица *анѣ*, которая употребляется в значении согласия совершить то или другое действие. Кроме дурбет она встречается и в речи джасагту, например: *шг хоршѣндѣ оштѣ?* — *анѣ*, *би оштѣ* 'пойдешь ли в кооператив? — Да, я пойду'; *мнѣ хѣлѣтнѣ мѣдѣждѣјѣ?* — *анѣ*, *мѣдѣждѣ* 'понял ли, что я сказал? — Да, понял'. .

Харчины давно проживают вместе с китайцами в провинции Жэхэ, а туметы — частью в провинциях Жэхэ и Ляонин. С получением монголами своей автономии провинция Жэхэ снова вошла в состав Внутренней Монголии в качестве Джостуского аймака.

Харчины делятся на три хошуна: хошун западного, среднего и восточного крыла. Туметов два хошуна: хошун западного крыла в уезде Чаоянь провинции Жэхэ и хошун восточного крыла в уезде Фусинь провинции Ляонин.

Харчины и туметы издавна занимаются земледелием. Лучше других монголов они усвоили китайскую культуру и язык. Большинство (особенно молодежь) стало двуязычным, в некоторых местах, проживая длительно среди китайцев, они стали забывать родную речь. Общая численность населения харчин и туметов составляет 354 000 человек. Небольшая часть туметов несколько веков проживает на месте, близ г. Хухэ-Хото, центра Автономного района Внутренняя Монголия.

Особенности фонетики⁷. Состав гласных звуков харчин-туметского говора не отличается от хорчинского; в нем имеются те же гласные переднего ряда ε , $\bar{\varepsilon}$, \bar{o} , \bar{u} , которые характерны для всего восточного диалекта. Ср. несколько примеров: *qaɣaɣar* 'уздечка', *ɗalaɪ* 'океан', *dokɣa* 'сигнал', *ɣulle* 'дело, деяние' — харч.-тум. *ɣɔɖʒɔɐr*, *ɔɣɣɣ̄*, *ɔɔɣɔ̄*, *ɣ̄ɣɣ̄*.

Однако для говора характерны и некоторые специфические особенности в реализации гласных первого слога слова, которые отличают его от остальных говоров восточного диалекта.

Различие в употреблении γ , соответствующего \bar{o} СПМЯ, проходит по всем говорам восточного диалекта, составляя отличительную черту диалекта в целом, однако распределение \bar{o} и γ по говорам неодинаково, ср.:

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>ɔɣɣe</i> 'мечь'	<i>ɣɣ̄e</i>	<i>ɣɣ̄e</i>
<i>ɔɣɣel</i> 'колыбель'	<i>ɣɣ̄ɪ</i>	<i>ɣɣ̄ɪ</i>
<i>ɔɣɣgedür</i> 'вчера'	<i>ɣɣ̄ɪdɔɐr</i>	<i>ɣɣ̄ɪdɔɐr</i> , <i>ɣɣ̄ɪdɔɐr</i>
<i>ɔɣɣge edür</i> 'послезавтра'	<i>ɣɣ̄ɪdɔɐr</i>	<i>ɣɣ̄ɪdɔɐr</i>

Соответствие γ СПМЯ гласному \bar{o} также типично для говоров восточного диалекта. И все же произношение γ как \bar{o} особенно отличает речь харчин и туметов. Если в остальных говорах — хорчинском и архорчин-баринском — замешается лишь краткий гласный, то в отличие от них в харчин-туметском говоре древний комплекс $\gamma\bar{u}$ отражается в виде долгого гласного \bar{u} :

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>buday</i> 'краска'	<i>бодой</i>	<i>бодой</i>
<i>bulay</i> 'родник'	<i>болой</i>	<i>болой</i>
<i>ayula</i> 'гора'	<i>ул</i>	<i>бл</i>

⁷ Здесь и далее используются материалы, записанные у харчин хошуна среднего крыла (уезд Нинчэн) и туметов хошуна восточного крыла (уезд Фусинь).

<i>dayun</i> 'песня'	<i>д̄у(н)</i>	<i>д̄д(н)</i>
<i>səy-u-</i> 'сидеть'	<i>с̄у-</i>	<i>с̄д-</i>
<i>bayu-</i> 'спускаться'	<i>б̄у-</i>	<i>б̄д-</i>
<i>qurai</i> 'собрание'	<i>хура?</i>	<i>хорал</i>
<i>bula</i> 'пух'	<i>бул</i>	<i>бол</i>
<i>burqan</i> 'бог', 'будда'	<i>бурхан</i>	<i>борзон</i>

Не менее интересным в речи харчин и туметов является своеобразная передача гласных переднего ряда *ö* и *ü*. Если СПМЯ дифтонги *ai* и *oi* в конце слова отражаются в харчин-туметском говоре в виде долгого *ō*, то гласным первого слога будет соответственно краткий гласный *ö*, тогда как в остальных говорах восточного диалекта (кроме джалайт-дурбетского) этот переход не обязателен.

	Харчин	Харчин-тумет
<i>qormol</i> 'подол'	<i>хорм̄ö, х̄орм̄ö</i>	<i>х̄дрм̄ö</i>
<i>noqol</i> 'собака'	<i>нох̄ö</i>	<i>н̄дох̄ö</i>
<i>qoruqai</i> 'насекомое'	<i>хорх̄ö</i>	<i>х̄орх̄ö</i>
<i>soluɣai</i> 'левый', 'левша'	<i>сол̄ö</i>	<i>с̄ол̄ö</i>
<i>onɕayai</i> 'особенный'	<i>онш̄ö</i>	<i>он̄ч̄ö</i>

Здесь мы можем говорить лишь о некоторой тенденции в последовательности употребления *ö* и *ü* в одном слове, придающей речи харчин и туметов определенное благозвучие, своеобразие в произношении.

Вместо обычного для других говоров восточного диалекта огубленного долгого гласного *ū* (< сочетания *V-y-i*) в харчин-туметском говоре встречается долгий гласный *ī*, например:

	Харчин	Арухарчин	Харчин-тумет
<i>küyiten</i> 'холодный'	<i>х̄үтен</i>	<i>х̄үтен</i>	<i>х̄итүн</i>
<i>küyitsun</i> (анат.) 'пупок'	<i>х̄үс(ен)</i>	<i>х̄үс(ен)</i>	<i>х̄ис(ен)</i>

Уже отмечалось, что в говорах восточного диалекта отсутствуют дифтонги и что появление их связано со словами, заимствованными из китайского языка, ср. *ot̄yua* 'арбуз'.

Материалы, записанные у харчин и туметов свидетельствуют, что в единичных случаях, в основном там, где в СПМЯ в первом слоге был огубленный гласный *u*, в харчин-туметском говоре наряду с гласным *y* слышится и входящий дифтонг *ya*. В экспедиционных материалах были зафиксированы следующие слова: *urus-* 'течь, протекать', *yurban* 'три', *urba-* 'изменять, предавать', *usun* 'вода' — харч.-тум. *уарса-, урса-, гуарав, гурав, уарва-, урва-, уас(ан), ус(ан)*.

В наших записях у туметов также встречается несколько слов, содержащих дифтонг *ya*. К сожалению, нам не удалось до конца выяснить, действительно ли имеет место образование дифтонга на месте краткого гласного. Прося к информанту повторить произнесенное им не совсем ясное в фонетическом отношении слово сбивала его, он начинал приспосабливаться, переходя на общепринятое произношение слов с гласным *y*. В туметском нами за-

фиксировано: *чās ɣəʒɨr dər ʏandʒē* 'бумага упала на пол'; *beden ʏas ad-ɣe ɨɨn* 'мы пойдем за водой', где *ʏandʒē* и *ʏas(an)* соответствуют в остальных говорах словам *ʏandʒē* и *ʏs(an)*.

В харчин-туметском говоре, как и в остальных говорах восточного диалекта, старомонгольская аффриката *ʏ* как перед гласным *ɨ*, так и перед остальными гласными сохраняет свой исконный шипящий характер: *ʏɨqɨr* 'крыло, крылья', *ʏɨɣʏs* 'поводья, вожжи', *ʏəge-* 'таскать', *ʏɨʃɨnən ʏɨɨ* 'позапрошлый год', *qəʏaʏar* 'узды, уздечка' — харчин-тумет *əʒɨber*, *dʒolɔ*, *dʒə-*, *ʏrd-ʒɨkən dʒɨɨl*, *xəɔʒɨr*.

По сравнению с хорчинским говором и джалайт-дурбетским подговором харчин-туметский говор отличает наличие еще одной аффрикаты — переднеязычной сильной аффрикаты *ɕ*. Аффриката *ɕ* как перед гласным *ɨ*, так и перед другими гласными остается в нем как *ɕ*, т.е. сохраняет шипящий характер, в то время как в хорчинском он развился в шипящий спираント *ɬ*, в шилингольском перед *ɨ* согласный *ɕ* остается, а перед другими гласными, кроме *ɨ*, развивается в свистящую аффрикату *ɕ̥*:

	Хорчин	Шилингол	Харчин-тумет
<i>ʏɨɣɨr</i> 'случай'	<i>ʏɨɣɨr</i>	<i>ʏɕɨr</i>	<i>ʏɕɨr</i>
<i>dʒɨngə-</i> 'слушать'	<i>ɬaɣla-</i>	<i>ɕaɨna-</i>	<i>ɕaɨna-</i>
<i>temeɕe-</i> 'бороться'	<i>temɬi-</i>	<i>temɕe-</i>	<i>temɕi-</i>
<i>ɕulɬuɣur</i> 'чембур'	<i>ɬulɬur</i>	<i>ɕulɕur</i>	<i>ɕulɕur</i>
<i>ɕag</i> 'время'	<i>ɬaɨ</i>	<i>ɕaɨ</i>	<i>ɕaɨ</i>

Однако в ослабленных позициях в шилингольском (как и в чахарском и ордосском) аффриката *ɕ* соответствует шипящей же аффрикате *dʒ*. Этого никогда не бывает в говорах восточного диалекта:

	Хорчин	Харчин-тумет	Шилингол, ордос
<i>ɕokɨ-</i> 'бить, ударить'	<i>ɬoxɨ-</i>	<i>ɕoxɨ-</i>	<i>dʒoxɨ-</i>
<i>dʒɨsən</i> 'кровь'	<i>ɬʏs(an)</i>	<i>ɕʏs(an)</i>	<i>dʒʏs(an)</i>

Весьма характерно для речи харчин и туметов (особенно для харчин) произношение аффрикат *dʒ* и *ɕ* (а также и спиранта *ɬ*) как ретрофлексных согласных, т.е. произносимых с поднятием кончика языка к вершине нёба. В записях экспедиционных групп, обследовавших речь харчин и туметов, они отмечались через *dʒ*, *ɕ*, *ɬ*. Следует отметить, что это в харчин-туметском говоре не самостоятельные фонемы, а лишь варианты, встречающиеся в словах с гласными заднего и переднего ряда: СПИМ *ʏəbaɣa-* 'мучить', *ʏaɣaɣa* 'еж', *ʏʏasən* 'рыба', *ɕaɣasən* 'бумага', *ɬɨga-* 'жать, прижимать', *qasɨɣa* 'забор' — харч. *dʒəwɔd-* (*dʒəwɔd-*), *dʒarā* (*dʒarā*), *dʒaɣasən* (*dʒaɣasən*), *ɕābān* (*ɕābān*), *ɬaxa-* (*ɬaxa-*), *ɬaxā* (*ɬaxa*).

Согласные СПИМ *ɣ* и *g* перед сильными взрывным *t* и спирантом *s* соответствуют в произношении харчин и туметов согласному *x*, например: *baɣta-* 'помещаться', *ʏəɣsoɣa-* 'останавливать', *ʏɨɣɨɬ-* 'испытывать отвращение' — харчин-тумет *batxa-*, *dʒoxɔd-*, *dʒɨɣɨɬ-*.

В речи туметов прослеживается одна особенная черта: консонант *x*, закрывающий конечный слог, выступает как заднеязычный *ɣ*. Это заметно в суф-

фиксе причастия будущего времени. Нами были зафиксированы следующие примеры: *чи беденте хамт жабаг дор үгүе болбол тел* 'если у тебя нет желания идти с нами, то скажи'; *чи ене үдер иргел ирхүе би медхүе* 'я не знаю, придешь ты сегодня или не придешь'. Вместо *жабаг* и *иргел*, обычных для этого причастия во всех диалектах Внутренней Монголии, употреблена форма *јабаг* и *иргел*. Следует, однако, заметить, что употребление *г* наряду с *х* в причастии будущего времени носит факультативный характер.

Особенности морфологии. Формы множественного числа имен существительных образуются посредством тех же самых суффиксов, что и в других говорах восточного диалекта. Но в каждом говоре мы находим те или иные слова, для образования которых используются или разные суффиксы, или суффиксы, употребляющиеся в говорах или же в СПМЯ для других имен. Примером может служить образование множественного числа имен при помощи суффикса *-д*.

«Классическим» можно считать образования множественного числа типа *адү(н)* 'табун лошадей' — *адүд*; *нох* 'собака' — *нохс*; *мал* 'скот' — *малнүд*. Однако в речи харчин и туметов часто встречаются имена, формы множественного числа которых образуются несколько иначе, например: *нох* 'собака' — *нохдөд*; *галь* 'свинья' — *гальд*; *мал* 'скот' — *малд*.

В речи туметов не встречается суффикс множественного числа *-нүд*, вместо него употребляется *-гүд*. Впрочем, и в других говорах нередко случаи чередования этих суффиксов, но индивидуальную особенность речи туметов составляет устойчивое использование лишь формы *-гүд*:

Харчин		Тумет	
<i>шир</i>	'стол'	<i>шир</i>	'стол'
<i>галу</i>	'гусь'	<i>галу</i>	'гусь'

Однако и в харчин-туметском, как и в остальных говорах, возможна синонимия суффиксов множественного числа, например: *малд*, *малнүд*; *гальд*, *гальнүд* и т.д.

Как уже известно, в харчинском говоре показателем винительного падежа имен выступают *-г* (*-гн*), *-г* (*-гн*), а в джалайт-дурбетском подговоре — *-г* (*-гн*). Харчин-туметский говор относится к типу джалайт-дурбет и в винительном падеже имеет суффикс *-г* (после основ, оканчивающихся на любой согласный) и *-гн* (после основ, оканчивающихся на долгие гласные), например: *чи минг дэг догдөд өг* 'ты позови моего отца'; *тер таргг хадвал баран талас хад* 'если будешь жать хлеб, то начни с правой стороны [пашни]'; *би ене бичигг оншидж бартаг чг сдөж* 'ты подожди меня, пока я не закончу читать это письмо'; *енчиг сөргүлг гергг үдөж* 'он видел школьное здание [школу]'.

Соединительный падеж в говоре широкого распространения не имеет. Показателем его выступает *-лг*, например: *тер ёлгг хамт идж* 'она пошла вместе с матерью'; *беден терлг жавсан иж* 'мы ходили вместе с ним'; *теден Батүлг хамт бада иджжгн* 'они едят вместе с Бату'. Как и со-вместный падеж, его часто сопровождает послелог *хамт* 'вместе': *дүлгг хамт иргел* 'он вернулся вместе со своим младшим братом'.

В харчин-туметском говоре существуют все формы удвоенных падежей, где основами выступают родительный, совместный или дательно-местный падежи. Здесь наиболее примечательным является сохранение удвоенной формы дательно-местного и исходного падежей от существительного *гар* 'рука': *гартас* 'из рук'.

Различия в числительных основаны на фонетических особенностях. Особенно это заметно в числительном 'девять', ср. харч. *јус(ен)*, джал. *јум(ен)*, шгол. *јос(ен)*, чах. *јис(ен)*, орд. *јисү(н)*, *јусү(н)*, харч. *јис(ен)*, тум. *јс(ен)*. Лишь в речи туметов оно звучит без инициального *ј*. Как и во всех говорах, перед *јис(ен)* 'девять' числительное теряет конечный согласный *н*: дал. *јис(ен)* 'семьдесят девянь' (харч.), *јуч* *јс(ен)* 'тридцать девять' (тум.).

В речи харчин зафиксирован суффикс порядкового числительного *-дази*, который существует параллельно с более распространенным в говоре суффиксом *-дугар*: долд(н) 'семь' — долддугар (тум.) 'седьмой' — долддугар, доллодази (харч.); нѣм(ан) 'восемь' — нѣмдугар (тум.) 'восьмой' — нѣмдугар, нѣмдази (харч.).

Обычно значение кратности передается постановкой после числительного слов *уда* 'раз' и *дэхн* 'раз, повторно': *тер хојор уда ічджѣ* 'он ходил дважды'; *ае нутаг дѣр гурав дэхн ічджѣ* 'отец приезжал в кочевья трижды' (тум.).

В этой связи интересным представляется зафиксированный в речи харчин суффикс *-т*, который придает значение кратности. При присоединении этого суффикса конечный *-н* числительного восстанавливается, например: *гурав* (*гурван*) 'три' — *гурвант* 'трижды'; *дөрөв* (*дөрөөн*) 'четыре' — *дөрөөнт* 'четырежды'. Факультативный суффикс *-т*, используемый в речи харчин, соответствует в СПМЯ *-te*: *nigen* 'один' — *nigente* 'один раз'; *qoyar* 'два' — *qoyarta* 'дважды'.

У туметов записано несколько счетных слов — классификаторов — и передающих единицы измерения. К ним относятся: *толб* 'штука', 'головка' (для подсчета овощей): *ене намар менѣ хоршбн менан толб сарімсаг авджѣ* 'этой осенью наш кооператив получил тысячу головок чеснока'; *джаң* 'лист' (для счета бумаги): *арван джаң чās хеді хурджѣлѣм?* 'сколько будет стоить десять листов бумаги?'; *сѣр* 'лунок', 'саженцы' (для подсчета овощей и деревьев): *бед теван сѣр лѣван тѣрджѣ* 'мы посадили пятьдесят лунок моркови'; *долдн сѣр гуа* 'семь лунок дыни'; *готчо* 'моток' (для счета ниток): *нег готчо хар утас* 'один моток черных ниток'; *беден хојор готчо улѣн утас авсан бінѣ* 'мы купили два мотка красных ниток', параллельно с ним употребляется и китайское слово: *джаз* 'штука' (для счета одежды): *джундѣн менѣ хүн бүр хојор джаз товчс хїнѣ* 'летом каждый в нашей семье справляет себе по две пары одежды'; *бѣдж* 'вязанка' (для растений): *тер удер болгон іучн таван бѣдж түлѣ таднѣ* 'он каждый день накашивает по тридцать пять вязанок травы на топку'.

Личное местоимение I-го лица единственного числа сохраняет супплетивные основы косвенных падежей. Оно несколько обособляется и внутри говора:

	Харчин	Тумет
Дат.-местн.	<i>над, надад, нанд, намд</i>	<i>нанд</i>
Вин.	<i>нэмэгдүг, мэнэгдүг</i>	<i>нэмэгдүг, мэнэгдүг</i>
Исх.	<i>наадс, нанас, намас, нэмэгдэс</i>	<i>наадс, нанас, нэмэгдэс, мэнэгдэс</i>
Орудн.	<i>наадар, нанар, намар</i>	<i>наадар, нанар, намар</i>
Совм.	<i>нантү, нантэ</i>	<i>надтү, нантэ</i>
Соед.	<i>надлэ, нанлэ</i>	

В речи харчин и туметов сохраняются параллельные основы косвенных падежей *над-* и *нан-*, вторая из которых считается наиболее архаичной и бытующей лишь в таких монгольских языках, как могольский и калмыцкий.

В речи туметов зарегистрирована в дательном падеже лишь одна основа *нан-*. В наших записях встретились примеры: *чү нанд нег дөвтер эчирдэг* 'ты привеси мне книгу'; *тер чү хавулс гэд нанд авад ир* 'подогрей немного тот чай и привеси мне'.

Местоимение 1-го лица множественного числа в туметском имеет глагольный *е* вместо харчинского *и*, ср.:

	Харчин	Тумет
Им.	<i>биден</i>	<i>беден</i>
Род.	<i>биднэ, манэ</i>	<i>беднэ, мэнэ</i>
Дат.-местн.	<i>биденд, манд</i>	<i>беденд, манд</i>
Вин.	<i>биднү, манү</i>	<i>беднү, манү</i>
Исх.	<i>биднэс, манас</i>	<i>беднэс, манас</i>
Орудн.	<i>биднэр, манар</i>	<i>беднэр, манар</i>
Совм.	<i>бидентэ, мантэ</i>	<i>бедентэ, мантэ</i>
Соед.	<i>биденлэ, манлэ</i>	

Указательные местоимения, выступающие в роли личных местоимений 3-го лица, склоняются по типу, свойственному лишь особенностям языка восточных монголов. Как в речи харчин, так и туметов они изменяются одинаково:

Им.	<i>ене</i>	<i>тер</i>
Род.	<i>еннэ</i>	<i>тернэ</i>
Дат.-местн.	<i>ененд</i>	<i>теренд</i>
Вин.	<i>еннү, энү</i>	<i>тернү</i>
Исх.	<i>еннэс, энэс</i>	<i>тернэс, терэс</i>
Орудн.	<i>еннэр, энэр</i>	<i>тернэр, терер</i>
Совм.	<i>енентэ, энтэ</i>	<i>терентэ, тертэ</i>
Соед.	<i>енлэ (харч.)</i>	<i>теренлэ (харч.)</i>

Остальные разряды местоимений одинаковы с такими же местоимениями других говоров: *хен* 'кто', *йү(н)* 'что', *эл* 'который', *ямар* 'какой', *тедү* 'сколько', *бүгд*, *бүр* 'все, весь' и др.

Местоимение 'сам' имеет в туметском две формы: *эрэн* и *эсэн*, в родительном падеже — *эрэн* и *эсэн*: *эрэн (эсэн) бада* 'своя еда, пища'.

Повелительные-желательные формы глаголов харчин-туметского говора совпадают с таковыми же харчинского говора. В харчин-тумет-

ском говоре зафиксирован суффикс *-ага*: *чи ене элхүрї нег боддог* 'по-
красить бы тебе этот платок'; *енї емгендөн хөлөг* 'сказать бы об этом
своей старухе'; *чи манэд нег їрөг* 'зайти бы тебе к нам'.

В 3-м лице единственного и множественного числа употребляется суф-
фикс *-и*, который есть во всех говорах: *тер мүнэ хөлөг* 'теперь пусть он ска-
жет'; *теден үдөг* 'пусть они посмотрят'.

В харчин-туметском говоре имеется суффикс множественного числа
субъекта действия *-джага* (харч.), *-чага* (тум.), например: *халун чигт бүү эр*
үджага, хулс гаран 'не пейте много горячего чая, вспотеете'; *бүү хтэн ус*
учага 'не пейте холодной воды'. Однако это не составляет нормы, так как и
суффикс множественности субъекта действия во всех монгольских языках
употребляется факультативно.

Употребительна форма настояще-будущего времени на *-мэ* (*-и*): *тер хун*
ор хурдж яван 'тот человек сердится'; *ене бас-инен* 'он тоже смеется'; *бї*
одд төрхүг ичин 'я пойду сейчас гулять'; *бедег бадагян иднэ* 'мы будем
обедать'; *тод магатар элд яванэ* (тум.) 'они завтра поедут в гости'. В этих
предложениях время действия — настоящее оно или будущее — определяется
по контексту или по наличию и отсутствию слов, указывающих на время. В
стоичном диалекте характерным представляется существование и широкое упо-
требление суффикса *-джэна* (*-джэн*) в качестве показателя настоящего време-
ни. Суффикс *-джэна* (*-джэн*) продуктивен и в харчин-туметском: *бї дөл орджн*
'я шью шубу'; *тер өс хаджжэна* 'он косит сено'; *баран герин хүгед туглэн*
хаджжэна 'дети из дома, что на правой стороне, гонятся за твоим теленком'.

Форма *-с* (*-са*) употребляется редко; чаще встречается форма на *-джэ*
(редко *-чэ*): *мині дү таранд явджэ* 'мой младший брат отправился на убор-
ку хлеба'; *мал ташагасан гарчэ* 'животные ушли из сарая'; *хүнї оддод*
асүджэ 'позвали человека и спросили'; *сонин джүд джүдлджэ* 'снился ему
интересный сон'.

Деепричастия разнообразны и весьма употребительны. Часто исполь-
зуются удвоенные формы соединительного, слитного или разделительного
деепричастия. Ср. несколько примеров из речи туметов: *ене хун талдж талд*
шадхүг, бзчиджжжн 'он говорит, говорит и ничего не может сказать, те-
ряется'; *тер урт хтсен тергэн бодон бодон бїгэн гелжин* 'он думает, ду-
мает о прошлом (поступке) и винит себя'; *ене хунчин идэд идэд тас шатхүг*
человек ест, ест и никак не насытится'.

Условное деепричастие образуется при помощи суффикса *-вал*, (*-бал*).
Однако в говоре встречается и чисто разговорная форма на *-үл*, которая
соединяется к основам, оканчивающимся на долгий гласный: *чи мөнд сбай*
бї сбайхүг 'если ты будешь сидеть здесь, я не стану сидеть'; *тер түлэ джбї*
бї ус авга 'если он будет носить дрова, я пойду за водой'.

В харчин-туметском говоре преимущественно распространено дееприча-
стие цели на *-хүг*: *надхүг гарджэ* 'вышел, чтобы поиграть'; *үдөр үджилж*
ирджэ 'он приехал, чтобы определить благоприятный день (для свадьбы)';
теден бада идхүг явджэ 'они ушли, чтобы обедать'.

Уступительное деепричастие образуется присоединением к основе глаго-
ла нескольких суффиксов. Наряду с формой, совпадающей с формой СПИЯ,
в говоре часто используются разговорные формы. К ним относятся: 1) *-жэ*

не *эджѣ хѣрѣ болѣ хѣрѣ болбоч болнѣ* 'эту работу хоть сделаешь, хоть не сделаешь — ничего не случится'; 2) *-јач*: *хедѣ халѣм ѣгѣ болѣч беден јад-ѣжѣ* 'хотя было не так жарко, мы устали'; *ѣј јагадж харајач бѣ мѣнѣ ѣчнѣ* 'как бы мать ни ругала, я иду'; *хедѣ јаралѣ болѣч хурал нег хѣчхнѣ* 'как бы ни был занят, он соберет собрание'.

В харчин-туметском существует предварительное деепричастие на *-nārān*, встречающееся и в других говорах восточного диалекта: *тер jīrñērēn badāgān jōdō jadǰǰē* 'как только пришел, пообедал и ушел'; *тонод хұрñērēn ērōm bī-čī jayūldǰǰē* 'как только добрался до селения, тут же отправил письмо своей матери'; *ўл гарñārān борон орччē* 'как только появились облака, пошел дождь'; *час орñōrōn дулārdǰǰē* 'как только пошел снег, потеплело'.

В оформлении деепричастия предела есть небольшая разница: в речи харчин деепричастие предела образуется при помощи суффикса *-тар*, а в речи туметов — *-тал*, например: *бордч джогистор чӀ манд сджжӀ* 'ты посиди тут, пока не перестанет дождь'; *тер нар гартар унджжӀ* 'он спал до восхода солнца'; *бӀ ӱд болтор чӀмӀ тулӀдж* (харч.) 'я ждал тебя до полудня'; *ӱрӱ болтол Ӏдж-лӀн барӀӱ* (тум.) 'закончим работу, пока не настал вечер'.

Как известно, в конструкции с деепричастием предела имя, передающее субъект, оформляется визительным падежом. В туметской же речи зафиксировано несколько фраз, где наименование агенса выражено местоимением в именительном падеже, ср.: *чэмэй їртел минь бадā болчигн* 'пока ты придешь, мой обед будет готов' и *бї їртел чї менд хулѣджѣ* 'пока я приду, ты жди меня здесь'; *чэмэй чѣ бѣдж бартал бї теннѣ герт ічѣд їрїѣ* 'пока ты пьешь чай, я схожу к соседям' и *чї таргайн үджѣд їртел бї үкѣн сачнїя* 'пока ты осмотришь свои посевы, я подою корову'. Подобного типа построения редки и встречаются лишь в разговорной речи.

В отличие от соседнего с ним хорчинского говора в харчин-туметском встречается еще одна деепричастная форма — это *-mān (-māndžin)*. Данное деепричастие обозначает зависимое действие, которое предшествует главному, выраженному глаголом-сказуемым (указывает на причинную обусловленность действия): *bī ter ucrī sočsmōn sē medžžē* 'так как я был наслышан о том (деле), я тут же (все) понял'; *ter jrdž tujmān bī destrēn sē vōdžē* 'так как он пришел просить, я тут же отдал ему свою тетрадь'. Деепричастие на *-mān (-māndžin)* по своему значению близко к значению предварительного деепричастия на *-nārān*. Слово *sē* 'тут же' подчеркивает, что действие, передаваемое деепричастием на *-mān (-māndžin)*, и действие основного глагола-сказуемого могут быть связаны не только причинной и условной зависимостью, но и временной последовательностью: за первым действием немедленно следует другое.

В глагольном образовании замечается и такая особенность. У туметов записаны следующие фразы: *сод̄ уд бол̄ бол̄ гедж̄ен* 'вот-вот наступит полдень'; *нар̄ ун̄ ун̄ гедж̄ен* 'вот-вот зайдет солнце'; *гаг̄ ноч̄ коч̄ гедж̄ен* 'вот-вот казнится огонь'. Здесь обращает на себя внимание следующее: эта конструкция не употребляется без глагола *гедж̄* в форме какого-либо времени; глагол *гедж̄* требует оформления предыдущего глагола показателем *-г̄*; глагол на *-г̄* должен быть удвоенным, ибо без этого разрушается конструкция. В цо-

лом она употребляется для придания глаголу большей выразительности, усиливает значение начала, зарождения действия.

Послелого во всех говорах и диалектах в основном одинаковы, но некоторые из них в харчин-туметском имеют такие отличия.

СПМЯ *dotorə* 'в, внутри' в туметской речи соответствует *тотор* или *тор*: *хеден джл тотор (тор) овчинтѣ болджѣ* 'в течение нескольких лет он болел'; *улсн тотор (тор) самурджѣ* 'среди многих (людей) сбился с толку'.

Послелог *хоронд* имеет параллельную форму *хонджир*: *бѣ хорор гѣр хорон (хонджир) гѣсѣр јачнѣджѣ* 'я устал от беготни между двумя домами'; *ене регчн хонлн хонджир болджѣ* 'это дело исполнено посредственно, так себе'; *тер бусчн хонлн хонджир болджѣ* 'тот пояс получился так себе, ни плохим, ни хорошим'.

СПМЯ *tursi* 'в течение' у туметов соответствует *досон* или *дбсон* (ср. *dayusun*): *бѣ удѣр досон (дбсон) ѣджл хѣд чолѣ гархѣ* 'оттого что целый день работали, у меня не было свободного времени'; *терчн джл досон овчин тасархѣ* 'в течение года он не может избавиться от болезни'.

Тулад(бн) 'для', 'ради', 'за', 'так как' встречается в туметской речи с совместным падежом, чем отличается от некоторых других говоров восточного диалекта, например: *борѣн ус джѣхромнтѣ туладн тарѣ сѣн* 'оттого что дождевая вода оказывает благотворное действие, пашня похорошела'; *тер хѣр джѣстѣ туладн бардаж на* 'оттого что у него много денег, он зазнается'. В хорчинском также встречается *туладн*: *джаварт туладн јирсенѣ* 'он не пришел, так как дул сильный ветер'.

Союзы в говорах встречаются редко. В харчин-туметском зарегистрированы: *бѣ*, *болѣд*, *бѣѣд* 'и', *бујѣ* 'или', *хѣрѣ* 'если', которые по своему значению и употреблению не отличаются от таких же союзов во всех остальных говорах восточного диалекта.

В харчин-туметском встречаются в основном те же частицы, что и в других говорах диалекта. Наиболее употребительны вопросительные частицы: а) *ѣ*, которая ставится после форм прошедшего времени или же причастия будущего времени: *чѣ гѣртен хѣрджѣ?* 'ты не ходил домой?'; *минѣ хѣлсен ѣѣ чѣ меджджѣ?* 'ты понял то, что я тебе сказал?'; *тѣ ене бѣѣѣ авзімѣ ѣѣѣ ѣѣѣ?* 'вы купите эту ткань или нет?'; б) *ѣ*, которая присоединяется к форме настоящего-будущего времени, причастия прошедшего времени или к имени существительному: *чѣ еинѣ меднѣ?* 'ты знаешь об этом?'; *чѣ тернѣ јавсанѣ меднѣ?* 'ты не знал, что он уехал?'; в) *ѣ*, *бѣ* (*ѣѣ*) — после имен и местоимений, к которым относится вопрос: *тер јѣ бѣ?* (*тер јѣ? тер јѣѣ?*) 'что это такое?'; *ене хѣнѣ ораѣ?* (*ене хѣнѣ ораѣ?*) 'это чье место?'

Вместо СПМЯ *ја* или *буѣ* *ја* в говоре встречается частица *бѣ* со значением сомнения: *тернѣ терѣ ене ѣѣѣ јѣрен бѣ?* 'может, сегодня придет из повозка?'; *тер чнѣ гѣр бѣ?* 'тот твой ли дом?'; *тѣ меден бѣ?* 'может быть, вы знаете?'. Изредка харчины и туметы вместо *бѣ* произносят *болѣ*: *тер чѣ мѣѣѣ јѣ асѣѣѣ болѣ* 'о чем он может спросить у тебя?'.
.

В харчин-туметском говоре употребляются те же отрицательные частицы, что и в других говорах: *ѣл*, *ес*, *ѣѣѣ*, *ѣѣ* 'не'. Ср.: *ене хѣн ѣл бѣѣѣ јѣнѣ хѣѣѣ л бѣѣѣ* 'этот человек продолжает делать трудно осуществимую работу'; *ес јавѣх джамѣр ѣѣѣѣ ѣѣѣ јавѣн* 'ездил трижды по дороге, по которой не ез-

дят»; *терчн̄ жессентү* 'он не понял'; *одо ч олудо* 'до сих пор не найдено'.
 Имеется и отрицание *биш* 'не': *эне нодо мэм биш*, *эр хүм* 'эта собака не
 наша, а другого человека'; *терчн̄ мал биш*, *мөр* 'то не скот, а лошади'.

АРУХОРЧИН-БАРИНСКИЙ ГОВОР

Арухорчин-баринский говор распространен на территории Джоудаского аймака, граничащего на востоке с Джеримским, на юге с Джостуским, на западе с Чахарским, а на севере с Шилингольским аймаками Внутренней Монголии. Весь аймак делится на четыре хошуна: 1) Арухорчин, 2) Барин восточного крыла, 3) Барин Западного крыла и 4) Хешиктен.

Арухорчины родственны с хорчинами, живущими в Джеримском и Хулунбуирском аймаках. Однако многовековое пребывание на разных территориях и среди разных племен несколько отличает их друг от друга, и арухорчины ныне по своей речи стали близки к барин, особенно к племени барин восточного крыла. Хешиктены отличаются по речи и от арухорчин и от барин, поэтому к ним мы вернемся при рассмотрении речи чахар.

Монголы Джоудаского аймака занимаются частично скотоводством, частично земледелием. Общая численность населения составляет 160 000 человек.

Особенности фонетики. Состав гласных тот же, что и в двух других говорах восточного диалекта. Возникновение гласных переднего ряда *э*, *э̄*, *о*, *ө* и *ү* обусловлено теми же фонетическими условиями, что и в других говорах, поэтому ограничимся лишь некоторыми примерами: *tasiγur* 'кнут, плетъ', *uliyasun* 'осина', *qumi-* 'собирать, подбирать', *doγugla-* 'насмехаться, дразнить', *γuile* 'дело, деяние' — арухорч.-барин. *тэшүр*, *улэс(ан)*, *хуми-*, *дбילו-*, *үл*.

Для говора арухорчин характерны следующие фонетические соответствия с СПМЯ:

1) переход гласного *е* в гласный *и*, например: *jes* 'медь', *čereg* 'воин', *čenqaqel* 'веселье, развлечение' — арухорч.-барин *джис*, *чирег*, *чичел*;

2) замещение гласного *ө* гласным *ү*: *tögürig* 'круглый', *örümte* 'пелка', *kölde-* 'замерзать' — арухорч.-барин *түзрег*, *үрем*, *хүлда-*;

3) произношение *у* как *о*: *buča-* 'возвращаться', *sumu* 'стрела', *ungsi-* 'читать' — арухорч.-барин *бочо-*, *сом*, *омш*..

Сопоставляя эти явления с данными других говоров и подговоров восточного диалекта, следует отметить, что в рассматриваемом говоре замечается меньшая их распространенность. Возможно, это связано с некоторым влиянием соседних говоров центрального диалекта, где такие соответствия не наблюдаются.

В области согласных наиболее характерной чертой арухорчинской речи по сравнению с хорчинской является то, что в арухорчинском СПМЯ аффриката *с* как перед гласной *и*, так и перед остальными гласными отражается в виде *ч*, тогда как в хорчинском говоре она развилась в спирант *ш*, ср.:

<i>šilaγun</i> 'камень'	шулᠡ(н)	чулᠡ(н)
<i>naβši</i> 'листья'	лэви	лэви
<i>šoši-</i> 'испугаться'	шомі-	чочі-
<i>šuyta-</i> 'собираться'	шула-	чула-

Лишь в немногих словах аффриката *š* перед гласным *i* переходит в спирант *ш*, например *šida-* 'мочь, быть в состоянии', *šila-* 'варить', *šiker* 'сахар' — арухорч.-барин. *шада-, шана-, шихер.*

Чисто локальным является в арухорчинской речи употребление взрывного согласного *d* вместо спиранта *s*, например:

	Арухорчин	Барин
<i>naγad-</i> 'играть'	<i>nāsa-</i>	<i>nāda-</i>
<i>qabuda-</i> 'отекаль'	<i>xaśsa-</i>	<i>xavda-</i>
<i>öbed-</i> 'болеть'	<i>öśśe-</i>	<i>övede-</i>

Под влиянием соседних говоров центрального диалекта в речи барин восточного крыла иногда заметно ослабление сильного начального согласного *n* соответственно в *d*, например:

	Арухорчин	Барин	Чахар
<i>taqa</i> 'подкова'	<i>tax</i>	<i>daɣ</i>	<i>daɣ</i>
<i>tašlyur</i> 'кнул'	<i>tešyūr</i>	<i>dešyūr, tešyūr</i>	<i>dašyūr</i>

Согласным СПМЯ *γ*, *g* перед *t*, *š*, *s* и *č* в арухорчин-баринском говоре соответствует спирант *x* (тогда как, например, в калмыцком — смычный *к*). Однако в речи арухорчин спирантизация более заметна, чем в речи барин, ср. *γayso-* 'стоять', *uytu-* 'встречать' — арухорч. *джохсо-, ухта-*, барин *джоисе-, ухта-*.

Особенности морфологии. Множественное число имен существительных образуется посредством тех же суффиксов, что и в хорчинском и харчин-туметском говорах: *ем* 'женщина' — *емö*; *мör* 'конь' — *мöröd*; *эл* 'группа юрт' — *элүд*; *ax* 'старший брат' — *ax нар*; *моңол* 'монгол' — *моңолчүд*.

Но тем не менее заметны небольшие отклонения: 1) в арухорчин-баринском говоре употребляется *-чүл* — вариант суффикса *-чүд*: *бајан* 'богатый' — *бајчүд, бајчүл*; *бага* 'молодой' — *бахчүд, бахчүл*; *бүсегү* 'женщина' — *бүсегүчүд, бүсегүчүл*; 2) не встречается суффикс *-нүд*, его заменяет *-үд*: *шрē* 'стол' — *шрēгүд, шрēд*; *нохō* 'собака' — *нохōгүд, нохōдүд* и др.

В отличие от арухорчин и барин восточного крыла в речи барин западного крыла встречаются имена в соединительном падеже с суффиксом *-ла* (*-ла*): *тер ахлāгāн чүг јавджēн* 'он идет вместе со своим старшим братом'; *Батнаст надла чүг јрджē* 'Батнаст пришел вместе со мной'. Соединительный падеж употребляется в говоре редко, заменяясь более распространенным во всем диалекте совместным падежом.

Вторым падежом, который имеет ограниченное распространение в говорах, является направительный падеж. Как в хорчинском говоре, в арухорчин-баринском имеется суффикс *-джү*: *манē мај голджү орлō* 'наш скот напра-

нился к реке"; *тер баран глджү жавла* 'он ушел в аил, что на правой стороне'. Однако характерным для данного говора следует считать использование посложной конструкции с *урү* 'к, по направлению': *бид хоршд урү жаван* 'мы пойдем по направлению к кооперативу'; *хбд гол урү орлб* 'овцы направились к реке'; *терчин азін урү гарла* 'он направился к дому старшего брата'. В речи барин западного крыла зафиксировано: *мині толбд урү ус шутхатай* 'полей-ка мне на голову'.

Числительные, так же как и в остальных говорах, образуются присоединением к количественному числительному соответствующего по значению суффикса: порядковые -*дугар*, разделительные -*ад*, собирательные -*үл*: *гурав* 'три' — *гуравдугар* 'третий', *гуравд* 'по три', *гуравүл* 'втроем'.

Значение кратности в речи арухорчин и барин восточного крыла передается прибавлением к числительному слова *удā* 'раз': *хогор удā* 'два раза', *тав удā* 'пять раз'. Монголы хошуна Барин западного крыла используют в этом значении слово *таң* 'раз': *нег таң* 'один раз', *гурав таң* 'три раза'.

Склонение местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в речи монголов арухорчин и барин восточного крыла ничем не отличается. Небольшое отличие заметно лишь в склонении местоимений в речи барин западного крыла.

	Арухорчин	Барин восточного крыла	Барин западного крыла	
Им.	<i>би (бi)</i>	<i>чи (чi)</i>	<i>би (бi)</i>	<i>чи (чi)</i>
Род.	<i>мині</i>	<i>чині</i>	<i>мині</i>	<i>чині</i>
Дат. местн.	<i>надад, нāд</i>	<i>чамд</i>	<i>надад</i>	<i>чамд</i>
Вин.	<i>нѣмѣ, н2 мѣ1</i> <i>м2 нѣ, мѣнѣ1</i>	<i>чѣмѣ</i> <i>ч2 мѣ1</i>	<i>мѣнѣ</i> <i>мѣнѣ1</i>	<i>чѣмѣ</i> <i>чѣмѣ1</i>
Исх.	<i>нада̄с</i>	<i>чам̄ас</i>	<i>нада̄с</i>	<i>чам̄ас</i>
Орудн.	<i>нада̄р</i>	<i>чам̄р</i>	<i>нада̄р</i>	<i>чам̄р</i>
Совм.	<i>надтѣ</i>	<i>чамтѣ</i>	<i>надтѣ</i>	<i>чамтѣ</i>
Соед.	—	—	<i>надлѣ</i>	<i>чамлѣ</i>

Форма соединительного падежа сохраняется в речи барин западного крыла и в других разрядах местоимений: личное местоимени 1-го и 2-го лица множественного числа *манлѣ* 'с нами', *тадамлѣ* 'с вами', указательные местоимения *ене, тер, еден, теден* (в роли личного местоимения 3-го лица) — *енемлѣ, теренлѣ, еденлѣ и теденлѣ*.

В арухорчин-баринском имеется возвратное местоимение *ѣс, ѣсѣн* 'сам', которое изменяется лишь по нескольким падежам: *чи ѣсѣн үджнѣ* 'ты видишь только себя'. При образовании множественного числа присоединяется к *ѣсѣн* суффикс -*д*: *ѣсѣд* 'сами'.

Залогои образуются так же, как и в остальных диалектах, разница лишь в том, что некоторые из них оформляются иначе, в зависимости от фонетических процессов, типичных для говора.

Суффикс множественного числа субъекта действия в арухорчин-баринском говоре существует в двух вариантах, т.е. в речи арухорчин он произносится -*жага̄а*, тогда как в речи барин чаще -*чага̄а*: *ажад жага̄ас урт тертѣн хi-легажага̄а* 'прежде чем отправиться в путь, отладим наши телеги в ремонт'; *мані гiл үс чага̄агджн* 'наши (в аиле) косят сено'; *бид тер үдер нүджага̄а*

гевэ? «сказали, что надо кочевать в тот день?»; *герт ордо бада идчага* «входите в дом, отведайте пищи».

Повелительно-желательные формы в арухорчин-баринском говоре имеют некоторые отличия по сравнению с другими говорами восточного диалекта. Это касается в основном форм пожелания всех трех лиц. Суффиксу *-атаг (-ата)* речи хорчин и жарут в арухорчин-баринском соответствует суффикс *-атах (-атах)*: *би нег сэн суратах да* «учиться бы мне хорошо»; *чи нег тал түлөтх* «ты разведал бы огонь»; *тер хүдэд унатах бн да* «не упал бы этот ребенок» (арухорчин); *би одо жавтах* «пойти бы мне теперь»; *чи мэрбн услатах* «напоил бы своего коня» (барин восточного крыла); *би чи үгатах* «выпить бы мне чаю»; *чи аргал аватах* «принес бы ты несколько кизяков» (барин западного крыла).

В отличие от арухорчин в речи барин восточного и западного крыла имеются еще один суффикс, по значению соответствующий СИМЯ *-үсүсүй, -гөсүгө*. Это суффикс *-асла*, который употребляется для обозначения намерения, желания, чтобы совершилось действие: *би сэн сурасла да* «учиться бы мне лучше»; *чи жүрөслө дө* «приехать бы тебе»; *тер хүн одо жавасла да* «уехать бы теперь тому человеку»; *борбн орбөслө дө* «пойти бы дождю».

В экспедиционном материале встретился пример, где глагол с суффиксом *-асла* соответствует по значению иным формам, усложненным частицами. Сравни два примера: *би сэн сурасла да* и *би сэн сурсан бэл да* «учиться бы мне лучше».

Повелительно-желательная форма 3-го лица на *-түг* почти не встречается. Нами записан пример: *үгтер хя бэн, үджүгд* «пусть посмотрят, где пасется скот».

Изъявительные формы ничем не отличаются от таких же форм других говоров восточного диалекта. И в арухорчин-баринском говоре встречается весьма распространенная форма на *-джэна (-джэн)*: *джүд гмгн хөт джаж мглн гомт джач нлджэн* «Джодаский аймак граничит на севере с Шилинго-ским аймаком»; *би үдөр болгон хн тэ рүлджэна* «я ежедневно пасу овец»; *заб нас булаг гарджэн* «из скалы бьет родник»; *адү мал их гргн болджн* «умножается количество табуна»; *эж үкөн саджэна* «мать доит корову».

Изъявительная форма на *-а* нетипична для разговорной речи монголов Внутренней Монголии, поэтому она встречается реже других, в основном при вопросе: *чи хөдлэ жүрө?* «ты когда вернулся?»; *чи хя жавба?* «где ты был?».

Наиболее часто употребляются формы прошедшего времени на *-ла* и *-джэ (-дж)*: *би чөлбсөн дар чирет орджэ* «после освобождения страны я пошел служить в армию»; *чүнчэ телехлэ би сэ медлэ* «когда ты сказал, я сразу понял». Редки и сравненные формы: *би багасан авад мал тэ рүлэдлэджэ* «я с детства пас скот»; *би ене хөдөч джл тэ рэ рэдлэла* «я эти годы занимался хлебопашеством», где, например, *тэ рүлэдлэджэ* состоит из *тэ рүлэ* «пастись» + *-ад* (суффикс разделительного деепричастия) + *-и* (частица) + *-э* (< *би* «быть») + *-джэ* (суффикс глагола прошедшего времени).

Употребление соединительного, слитного или разделительного деепричастия в редуцированном виде замечено в разговорной речи всех монголов восточной части Внутренней Монголии: *би хол гаджир жавдж жавож жүрлэ*

'я вернулся из далеких странствий'; *бид амран амран ирлэ* 'мы пришли, часто отдыхая в пути'; *мёрдөн бэрэд бэрэд тивэдлэн* 'они ловят коней и тут же выпускают'. Несколько особняком от них стоит продолжительное деепричастие: при редупликации первый из них — в форме основы глагола, а второй принимает форму продолжительного деепричастия: *тед ол олсёр идчхлм?* 'что же они, по мере того как находят, тут же съедают?'; *тед ав авсёр хүнд өгдөг имэ* 'в какой мере они берут, в такой и возвращают'.

Следует отметить, что из всех деепричастных форм лишь разделительное, соединительное и продолжительное деепричастия чаще других присоединяют частицу *л* и глагол *бэ-* 'быть': *ес медсен юмй бү теледлэ* 'не говори о том, чего не знаешь'; *чэмэ ирех гедж соңсод бид нүден члмтлэн хардэлэджэ* 'услышав о том, что ты приедешь, мы всматривались (в даль) до боли в глазах'; *мині мөрй тгэл үгүэ бэрэдлэ* 'держи моего коня, не выпуская на волю'; *би арван хвден джл энд сусарлэджэ* 'я более десяти лет живу на этом месте'; *чамтэ үлджан гед тер хүлэсэрлэлэ* 'она продолжала ждать, чтобы встретиться с тобой'. Сравнительно частое употребление подобных форм глаголов монголами Внутренней Монголии несколько сближает их речь с речью ойратов, проживающих в провинции Ганьсу или в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В наших записях у торгутов Синьцзян-Уйгурского автономного района встречаются такие предложения: *нүүдэн тбстэ, бүхдэн утмта болмтэ гидж йрэджэ-нэвдн* 'мы (старшие) желаем: при кочевках, чтобы пыль поднималась, а на остановках — дым клубился'; *бидн тасг аз-дүйтэйн тамдан сүгэдлэнбедн* 'мы продолжаем жить вместе со своими братьями-казахами'.

В арухорчин-баринском говоре предварительное деепричастие оформляется при помощи суффикса *-мч*: *нар гарамч би эндёс јавсан* 'я поехал отсюда, как только взошло солнце'; *чамтэ телчидж барамч јавнэ* 'поеду, как только закончу разговор с тобой'; *үл гарамч борд орон* 'как только появятся тучи, пойдет дождь'; *би чамтэ үлджамч тэнсангүэ* 'как только встретил тебя, я [сразу] не узнал'.

В говоре арухорчин-баринском, как и в двух других говорах восточного диалекта, существует более употребительный суффикс предварительного деепричастия *-нэрэн*, которого нет в остальных диалектах: *теднй моңол гегёс гардж ирнёрён бүслэд авчлал* 'как только они вышли из юрты, их [тут же?] окружили [кольцом?]; *чэмэ телнёрён би медлэ* 'как только ты сказал, я понял'; *бид тернй үджнёрён бајаллэ* 'как только мы его увидели, обрадовались'; *үлгэ ерт боснёрён гарад јавлэ* 'как только утром рано встал, [тут же?] уехал'.

Мы уже отмечали, что форма на *-нэрэн* близка по своему значению к продолжительному деепричастию на *-сэр*, ср.: *тер герт ордж ирнёрён уой үчлхжэ* и *тер герт ордж ирсёр уой үчлхжэ* 'как только он вошел в дом, тут же напился воды'.

Характерную черту арухорчин-баринского говора составляет то, что глаголы на *-мч* и *-нэрэн* замещаются конструкцией, не зафиксированной в других говорах и состоящей из склоняемой формы причастия и послелога *дотор* с значением времени: *би Серегмэ үджхлм тор (үджемч, үджнёрён) тэнсан* 'как только увидел Серегму, узнал ее'; *бид үгсен тадхлм тор (тадамч, таднэрэн) хэрэд ирджэ* 'как только накосили сена, мы вернулись домой'; *би чэмэ телхлм тор (телемч, телнёрён) медлэ* 'как только ты сказал, я тут же понял'.

Приведем еще несколько примеров, записанных у арухорчии: *нар гархит тор (гарамч, гарндрән) тер јавджэ* 'как только взошло солнце, он поехал'; *еј босхит тор (босндрән, боссдр) гадтэ гарджэ* 'как только мать встала, она вышла на улицу'; *тер ордж ирхит тор (ирндрән, ирсвр) тамджам дэр сүджэ* 'как только вошел, он сел на кан'.

То, что послелог *дотор* может встречаться в некоторых случаях в сокращенном виде как *тор*, поддерживается и именами существительными, которые управляются этим послелогом: *манэ сурачид тор сэн суруд бэнэ* 'среди наших учащихся имеются и те, которые учатся хорошо'; *тер модонд тор джотод жэн* 'дом стоит в лесу'.

Несмотря на тенденцию использовать данные сочетания во временном значении, преобладающей и часто употребляемой разговорной формой во всех говорах восточного диалекта остается деепричастие на *-ндрән*.

Уступительное деепричастие и здесь имеет параллельную форму на *-јач*, обозначающую действие, вопреки которому осуществляется другое действие, передаваемое основным глаголом: *чи надад өгјач ес өгјач би ент аван* 'дашь ты мне ее или не дашь, я возьму эту вещь'; *тер тедт ехен канјач јуч хелсентүэ* 'как бы она ни скучала по матери, ничего не говорила'; *ма-гит тедт час орјач би јаван* (арухорч.) 'хотя завтра и пойдет снег, я поеду'; *хен ирјач би хөдөлүэ* 'кто бы ни приходил за мной, я не стану работать'; *тер гертэн бэ јач үсө хаддж шадхүэ* (барин) 'хотя он и будет дома, он не сможет косить сено'. Эта разговорная форма уступительного деепричастия весьма распространена в говорах и предпочтительна остальным формам.

В арухорчин-баринском говоре употребляются все три формы деепричастия цели: 1) *-хдр* (*тер ус дамалхдр јавлэ* 'он ушел, чтобы принести воды'; *ав мод авхдр гарлэ* 'отец вышел, чтобы принести дров'); 2) *-хэ* (*бид түлэ төвө јавнэ* 'мы поедем, чтобы перевезти топливо'; *чи тернэ мал херүлхэ јавнэ* 'ты отправь его, чтобы он пас скот'); 3) *-хүэ* (*тер хднөн хөдж ирхүэ јавджэ* 'он ушел, чтобы пригнать своих овец'; *өне хүхөд унтхүэ үлөджэн дә* 'этот ребенок плачет потому, что хочет спать'). Это же значение может быть передано сочетанием слитного деепричастия основного глагола с формой *гөдж*: *өне хүхөд унтан гөдж үлөджэн дә*.

В речи барин восточного крыла зафиксирован суффикс *-мән, -мәнджн*. Посредством этого суффикса образуется деепричастие, указывающее на причину совершения основного действия: *манэ ав джөс олмаджн сө үнэ түл-дадж авлэ* 'так как наш отец раздобыл деньги, он тут же купил корову'; *борд ормөн бид сө герт орджэ* 'так как пошел дождь, мы тут же убежали в дом'; *тернэ үджмөнджн сө медлэ* 'так как увидел его, он тут же все понял'. Деепричастие на *-мән, -мәнджн* отсутствует в хорчинском говоре, нет его и в подговорах. В восточном диалекте оно встречается в харчин-гуметском и арухорчин-баринском говорах.

Весь инвентарь записанных послелогов тот же, что и в остальных говорах. Остановимся лишь на нескольких послелогох, встречающихся в речи барин западного крыла: 1) *шн* 'подобно' управляет основой имени, но он имеет вариант *шд*: *чи јамар үхер шн тегет эжман јим* 'какой ты бестолковый, словно скотина'; *тер тарладж харадөжхэ үхер шу јмү дө* 'то, что виднеется черная, [вдали], похоже на быка'; 2) *чүчү, өжүчү* 'вровень, наравне' управляет

совместным падежом: *тер надтэ джүчү эджил тин* 'он работает наравне со мной'; 3) *толэ* (иногда и *-мид*) 'для', 'ради', 'за' управляет родительным падежом: *тер ардн толэ темчиджэнд* 'он борется за простой народ'; *би хүдн толэ джовджэ* 'я страдал ради детей'; 4) *чидэ, чинэ* 'подобно, величиною' управляет основной или же родительным падежом: *тодэ чидэ бијетэ, түүлэн чинэ мортэ* 'сам — с локоток, а конь его — с зайца'.

Союзов в говорах немного. В арухорчин-баринском говоре употребляются: 1) *ба* 'и' (*тер хүн сэн ба мүйн бид медхүэ* 'мы не знаем того человека — хороший он или плохой'; *чи набад дең ба час авад јир* 'ты принеси мне лампу и бумагу'); 2) *бөгөд* 'и' (*еке бүс үнтэ бөгөд бас јасан мүй* 'эта ткань дорога и притом плоха по качеству'; *бид тані бүр гаднахн шил бодло — өндөр бөгөд тариан, шар үстэ* 'мы представляли вас совсем иной национальности, высокой, полной и со светлыми волосами'); 3) *болөд* 'и' (*моңол хүнэ гол идгэ — мах болөд чаган идгэ* 'основная пища монгольского населения — мясо и молочные продукты'; *чт тер тугаз болөд-шигэн хөчх* 'ты отгони теленка и ягненка').

Во всех говорах употребляются разнообразные частицы. В арухорчин-баринском отрицание передается тремя частицами:

1) *үгэ*, которая чаще всего стоит после причастия будущего или же прошедшего времени: *дамаг үх меден, ават метхүэ* 'знает, как курить, но не знает, как купить табак'; *тані нолотхэт медсенүгэ* 'не знал, что у вас есть собака'. Только в речи арухорчин и барин зафиксировано отрицание *үгэ* со словом *өр* 'близкий' в виде *өргүгэ* (букв. 'близко не подходит', т.е. превосходит по своим качествам), которое употребляется при сопоставлении сходства или различий, например: *үл өргүгэ үндер хүн* '[такой] человек, который ростом выше, чем гора'; *хэнгуа өргүгэ сэтэн хэн* '[такая] красивая девушка, что цветок лотоса с ней не сравнится'; *үхер өргүгэ бүдүн гата* '[такая] толстая свинья, что бычок в сравнении с ней уступает';

2) *дэ* 'еще не', которая следует лишь за формой причастия настоящего времени: *би ним јүмү үджүдэ* 'я такой вещи еще не видал'; *бада болүдэ* 'пища еще не готова'; *мал тариалүдэ* 'скот еще не упитан'; *тер хотос јирүдэ бэджэ* 'он, оказывается, еще не вернулся из города';

в) *бши* (*бши, шт, ш*) 'не': *мөрчин тенд бэн бши?* 'не там ли твой конь?'; *тер хүн чамд тус ахас бши хор хихү* 'јим 'от того человека, кроме пользы, вреда тебе не будет'; *чт шатар набдаши?* 'ты не играешь в шахматы?'; *чт еке элн хүнү, бшиү?* 'ты из этого селения или нет?'. .

Характерную черту речи арухорчин составляет использование двух утвердительных частиц, объединенных в одну, чего не бывает в хорчинском и харчин-туметском говорах: *манэ гмдардж бэхчн-гмштā (штā < шү дā)* 'вот так мы и живем'; *хен манд үлгер хелдж өгөх бол дб?* — *тер хеленштā* 'кто нам расскажет былинку? — Конечно, он расскажет'.

Из других разрядов частиц отметим: 1) *беддэ* — несколько измененная модальная частица [ср. СПМЯ *bul ja da*, совр. монг. (халха) *буз*] с присоединенной к ней частицей *дэ*: *чт еке бичт тариан беддэ?* 'ты, может быть, сумеешь прочесть это письмо?'; *чт ени меден беддэ?* 'ты, может быть, знаешь об этом?'; *та чндан давс хтсен беддэ?* 'вы, может быть, уже посолили свой чай?';

2) \bar{t} — вопросительная частица, которая в речи арухорчин и барин часто произносится как \bar{e} (после сокращенного слова $j\bar{m}$, $j\bar{m} - m$): $ч\bar{t}$ *javat ted-jitlm̄*? *jadjetxm̄*? ‘ты собираешься уезжать или как?’; $ч\bar{t}$ *jamap ucirtj̄ men̄* *duddjetxm̄*? ‘по какому поводу меня вызываешь?’; *ed tedjet javatlm̄*? [*ed tedjet javitlm̄* (*javetxm̄*)?] ‘когда они едут?’. Особенно употребительна она после причастной формы, тогда как после имен остается \bar{t} : *tercin̄ mör. jlm̄*? ‘то—конь?’.

Хотя частица \bar{t} известна во всех говорах восточного диалекта, но произносится как \bar{e} лишь в арухорчин-баринском и подговоре их-мянган.

Междометия во всех говорах в основном одинаковы. При выражении удивления или восторга в речи арухорчин и барин употребляются разные междометия: арухорчин *ix, tedt̄ c̄xan xuar jlm̄*! ‘ой, какой красивый цветок!’; барин восточного крыла *vāddā, ene tedt̄ c̄xan jlm̄*! ‘ой, какая это красивая вещь!’; барин западного крыла *xaddā, end̄ člm̄ čulū bas b̄xam idā*! ‘ой, и здесь встречаются такие камни!’.

Общим для всего говора является \bar{t} , которое встречается и у арухорчин и у барин: \bar{t} , *x̄ran j̄m̄*, *jādjēlād ičča dē*! ‘ой, какая жалость! как вы потеряли его?’; \bar{t} , *x̄rxt̄ ten̄ x̄ted jlm̄*? ‘ой, бедняжка, чьи это дети?’.

Как видно из примеров, данное междометие приобретает несколько иной оттенок значения.

ОННЮТ-НАЙМАНСКИЙ ПОДГОВОР

Оннюты два хошуна — восточного и западного крыла, — которые территориально входят в состав Джоудаского аймака. Земли оннюты на севере граничат с баринами, на востоке — с найманами, на юге — с харчинами, а на западе — с хешиктенами.

Монголов-найман всего один хошун. Он находится в Джеримском аймаке, гранича на севере с оннютами и арухорчинами, на востоке — с аоханами. Аохан также один хошун, ныне он входит в состав оннюты. По своей речи аохане очень близки к оннютам.

Жители всех этих хошунов — оннюты, найманы и аохане — издавна занимаются земледелием.

Речь оннюты и найман, проживающих в разных аймаках Внутренней Монголии, мы выделяем в отдельный подговор потому, что он обладает чертами, общими как с восточным, так и с центральным диалектом. Переплетение особенностей разных диалектных групп дает возможность рассматривать его как самостоятельную единицу. Остановимся кратко лишь на некоторых его особенностях.

Особенности фонетики. Состав гласных такой же, как и в арухорчин-баринском говоре: помимо обычных во всех говорах и диалектах семи гласных имеются в нем переднеязычные \bar{e} (\bar{e}), \bar{o} (\bar{o}), \bar{y} : *taklyā* ‘курица’, *maylla-* ‘блеять’, *mitayā-* ‘сделать подарок ребенку, если ему купили что-либо новое’, *qayla* ‘жалость, сожаление’, *yarl-* ‘разговаривать’, *soli-* ‘менять, сменять’, *jačln* ‘гость’, *qoni* ‘овца’, *boyifi-* ‘подрастать, вырастать’, *sayuri* ‘основа

ние, место- — оннют-найман *дэлхэ, мэлд-, мэлд-, хэр, хэрл-, солл-, джочн, хон, боджл-, сур.*

Речь оннютов несколько отличается от речи найман:

1) в речи оннютов древнему комплексу *ayū* соответствует иногда долгий гласный *ō*, в то время как в найманской — долгий *yū*:

	Оннют	Найман
<i>ayula</i> 'гора'	дл	ул
<i>ḡayu-</i> 'держат в зубах'	джо-	джу-
<i>sayulya</i> 'ведро'	сболо	сулай
<i>ayuski</i> <i>акат.</i> 'легкие'	ошл	ушл
<i>dayun</i> 'песня'	дō(н)	дy(н)

2) в речи найман там, где в СПМЯ в первом слоге находился гласный заднего ряда *u*, иногда встречается восходящий дифтонг *ya*:

	Найман	Оннют
<i>ulayun</i> 'красный'	улāн, уалāн	улāн
<i>usun</i> 'вода'	ус(ан), уас(ан)	ус(ан)
<i>urtu</i> 'длинный'	урт, уарт	урт
<i>utusun</i> 'нитка'	утас(ан), уатас(ан)	утас(ан)

Возможно, здесь сказалось влияние речи соседних с ними монголов, поскольку подобное отклонение было зафиксировано лишь в харчин-туметском говоре восточного диалекта.

Оннют-найманский подговор характерен тем, что в нем наблюдаются звуковые процессы, нетипичные для других говоров и подговоров восточного диалекта. Мы имеем в виду переход сильных начальных согласных в определенных фонетических условиях в слабые начальные согласные. Подобное диссимилятивное явление известно лишь в говорах центрального и южного диалектов.

1) шипящая аффриката СПМЯ *č* сохраняется в оннют-найманском подговоре, не теряя своего исконного качества: *čimki* 'шепотка', *čad-* 'насыщаться', *čutbuγur* 'поводья' — оннют-найман *чмх, чад-, колбур*. Однако сильная начальная аффриката *č* перед такими же сильными согласными второго слога слова (*č* или *q, k, s*) диссимилятивно отражается в виде слабой аффрикаты *дж*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>čiči-</i> 'колоть, пронизывать'	джичл-	чичл-
<i>čidqu-</i> 'лить, вливать'	джутл-	чутл-
<i>čidkür</i> 'дьявол'	джутгер	чутгер
<i>čagčaya-</i> 'охлаждать'	джарчд-	чарчд-
<i>čaki-</i> 'бить'	джозл-	чозл-

2) сильный начальный смычный СПМЯ *t* перед такими же сильными согласными второго слога в слове (*t* или *č, q, k, s*) диссимилятивно отражается в говоре в виде слабого смычного *d*:

<i>tata-</i> 'тянуть, тащить'	<i>ᠲᠠᠲᠠ-</i>	<i>тата-</i>
<i>toḅḅi</i> 'пуговица'	<i>ᠲᠤᠪᠴ</i>	<i>тоᠪᠴ</i>
<i>toqum</i> 'потник'	<i>ᠲᠣᠭᠣᠮ</i>	<i>тоᠭᠣᠮ</i>
<i>törküm</i> 'родня замужней женщины'	<i>ᠲᠥᠷᠭᠡᠮ</i>	<i>төрᠭᠡᠮ</i>
<i>tusiya!</i> 'приказ'	<i>ᠲᠤᠰᠢᠶ᠋ᠠ!</i>	<i>туᠰᠢᠶ᠋ᠠ!</i>

3) сильный начальный спирант СПМЯ *q* в положении перед такими же сильными согласными последующего слога (*q* или *t*, *č*, *s*) в оннют-найманском подговоре отражается в виде слабого смычного *ɣ*:

<i>qadqu-</i> 'колоть, уколоть'	<i>ᠵᠠᠳᠠ-</i>	<i>таᠳᠠ-</i>
<i>qaltar</i> 'мухортый (о масти)'	<i>ᠵᠠᠯᠲᠠᠷ</i>	<i>таᠯᠲᠠᠷ</i>
<i>qəčar</i> 'щека'	<i>ᠵᠡᠴᠢᠷ</i>	<i>тэᠴᠢᠷ</i>
<i>qusum</i> 'пригорелая корка'	<i>ᠵᠤᠰᠠᠮ</i>	<i>тусам</i>
<i>qasɣala-</i> 'огораживать'	<i>ᠵᠠᠰᠢᠯᠠ-</i>	<i>таᠰᠢᠯᠠ-</i>

4) сильный начальный заднеязычный СПМЯ *k* перед такими же сильными согласными второго слога (*k* или *t*, *č*, *s*) отражается в виде слабого смычного *ɣ*:

<i>kökere-</i> 'зеленеть, синеть'	<i>ᠵᠥᠭᠦᠷᠡ-</i>	<i>тэᠭᠦᠷᠡ-</i>
<i>kötul-</i> 'вести'	<i>ᠵᠥᠮᠤᠯᠡ-</i>	<i>тэᠮᠤᠯᠡ-</i>
<i>küčir</i> 'трудный'	<i>ᠵᠥᠴᠢᠷ</i>	<i>түᠴᠢᠷ</i>
<i>küsel</i> 'желание'	<i>ᠵᠥᠰᠡᠯ</i>	<i>түсэл</i>
<i>kisigtel</i> 'счастливый'	<i>ᠵᠡᠰᠢᠭᠲᠡᠯᠡ</i>	<i>тешᠢᠭᠲᠡᠯᠡ</i>

В оннют-найманском подговоре, как и во всех других подразделениях восточного диалекта, шипящая аффриката *j* перед *t*, а также и перед остальными гласными сохраняет свое исконное качество: *᠋ᠷᠢᠭᠡᠨ* 'сердце', *ᠵᠠᠵᠤᠭᠤ* 'присоединять', *ᠵᠠᠵᠠᠳᠠᠷ* 'грива (например, у льва)', *ᠵᠠᠨ* 'лето', *ᠵᠤᠰᠤ* 'резать ломтями', *ᠵᠡᠪᠰᠡᠭ* 'орудие' — оннют-найман *джүрх(ен)*, *джалга*, *джолдор*, *джүлжүсө*, *джөссө*.

В оннют-найманском носовом СПМЯ *n* соответствует латеральный *ɲ*: *noɣtu* 'недоуздок' — *ноᠭᠲᠤ*; *nabbi* 'листья' — *наᠪᠴ*; аффрикате *j* — взрывной *ɖ*: *anɣtsun* 'плуг' — *энᠳᠠᠰ*; *dequŋle-* 'привесить' — *дүᠳᠡᠯᠡ*.

Особенности морфологии. Личное местоимение 1-го и 2-го лица единственного числа в речи монголов-найман старшего поколения иногда встречается в соединительном падеже: *тер чамᠤᠯᠡ ᠵᠢᠷᠰᠡᠨ хен ᠵᠠᠮᠤ?* 'кто тот, который пришел с тобой?'; *нэмᠤᠯᠡ тамт јавхᠠᠷ хүлᠡᠳж сүнᠠ* 'сидит и ждет, чтобы поехать вместе со мной'.

Глагол имеет следующие отличия:

1) в арухорчин-баринском говоре форма пожелания на *-ᠠᠳᠠᠭ* отмечалась лишь в речи жителей двух хошунов. Эта форма имеет место и в речи оннют-

бејечин сѣн болосло 'был бы здоров'; *тер майттар јирдслѣ* 'приехал бы он завтра'; *хү ётгѣн үдждаслѣ* 'встретился бы мальчик со своей матерью';

2) параллельно с формой глагола настоящего-будущего времени на *-нѣ (-н)* в оннют-найманском подговоре существует и суффикс *-джнѣ* для выражения действия, совершаемого в настоящее время: *мал хѣнѣ* '(он) гонит скот'; *голд орон* '(он) входит в реку'; *бѣ майттар јавнѣ* 'я поеду завтра'; *тер гер нутугѣн ет рѣжнѣ* 'он возвращается в свои родные кочевья'. Однако следует заметить, что форма на *-джнѣ* менее распространена в подговоре, замещаясь часто аналитической конструкцией с деепричастием на *-дж* и глаголом-связкой *бѣ* 'быть': *биден танѣ јирсено јѣ байладжнѣ* (чаще: *байладж бѣнѣ*) 'мы радуемся вашему приходу'; *мор ус үджнѣ* (чаще: *ус үдж бѣнѣ*) 'конь пьет воду'; *манѣ ет баад хѣжнѣ* (чаще: *баад хѣдж бѣнѣ*) 'наша мать готовит пищу';

3) в отличие от всех говоров и подговоров восточного диалекта в оннют-найманском предварительное деепричастие на *-нѣрѣн* используется реже. Хотя оннюты и найманы и говорят: *нар гарнѣрѣн дуларч* 'как только взошло солнце, потеплело'; *герт орнѣрѣн телджѣ* 'как только вошел в дом, он сказал'; но более широкое распространение в их речи приобретает другой суффикс предварительного деепричастия — *-магч*: *атѣн дү гармагч соңсѣжѣ* 'как только брат сказал, тут же послушался'; *менѣт сурмагч тер медлѣ* 'как только я спросил, он понял'; *джас ормогч минѣ дү надхүе гарчѣджѣ* 'как только выпал снег, мой братишка вышел играть'.

Однако между речью найман и оннютов наблюдаются и такие различия: иногда вместо суффиксов *-нѣрѣн* и *-магч* в речи найман употребляется *-мт*, например: *тернѣ үджемт гарѣд јрѣжѣ* 'как только его увидел, вышел на-встречу'.

В речи оннютов все эти суффиксы предварительного деепричастия иногда замещаются конструкцией с причастием и послелогом *тор* (сокращенный *дотор*). Так, в нем зафиксированы: *чинѣ јрѣжѣн тор бѣ јавсан* 'как только ты пришел, я ушел'; *јү хѣдѣ јравѣ? гедж джѣ хүтѣн үдждѣн тор хелнѣ* 'что ты явился? — спросила она своего племянника, как только увидела его'. С подобной конструкцией мы встречались в арухорчин-баринском говоре. Так же как и в нем, в оннютской речи *дотор* и при основе имени встречается в виде *тор*: *ене авдар тор дѣл бѣн* 'в этом сундуке хранится шуба'; *тернѣ гер тор эран хүн бѣн* 'у них в доме много народу'. Однако возможна и полиз форма *дотор*: *га-шѣ дотор тугѣн ујлѣ* 'теленка привязала в сарае'.

ИХ-МЯНГАНСКИЙ ПОДГОВОР

Немногочисленное население монголов хошуна Их-мянган еще в середине XVIII в. было переселено из района Кобдо (МНР) в пределы бывшей Маньчжурской империи, в провинцию Хэйлунцзян. В литературе они известны еще и как маннай-олът (олот, элот). О них писалось: 'Население хошуна принадлежит к западной ветви монгол, называемой китайцами ольтами, олонтами, элугами, а русскими калмыками. Ольты распадается на несколько племен, ольты, населяющие этот хошун, принадлежат к племени хойтов, поколению Пехе-Минган' /4, с. 99/.

Их-мянгань составляют один хошун и территориально входят в район Фухай уезда Фуюй провинции Хэйлунцзян. Общая численность населения — 400 человек.

Фонетическая и морфологическая структура их-мянганского подговора за два с лишним века развития в другой среде несколько изменилась, и, согласно данным экспедиции, можно утверждать, что она сейчас ближе всего стоит к строю говора типа арухорчин-баринского восточного диалекта. Что касается лексики, то заметна следующая особенность: с одной стороны, сохраняются некоторые черты, общие с ойратскими говорами Синьцзян-Уйгурского автономного района, а с другой — общие с языком монголов Внутренней Монголии.

Особенности фонетики. В их-мянганском подговоре существуют те же самые гласные звуки, что и во всех говорах восточного диалекта, в частности гласные переднего ряда ε , $\bar{\varepsilon}$, \ddot{o} , \ddot{o} :

	Их-мянган	Арухорчин-барин
<i>tasi</i> 'плеть, кнут'	тэ шүр	тэ шүр
<i>aylmıtuıai</i> 'боязливый'	э мтхэ	эмтхэ
<i>morin</i> 'конь'	мөр(н)	мөр(н)
<i>qorıai</i> 'подол'	хормё	хормё

Гласный \ddot{o} СПМЯ отражается в подговоре в виде узкого γ : *dörüge* 'стрема', *böglege* 'пробка', *möndür* 'град' — их-мянган *дүрү*, *бүглэ*, *мүндер*. Подобное замещение объединяет все говоры восточного диалекта.

В их-мянганском подговоре не имеют «перелома» гласного / такие слова, как: *ᡵᡳᠨ* 'шестьдесят', *ᡵᡳᠪᡳᠷ* 'легкий', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'иной', *ᡵᡳᠨᡳᠨ* 'варить', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'сжигать', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'зубы', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'повод, предлог' — *джиран*, *кларар*, *кпрү*, *шкно*, *хкнэ*, *шю(ен)*, *шлмаг*.

Аффриката ε СПМЯ как перед гласным /, так и перед остальными гласными сохраняет в подговоре свой исконный шипящий характер и отражается в виде ε : *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'наедаться, насыщаться', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'воин, войско', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'кровь', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'белый' — их-мянган *чад*-, *чрег*, *чус(ан)*, *наган*.

Шипящая аффриката γ в положении перед гласным /, а также и перед другими гласными, сохраняя свое исконное качество, отражается в виде γ : *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'рыжий (масть)', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'сон, сновидение', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'мучиться', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'сорока', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'рыба', *ᡵᡳᡳᡳᡳ* 'толстый' — их-мянган *джерд*, *джерд(ен)*, *джеро*-, *шаджигэ*, *джигас(ан)*, *джерджен*.

Отличительную черту подговора составляет то, что в нем одним из всех говоров восточного и центрального диалектов встречается заднеязычный смычный согласный k . Он известен в южном (ордосском) диалекте Внутренней Монголии, а из других монгольских языков — в СПМЯ, калмыцком и ойратских говорах провинций Ганьсу, Цинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Во всех других говорах Внутренней Монголии древний k слился со спирантом x :

<i>takiya</i> 'курица'	<i>maxā</i>	<i>mɛxā</i>
<i>ketē</i> 'огниво'	<i>ket</i>	<i>xet</i>
<i>kürgeŋ</i> 'зять'	<i>күрген</i>	<i>хүрген</i>
<i>ebke-</i> 'свертывать'	<i>еөкө-</i>	<i>ебхе-</i>
<i>küre-</i> 'достичь'	<i>күре-</i>	<i>хүре-</i>
<i>sūke</i> 'топор'	<i>сүк</i>	<i>сүх</i>
<i>keregül</i> 'ссора'	<i>керүл</i>	<i>херүл</i>
<i>yeke</i> 'большой'	<i>ik</i>	<i>jix</i>
<i>kesig</i> 'счастье'	<i>кеш/и</i>	<i>хеш/и</i>
<i>kegere</i> 'поле, степь'	<i>кёр</i>	<i>хёр</i>
<i>čikibčī</i> 'наушники'	<i>ч/көвч/</i>	<i>ч/хөвч/</i>
<i>kümün</i> 'человек'	<i>күн</i>	<i>хүн</i>
<i>ūker</i> 'крупный скот'	<i>үкер</i>	<i>үхер</i>
<i>kebter</i> 'лёжка скота'	<i>көстөр</i>	<i>хөстөр</i>
<i>kürje</i> 'лопата'	<i>күрдж</i>	<i>хүрдж</i>
<i>kbtūske</i> 'брови'	<i>күмсөи</i>	<i>хөмсөи</i>
<i>kebte-</i> 'лежать'	<i>көсте-</i>	<i>хөсте-</i>

В подговоре замечается озвончение переднеязычного смычного **п** в начале и середине слов, что несвойственно говорам восточного диалекта: их-мянган *əjaɪ* 'трость, палка'; *dɛxɪm* 'коленный сгиб'; *duɪ* 'знамя'; *dɛvɔdɔ-* 'размягчать' — хорчин *majɪ*, *mxɪm*, *tuɪ*, *dɛvɔtɔ-*.

Чередование согласных **л** и **н** известно всем говорам восточного диалекта. Оно заметно и в данном подговоре:

Их-мянган	Хорчин	Чахар
<i>loxɪ</i> 'недоуздок'	<i>loxɪ</i>	<i>noxɪ</i>
<i>lavɪ</i> 'листья'	<i>lxɪvɪ</i>	<i>navɪ</i>
<i>ɪamla-</i> 'экономить'	<i>ɪamla-</i>	<i>ɪamna-</i>
<i>lxɪda-</i> 'надеяться'	<i>lxɪda-</i>	<i>naɛda-</i>
<i>ɔamla-</i> 'нести на коро- мысле'	<i>ɔamla-</i>	<i>ɔamna-</i>
<i>ɔomlo-</i> 'исцелять'	<i>ɔomlo-</i>	<i>ɔomno-</i>

Однако в подговоре отмечается **р** вместо **л** СПМЯ или других говоров: *mayɪla-* 'блестеть' — их-мянган *mɛra-*, арухорч.-барин. *mɛla-*, нах. *maɛla-*.

Особенностью их-мянганского подговора является метатеза согласных в тех словах, в которых нет ее в других говорах и диалектах:

	Их-мянган	Хорчин	Шилингол
<i>ɔlɪgɛr</i> 'образец'	<i>үргел</i>	<i>үлгөр</i>	<i>үлгөр</i>
<i>malɪr</i> 'дикая кошка'	<i>марал</i>	<i>малар</i>	<i>малар</i>
<i>etbegekɪ</i> 'бабочка'	<i>еврѣтѣ</i>	<i>ербѣхѣ</i>	<i>ербѣхѣ</i>
<i>utasun</i> 'нитка'	<i>усао</i>	<i>утас(ан)</i>	<i>утас(ан)</i>

В немногих словах аффрикате **дʒ** СПМЯ соответствует в подговоре спл-рант **ж**:

<i>šina</i> - 'варить'	<i>шна</i>	<i>чана</i>
<i>šimege</i> 'весть, известие'	<i>шиме</i>	<i>чиме</i>
<i>šakur</i> 'демон'	<i>шүгөр</i>	<i>шүгөр, чүгөр</i>

Особенности морфологии. Образование множественного числа имен в основном совпадает с таковым же в арухорчин-баринском говоре. Мы лишь перечислим эти суффиксы: 1) *-с*: *емс* 'женщины', *ерс* 'мужчины'; 2) *-д*: *мөрүд* 'кони', *ноздод* 'собаки', *штрөд* 'столы', *адүд* 'табуны'; 3) *-үд*: *улсүд* 'люди, народ', *дарханүд* 'кузнецы', *йхсүд* 'взрослые'; 4) *-чүд*: *байчүд* 'молодежь', *байачүд* 'богачи'; 5) *нар*: *нүгөр нар* 'друзья', *емч нар* 'врачи'.

В их-мянган, так же как в арухорчин-баринском говоре, отсутствуют суффиксы *-нүд* и *-чүл*.

Падежи не отличаются от арухорчин-баринского говора, они имеют те же самые суффиксы образования.

Все разряды числительных образуются присоединением тех же суффиксов, что и в арухорчин-баринском говоре: *-үл* (собирательное числительное), *-дд* (разделительное числительное), *-дүгүдүр* (порядковое числительное).

Местоимения 1-го и 2-го лица единственного *би*, *чи* и множественного числа *биден*:

Им.	<i>би</i>	<i>биден</i>	—	<i>чи</i>
Род.	<i>мині</i>	<i>биднэ</i>	<i>менэ</i>	<i>чині</i>
Дат.-местн.	<i>над</i>	<i>биденд</i>	<i>манд</i>	<i>чамд</i>
Вин.	<i>немэвті</i>	<i>биднт</i>	<i>мант</i>	<i>чэмэвт</i>
Исх.	<i>надас</i>	<i>биднэс</i>	<i>манас</i>	<i>чамас</i>
Орудн.	<i>надар</i>	<i>биднёр</i>	<i>манар</i>	<i>чамар</i>
Совм.	<i>надтэ</i>	<i>бидентэ</i>	<i>мантэ</i>	<i>чамтэ</i>

В склонении личных местоимений отмечено: а) в именительном падеже *би* 'я', *чи* 'ты' не имеют долгих гласных; б) напротив, основа косвенных падежей приобретает долгую гласную — *и* (*д*); в) местоимение с основой на *ман* менее употребительно, чем местоимение *бид*.

Образование всех форм глаголов мало отличается от арухорчин-баринского говора.

В употреблении повелительно-желательных форм замечены следующие особенности: а) в подговоре отсутствуют формы пожелания на *-амат* и *-асла*, которые характерны для арухорчин-баринского говора; б) в подговоре употребляется повелительно-просительная форма 2-го лица на *-ач* (иногда *-ах*): *жавач*, *йреш*.

Исъявительные формы не отличаются от аналогичных форм глаголов арухорчин-баринского говора, в их-мянганском употребляются те же формы времен. Из трех форм прошедшего времени наиболее употребительной остается и здесь форма на *-джэ*: *јаја* 'дядя уехал в деревню'; *она* *ик джовлаң үджджэ* 'она перенесла много горя'.

В подговоре отсутствует несколько суффиксов деепричастий, употребляющихся в арухорчин-баринском говоре параллельно с другими суффиксами.

например *-матч* (предварительное деепричастие), *-jāč* (уступительное деепричастие), *-хār* (деепричастие цели).

В остальных разрядах слов (наречие, послелог, союзы, частицы) их-мянганский подговор не имеет особых отклонений от арухорчин-баринского говора, если не учитывать некоторые явления, связанные с фонетическими процессами в подговоре.

Фонетические и морфологические данные их-мянганского подговора больше всего совпадают с данными арухорчин-баринского говора. Можно допустить, что малочисленная группа ойратов, оказавшись много веков назад в другой языковой среде, постепенно усвоила и перешла на речь окружавшего ее местного населения — монголов восточной части Внутренней Монголии. Несмотря на малочисленность носителей, их-мянганский подговор функционирует как средство общения на узкоограниченной территории, сохраняя общие восточномонгольские черты.